

Информационно-исследовательский центр «Панорама»

Московская Хельсинкская группа

Центр развития демократии и прав человека

Фонд защиты гласности

Язык мой...

Проблема этнической
и религиозной
нетерпимости
в российских СМИ

Москва
Центр «Панорама»
Октябрь 2002

УДК 323.1:659(082)
ББК 76.0я43
Я41

Я41 **Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ** / Сост. А.М. Верховский. – М.: ООО «Центр “Панорама”», 2002. – 200 с. (Научное издание)

ISBN 5-94420-008-1.

Предлагаемый Вашему вниманию сборник статей посвящен теме этнической и религиозной ксенофобии в российских средствах массовой информации – так называемому *Языку Вражды* (hate speech). Сборник – итог пилотного этапа проекта «*Язык Вражды* в российских СМИ: мониторинг и общественные действия», реализованного четырьмя партнерскими неправительственными организациями – Информационно-исследовательским Центром «Панорама», Московской Хельсинкской группой, Центром развития демократии и прав человека и Фондом защиты гласности в 2001-2002 гг.

Сборник включает анализ проведенного мониторинга прессы, теоретические статьи о проблеме *Языка Вражды*, обсуждение возможностей правового или иного регулирования, информацию об акциях в рамках проекта, примеры нормативного и прецедентного регулирования в нашей стране и за ее пределами.

Проект реализован при поддержке Института «Открытое общество»-Будапешт и Института «Открытое общество»-Москва.

Сайт проекта – <http://tolerance.ngo.ru/hs>

Лицензия ИД №03713 от 12.01.2001.

Подписано в печать 30.09.2002. Формат 60x84 ¹/₁₆, Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 1000. Заказ
ООО «Центр “Панорама”». 113184, г.Москва, ул. Новокузнецкая, д.1, стр.3.
121019, Москва, Г-19, а/я 236. Тел. 290-6155, тел./факс: 290-4810.
URL: www.panorama.ru. E-mail: info@panorama.ru.
Типография Россельхозакадемии. 115598 Москва, ул. Ягодная, 12.

ISBN 5-94420-008-1.

© ООО «Центр “Панорама”», 2002
© ООО Московская Хельсинкская группа, 2002
© АНО Центр развития демократии и прав человека, 2002
© Фонд защиты гласности, 2002
© Винник Н.В., 2002 – дизайн, верстка

Содержание

Введение	4
Как проводился мониторинг Языка Вражды	10
<i>Александр Верховский</i> Общий анализ результатов мониторинга	20
<i>Татьяна Локишина, Сергей Лукашевский</i> Сравнительный анализ ситуации в центральных и региональных СМИ	49
<i>Галина Ковальская</i> Язык Вражды в Рязани	74
<i>Вячеслав Лихачев</i> Язык Вражды в оппозиционных политических периодических изданиях	82
<i>Иосиф Дзялошинский</i> Кому выгодно тиражирование нетерпимости?	100
<i>Юрий Казаков</i> Между «что делать...» и «что делать?»: пресса и общество в ситуации повышенного риска	115
<i>Анна Севортьян</i> Действия против языка: nonsens или шанс?	138
<i>Роман Сапожников</i> Правовые механизмы противодействия разжиганию национальной вражды с использованием средств массовой информации	145
<i>Лев Левинсон</i> Баланс или несоразмерность	154
<i>Приложение 1</i> Противодействие дискриминации: европейские национальные корпоративные ориентиры для профессионального журналиста	165
<i>Приложение 2</i> Прецеденты саморегулирования в журналистском сообществе	174

Введение

Проблема использования средств массовой информации для возбуждения национальной, религиозной и иной вражды далеко не нова. Чаще всего она обсуждается применительно к изданиям национал-радикального толка, наиболее известным (и тиражным) представителем которых является газета «Завтра». Но проблема, в не столь, конечно, острых формах, существует и в «мэйнстриме», т.е. в прессе, не маргинальной ни по тиражам, ни по содержанию. И присуща эта проблема не только российским СМИ. В англоязычных странах для обозначения ее используется устойчивый термин hate speech.

Подчеркнем, что термин этот родился в странах с практически неограниченной свободой слова, так что речь там шла (и идет) не о запретах для СМИ и тем более не об уголовном преследовании. В России же (как и в большинстве европейских стран) существуют довольно жесткие (пусть и редко применяемые) административные и уголовные запреты на возбуждение расовой, национальной и религиозной розни, так что нам важно как-то различать разные степени hate speech. Даже сам термин не следует переводить буквально – как «речь ненависти», т.е. возбуждение ненависти (по национальному и т.п. признакам), так как это как раз и будет тождественно запретительным формулировкам нашего права. Между тем, зачастую речь идет явно не о преступлении, а о небрежности и некоторой личной некорректности, о том, что в тех же англоязычных странах называется нарушением «политической корректности». Чтобы не брать на себя классификацию hate speech по степени его запретности, мы сочли возможным предложить некий условный перевод этого термина, под которым мы предлагаем понимать всю совокупность текстов (а также заголовков, фотографий и иных элементов) СМИ, прямо или косвенно способствующих возбуждению национальной или религиозной вражды или хотя бы неприязни.

Далее такие тексты или их элементы мы не будем называть английским термином, а будем использовать свой перевод – *Язык Вражды*.

Можно обозначить несколько причин укоренения *Языка Вражды* в сознании россиян. Среди них – широкое распространение расистских настроений в обществе и отсутствие толерантности по отношению к «иным» культурам и религиям, усугубляемые трудным социальным

и экономическим положением основной части населения. Отсутствие осознания журналистами и редакторами того, что проблема *Языка Вражды* существует и актуальна для России, слабая реакция со стороны общественности в целом и неправительственных организаций в частности усугубляют ситуацию. К сожалению, в нашем обществе отсутствуют традиции морального осуждения *Языка Вражды*. Он воспринимается как норма политической и социальной жизни, хотя и не совсем приятная норма.

Многие специалисты, занимающиеся проблемой расизма и этнической дискриминации в России, считают, что государство заигрывает с националистически ориентированными политиками и идеологами. Ведущие государственные деятели, влиятельные политики почти не апеллируют к общественности с призывом бороться с проявлениями нетерпимости и неприятия людей другой национальности, расы или вероисповедания. Более того, высшие государственные лица отказываются комментировать даже весьма грубые инциденты (например, высказывания краснодарского губернатора Ткачева). Важно не только само по себе игнорирование юридических и административных норм, но и «сигнал», который подается таким образом обществу.

В самом журналистском сообществе до сих пор предпринималось довольно мало попыток к полноценному осуждению разжигания национальной, религиозной и иной розни. Поскольку этические нормы саморегулирования средств массовой информации в этой области не разработаны, разного рода ксенофобия находит широкое распространение даже в уважаемых общественно-политических периодических изданиях и в особенности в телевизионных и радиопередачах. Журналисты и редакторы часто не понимают (или не желают задуматься), какие именно высказывания политических и общественных деятелей, государственных официальных лиц, государственных служащих и т.д. имеют расистский и дискриминационный характер, и не считают, что такие заявления должны быть соответствующим образом прокомментированы.

Другой ослабляющий фактор – слабость и разрозненность действий гражданского общества, направленных против *Языка Вражды*. Индивидуальные обращения и коллективные письма по факту ксенофобных высказываний или действий до сих пор не трансформировались в общую позицию общественности и целенаправленные, скоординированные действия против разжигания вражды.

Перечень этих отрицательных факторов можно завершить констатацией отсутствия общественного диалога по проблеме *Языка Вражды*.

Текущая ситуация парадоксальна – в то время как уже укоренившийся *Язык Вражды* с пугающей быстротой занимает все новые позиции, фактически все делают вид, что ничего из ряда вон выходящего в стране не происходит. Поэтому некоторые из тех, кто распространяет призывы к насилию, переходят от слов к действию – на сегодняшний день все знают о скинхедах (хотя до сих пор находятся и чиновники, и журналисты, которые отрицают само наличие такого феномена). Число случаев насилия над представителями этнических и религиозных меньшинств в различных регионах страны растет. Чем дольше сохраняется такая ситуация, тем сложнее будет изменить отношения общества к этому опасному явлению, тем труднее будет исправить нанесенный обществу ущерб.

Эти соображения и отсутствие анализа конкретных проявлений *Языка Вражды* подтолкнули четыре партнерские неправительственные организации – Информационно-исследовательский Центр «Панорама», Московскую Хельсинкскую группу, Центр развития демократии и прав человека, Фонд защиты гласности – разработать и взяться за реализацию проекта «*Язык Вражды* в российских СМИ: мониторинг и общественные действия». Предлагаемый вашему вниманию сборник составлен по результатам пилотного этапа проекта (сентябрь 2001 – август 2002 г.).

Важно сразу оговориться, что целью нашего проекта не является обличение изданий и журналистов. Одни журналисты сознательно ведут расистскую пропаганду, другие – и их большинство – употребляют *Язык Вражды* без расистского умысла. Мы также не считаем себя объективными судьями в вопросе – какой язык вообще допустим в журналистике; мы отдаем себе отчет в том, что использование многих оборотов речи весьма спорно, что границы «политкорректности» условны и подвижны, а в нашем обществе и вообще почти не определены. Предлагаемая далее классификация результатов мониторинга должна стать основой не для осуждения «рекордсменов *Языка Вражды*», а для наших общих размышлений о том, что и почему возбуждает вражду, а также о том, что и как должно в этой связи писать или не писать.

Интуитивно понятно, что *Язык Вражды* может проявляться в очень разных формах. Во-первых, может сильно различаться содержание текста – от призыва к геноциду до обидного наименования нации. Это требует определенной классификации *Языка Вражды* по видам, о чем речь пойдет далее. Во-вторых, не обязательно *Язык Вражды* проявляется непосредственно в тексте статьи: он может содержаться только в ее тоне, в стиле заголовков, в подборе фотографий и т.д. Здесь в мониторинге неизбежна некоторая субъективность, но мы считаем, что ее не следует слишком бояться: в конце концов, *Язык Вражды* и рассчитан на чье-то субъективное восприятие и/или порожден чьим-то субъективным восприятием.

В ходе мониторинга СМИ мы принципиально ограничились рассмотрением вражды только по национальному (этническому) и религиозному признакам. Определению возбуждения вражды должно предшествовать определение объекта этой вражды, и с этим возникают некоторые сложности. Самый заметный пример в нашем мониторинге – американцы: с точки зрения многих ученых, американцы – не этнос. Но этот чисто академический спор мы оставляем в стороне: ведь для подавляющего большинства наших сограждан, и журналистов в том числе, американцы – такая же нация, как французы (среди которых могут быть, например, арабы – по самоидентификации или на чей-то взгляд). Пресса в этом смысле лишь отражает массовое сознание, а в нем неясности с национальной идентификацией проявляются, как кажется, довольно слабо. Кроме американцев, можно было бы привести и другие примеры (например, евреи могут рассматриваться и как этническая, и как религиозная группа, но в нашей прессе рассматриваются почти исключительно как этническая).

Важно только оговорить, что, упоминая «американцев», мы везде имеем в виду именно американский народ или его условно типичных представителей, а никак не правительство США (и то же – относительно всех остальных народов). Политическая вражда, в том числе по отношению к другим государствам, не была предметом нашего мониторинга.

Мониторинг центральных (московских) СМИ, включая интернет, осуществлял Информационно-исследовательский центр «Панорама» (мониторы – Людмила Михэеску и Вячеслав Лихачев).

Региональный мониторинг координировала Московская Хельсинкская группа. В регионах мониторинг осуществляли Центр независи-

мой журналистики Кузбасса (Евгений Беседин), Краснодарская городская организация по защите прав человека (Владимир Козлов), Пермский региональный правозащитный центр (Оксана Борисенко), Рязанская школа прав человека (София Иванова), Центр правовой помощи им. Гарольда и Сельмы Лайт (Санкт-Петербург, Рудольф Масарский).

В рамках проекта проводилась работа, адресованная журналистам (координатор – Фонд защиты гласности), в том числе – подготовка пособия по журналистской этике применительно к национальной и религиозной тематике (Юрий Казаков).

Важной частью проекта стали общественные действия (координатор – Центр развития демократии и прав человека). В качестве партнеров в них приняли участие неправительственные организации в регионах проведения мониторинга: Центр независимой журналистики Кузбасса, Новороссийские городской фонд «Школа мира» и организация «РУМА», «Южная волна» (Краснодар), Пермские «Мемориал» и Центр поддержки демократических молодежных инициатив, Рязанская школа прав человека, Центр развития некоммерческих организаций (Санкт-Петербург).

Сборник содержит аналитические материалы, подготовленные на основе мониторинга, проведенного в ходе первого – пилотного – года проекта на федеральном уровне и в пяти российских регионах, описание общественных действий, состоявшихся в рамках проекта, ряд статей видных специалистов в области СМИ и журналистской этики и другие материалы.

Сборник был составлен Александром Верховским при активном участии Татьяны Локшиной, Юрия Джибладзе, Юрия Казакова и Анны Севортьян. Редактура и корректура – Светлана Ковалева и Валерия Ахметьева.

Более подробно деятельность по проекту освещается на его сайте – <http://tolerance.ngo.ru/hs/>

Там можно ознакомиться с подробными отчетами по мониторингу, которые и легли в основу включенных в этот сборник аналитических статей. Кроме того, на сайте приведены материалы других проектов, имеющие отношение к теме *Языка Вражды*, информация о мероприятиях, связанных с проектом, и т.д.

Мы надеемся, что в ближайшие несколько лет наш проект получит дальнейшее развитие и в части исследовательской и просветительской, и в части общественных кампаний.

Проект реализован при поддержке Института «Открытое общество»-Будапешт и Института «Открытое общество»-Москва.

Наши координаты:

Информационно-исследовательский центр «Панорама»

Адрес: 121019, Москва, Г-19, а/я 236

Тел/факс: (095) 290-48-10, 290-61-55

E-mail: info@panorama.ru

WWW: <http://www.panorama.ru>

Контактное лицо: Александр Верховский

Московская Хельсинкская группа

Адрес: 107045, Москва, Б. Головин пер., 22, стр. 1

Тел/факс: (095) 207-60-69

E-mail: mhg-main@online.ptt.ru

WWW: <http://www.mhg.ru>

Контактное лицо: Татьяна Локшина

Центр развития демократии и прав человека

Адрес: 119842, Москва, ул. Волхонка, 14, 4-й этаж, ком. 425

Тел/факс: (095) 203-91-96

E-mail: center@demokratia.ru

WWW: <http://www.demokratia.ru>, <http://www.tolerance.ngo.ru>

Контактное лицо: Юрий Джибладзе

Фонд защиты гласности

Адрес: 119021, Москва, Зубовский бульвар, д. 4, комн. 432

Тел.: (095) 201-32-42, 201-49-74

Факс: (095) 201-49-47

E-mail: fond@gdf.ru

WWW: <http://www.gdf.ru>

Контактное лицо: Юрий Казаков

Общий адрес для корреспонденции по проекту – hs@demokratia.ru

Как проводился мониторинг Языка Вражды

Ограничения мониторинга

СМИ в России очень много, так что для мониторинга мы отобрали лишь небольшую их часть. Мониторингу подверглись некоторые федеральные печатные СМИ и интернет-сайты, а также печатные СМИ пяти субъектов Федерации (далее – регионов). Регионы эти:

- Кемеровская область,
- Краснодарский край,
- Пермская область,
- Рязанская область,
- Санкт-Петербург.

Регионы отбирались таким образом, чтобы среди них были регионы с заведомо высоким и заведомо низким уровнем *Языка Вражды*, более и менее развитые экономически, с разной политической ориентацией руководства, представляющие разные географические зоны страны. Конкретный выбор обусловлен предварительной гипотезой о том, что мегаполис, два промышленных региона с высокой долей городского населения, типичный регион т.н. красного пояса и южный регион, известный грубыми нарушениями прав национальных меньшинств со стороны властей, дают относительно объективный срез общероссийской ситуации.

Мы решили не включать в мониторинг национальные республики, потому что они заслуживают отдельного изучения. Прежде всего, это связано с наличием двойного смысла термина «доминирующая нация» – в смысле этнической группы и/или религии в национальных республиках. Например, в Татарстане «господство» русских как этнической группы в стране сопряжено с концепцией «титальной» нации – татар в республике, а «господство» русского православия в стране пересекается с местным распространением ислама. Во-вторых, многие местные средства массовой информации издаются на национальных языках, что создавало бы дополнительные трудности в проведении мониторинга и анализа.

СМИ мы также стремились отбирать разные: ежедневные и еженедельные, разного тиража (с непременным включением лидеров), раз-

ной степени солидности (от газет «для тех, кто принимает решения», до изданий, многими воспринимающихся как «бульварные»), более и менее подозревающиеся в использовании *Языка Вражды*. На федеральном уровне в выборку были включены 10 ежедневных газет, 5 еженедельников и 5 веб-сайтов.

Федеральный уровень

Ежедневные газеты:

1. Известия;
2. Комсомольская правда;
3. Красная звезда;
4. Московский комсомолец;
5. Независимая газета;
6. Новые Известия;
7. Российская газета;
8. Советская Россия;
9. Труд;
10. Коммерсант.

Еженедельники:

1. Аргументы и факты;
2. Версия;
3. Литературная газета;
4. Мегаполис-Экспресс;
5. Россия.

Веб-сайты:

1. Страна.Ру;
2. Утро.Ру;
3. Дни.Ру;
4. СМИ.Ру;
5. АПН.Ру.

В регионах мы первоначально планировали включить по 5 ежедневных газет и по 2–3 еженедельника, но выяснилось, что в регионах состав СМИ гораздо беднее, чем мы предполагали. Ни в одном регионе не выходит 5 ежедневных газет. Поэтому и состав, и число изданий, подвергшихся мониторингу в разных субъектах Федерации, неодинаковы.

Кемеровская область

Ежедневные газеты:

1. Губернские ведомости (периодичность — 5 раз в неделю);
2. Кузбасс (5 раз в неделю);
3. Кузнецкий край (3 раза в неделю).

Еженедельники:

1. Земляки;
2. Комок;
3. Левый берег;
4. Наша газета;
5. Томь.

Краснодарский край

Ежедневные газеты:

1. Вольная Кубань;
2. Краснодарские известия;
3. Кубанские новости;
4. Кубань сегодня.

Еженедельники:

1. 7 дней Кубани;
2. Буревестник Кубани;
3. Краснодар;
4. Отечество Кубани.

Пермская область

Ежедневные газеты:

1. Звезда (5 раз в неделю).

Еженедельники:

1. Досье 02;
2. Жизнь;
3. Комсомольская правда в Перми;
4. Новый компаньон;
5. Пермские новости;
6. Пятница.

Рязанская область

Ежедневные газеты:

1. Комсомольская правда – Рязань (5 раз в неделю);
2. Приокская газета (4 раза в неделю);
3. Рязанские ведомости (6 раз в неделю).

Еженедельники:

1. Вечерняя Рязань;
2. Мещёрская сторона;
3. Новая газета;
4. Приокская правда.

Санкт-Петербург

Ежедневные газеты:

1. Вести;
2. Вечерний Петербург;
3. Известия – Санкт-Петербург;
4. Санкт-Петербургские ведомости.

Еженедельники:

1. Жизнь. Санкт-Петербург;
2. Петербургский «Час пик».

Здесь надо сделать важную оговорку. Само понятие «федеральный уровень» для прессы довольно условно, поскольку провести четкую границу между федеральными изданиями и СМИ, ориентированными на московский регион, невозможно. Для мониторинга отбирались СМИ, издающиеся в Москве, хотя газеты и интернет-сайты в разной степени ориентированы на местные городские события, что оказывает влияние на использование *Языка Вражды* (впрочем, в любом регионе в прессе представлены и региональная, и более широкая проблематика, различия – только в пропорциях). Как будет видно ниже, значительная часть случаев использования *Языка Вражды* в федеральной прессе приходится на такие виды, как «Создание негативного образа этнической или религиозной группы» или «Утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы», что характерно для криминальной хроники и информации местного значения. Поэтому выделять федеральные (они же – московские) СМИ как принципиально иной по отношению к региональным изданиям тип масс-медиа

было бы неверно. Однако объем мониторинга на федеральном уровне был действительно гораздо большим, чем в регионах, что, как уже отмечалось, вызвано объективными причинами. Этим и объясняется тот факт, что число сообщений о проявлениях *Языка Вражды* здесь практически такое же, как во всех регионах вместе взятых.

Вследствие вышеописанных особенностей мониторинга центральной и региональной прессы в Москве и в регионах сравнение ситуации с распространением и составом *Языка Вражды* на основе количественных показателей невозможно. Кроме того, мы не можем адекватно оценить влияние центральной прессы на информационный контекст в регионах. В одних регионах центральная пресса играет более заметную роль, что приводит к маргинализации местной прессы, в других региональные издания пользуются большей популярностью.

Явно националистическую прессу, воспринимаемую в регионе (или на федеральном уровне) как безусловно или относительно маргинальную, мы в мониторинг не включали: для такой прессы *Язык Вражды* – норма, сознательно выбранная политика. Рассматривать и оценивать такие издания (от той же газеты «Завтра» до крайне малотиражных и непериодических газеток) следует по-другому, и им мы посвящаем отдельный обзор, не связанный методологически с основным мониторингом.

Мониторинг федеральных СМИ был начат 1 октября 2001 г., ровно на месяц раньше, чем в регионах. Это позволило уточнить методику и содержание рубрикаторов (см. ниже) в рабочем порядке. Соответственно, в январе федеральный мониторинг был приостановлен с целью дальнейшей синхронизации процесса.

Конечно, асинхронность вносит некоторую погрешность в сравнение федерального уровня и регионов, но эта погрешность не представляется нам слишком значимой: опыт показал, что большинство публикаций не так уж привязано к каким-то крупным временным вехам. Единственное исключение – 11 сентября. Но и здесь разница оказалась не столь большой (эта разница далее обсуждается отдельно), так как тему нового глобального противостояния обсуждали еще долго после самой катастрофы.

Итак, данный отчет охватывает федеральный мониторинг с 1 октября 2001 г. по 30 апреля 2002 г., за вычетом января, и региональный мониторинг с 1 ноября 2001 г. по 30 апреля 2002 г., с добавлением небольшого количества октябрьских сообщений, обработанных в рамках установочного семинара для региональных мониторов. За этот период

в базу данных было внесено 545 сообщений о материалах, в которых содержится *Язык вражды* при том или ином отношении к нему автора публикации.

Методология мониторинга

Как уже говорилось, наличие *Языка Вражды* в тексте (в широком смысле этого слова) определяется достаточно субъективно. Мы предлагали мониторам исходить из того, было бы им самим неприятно прочитать подобное высказывание об этнической или религиозной группе, к которой они себя причисляют. С другой стороны, была разработана подробная классификация *Языка Вражды*, и методика пользования этой классификацией подробнейшим образом разъяснялась мониторам, в том числе и на специальном семинаре. В дальнейшем сотрудники проекта постоянно контролировали и корректировали информацию, вводимую мониторами.

По каждой публикации, кроме необходимых выходных данных, в первую очередь отмечались две основные характеристики *Языка Вражды* – его вид и его объект.

Виды изначально планировались разные. Предполагалось, что будет выстроена некая иерархия *Языка Вражды*: от максимально жесткого криминального (типа прямых призывов к насилию или дискриминации по национальному или религиозному признаку) до максимально мягкого (типа некорректных шуток на национальную тему или просто упоминания национальной принадлежности в явно негативном контексте (классические обороты: «Иван Петров и два кавказца ограбили ларек»)). Мы, разумеется, учитывали, что в одном тексте вполне может содержаться несколько видов *Языка Вражды*. Поэтому далее в таблицах суммарное количество видов *Языка Вражды*, как правило, превышает суммарное количество статей.

Но ситуация оказалась даже сложнее. В большинстве случаев определение вида, к которому следует отнести то или иное высказывание, оказалось не вполне однозначным. Таким образом, введенные нами виды не только не имеют четких границ, но и заведомо пересекаются. Впрочем, нам это не кажется недостатком данного мониторинга. Ведь его цель – не провести четкую классификацию *Языка Вражды*, а лишь наметить самые первые контуры такой классификации. Для такой задачи неоднозначная система классификации даже более эффективна.

Большее беспокойство вызывала необходимость пополнять и модифицировать список видов по мере работы мониторов: изменение рубрикатора, естественно, искажает картину. Но почти все изменения были внесены еще на первом этапе работы, большинство – в первый ее месяц. Так что почти во всех случаях изменений рубрикатора можно еще было внести изменения в уже введенные записи базы данных.

Практически все те же соображения относятся и к рубрикатору объектов *Языка Вражды*. С той разницей, что здесь мы изначально не задавались целью построить однозначную классификацию. Наоборот, в рубрикатор первоначально были внесены как объекты «широкой» ксенофобии – «не русские», «не православные», «не белые», так и более или менее конкретные объекты, казавшиеся нам априори (точнее – по опыту личного чтения прессы) наиболее распространенными. Но в результате в этом первоначальном списке оказались очень мало упоминаемые объекты, а другие пришлось затем дополнять. К тому же, сказались последствия террористических актов 11 сентября, точнее – военных действий в Афганистане (им мы обязаны появлением таких объектов, как афганцы и пакистанцы). Были и явно локальные (во времени) дополнения списка объектов (украинцы – после инцидента с израильским самолетом, сбитым украинской ракетой), но это – неизбежные издержки любого мониторинга.

Монитор должен был, кроме автора(-ов) текста, отмечать также «персонаж(и)» статьи – т.е. собственно тех людей, которые производят *Язык Вражды*. Ими могут быть и сами журналисты (в том числе и в тех случаях, когда они прямо или косвенно солидаризируются с чьим-то высказыванием в духе *Языка Вражды*), но понятия «автор» и «персонаж» принципиально не совпадают.

Соответственно, требовалось указывать, каково было отношение автора к *Языку Вражды* в его тексте. Понимая сложность такого вопроса, мы все же сочли возможным классифицировать это отношение только по трем позициям: «скорее положительное» (т.е. скорее поддержка *Языка Вражды*), «скорее отрицательное» и «нейтральное».

Далее рассмотрим списки видов и объектов *Языка Вражды* в том виде, в котором они были, после вышеупомянутых дополнений, зафиксированы в середине ноября. Именно в соответствии с ними будет далее строиться вся статистика. В скобках даны минимально необходимые комментарии.

Виды Языка Вражды

- А. Прямые и непосредственные призывы к насилию (т.е. в связи с конкретной ситуацией, с указанием объекта насилия);
- В. призывы к насилию в виде общих лозунгов (провозглашение насилия допустимым средством в своих статьях, документах и т.п.; в том числе и в виде абстрактных призывов типа «Бей жидов!»);
- С. прямые и непосредственные призывы к дискриминации;
- Д. призывы к дискриминации в виде общих лозунгов;
- Е. завуалированные призывы к насилию и дискриминации (пропаганда «позитивных», исторических или современных, примеров насилия или дискриминации; выражения типа «хорошо бы сделать с теми-то то-то и то-то», «давно пора ...» и т.п.);
- Ф. создание негативного образа этнической или религиозной группы (сопряжено не с конкретными обвинениями, а скорее передано тоном текста);
- Г. оправдание исторических случаев насилия и дискриминации (выражения типа «после всего, что творили чеченцы, естественно, что...»);
- Н. публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации (например, масштабы Холокоста или утверждение, что «чеченцев выслали за то, что они перешли на сторону Гитлера»);
- И. упоминание названия этнической или религиозной группы в уничижительном контексте (как правило, встречается в заголовках);
- Ж. утверждения о неполноценности (недостаток культурности, интеллектуальных способностей, неспособность к созидательному труду) той или иной этнической или религиозной группы как таковой (идеи типа «азербайджанцы только на рынке работают», «казахи туповаты»);
- К. утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой (типа «мусульмане всегда распространяли свою веру огнем и мечом», «поляки всегда злоумышляли против русских»);
- Л. указание, с целью дискредитации, на связь этнических и религиозных групп с российскими и иностранными политическими и государственными структурами (турки-месхетинцы как агенты влияния Турции, католики как агентура Запада в целом);

- М. утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы (например, «цыгане – воры»);
- Н. утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы («евреи корыстолюбивы», «цыгане – обманщики»);
- О. рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.;
- Р. обвинение в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство («размывание национальной идентичности», «иногородцы превращают Москву в нерусский город», «мормоны подрывают нашу православную идентичность»);
- Q. упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в унижительном или оскорбительном контексте (в том числе в уголовной хронике);
- R. призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т.д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе (например, протесты против строительства мечети в «православном городе»);
- S. цитирование явно ксенофобных высказываний и текстов без комментария, определяющего размежевание между позицией интервьюируемого и позицией журналиста; аналогично – предоставление места в газете для явной националистической пропаганды без редакционного комментария или иной полемики.

Объекты Языка Вражды

Объекты также приводятся в том порядке, как они стоят в рубрикаторе. Как уже говорилось, в списке соседствуют весьма общие категории и вполне конкретные этнические или религиозные группы. В общие категории (в первую очередь, в категорию «не русские») заносились не только случаи недифференцированной ксенофобии, но и те статьи, в которых был конкретный объект ксенофобии, не введенный в список. Мы не считали возможным расширять его бесконечно и пополняли только в тех случаях, когда становилось ясно, что упоминание нового объекта не носит единичный характер.

1. Не белые.
2. Не славяне.
3. Негроиды.
4. Народы Азии.
5. Народы Кавказа и Закавказья.
6. Народы Средней Азии.
7. Американцы.
8. Евреи.
9. Украинцы.
10. Цыгане.
11. Чеченцы.
12. Азербайджанцы.
13. Не русские.
14. Не христиане.
15. Не православные.
16. Мусульмане.
17. Католики (и униаты).
18. Свидетели Иеговы.
19. Саентологи.
20. Новые и малочисленные религиозные группы.
21. Эстонцы.
22. Арабы.
23. Афганцы.
24. Пакистанцы.
25. Армяне.
26. Турки-месхетинцы.
27. Курды.
28. Новые мусульманские течения.
29. Русские.
30. Татары.

Александр Верховский

Общий анализ результатов мониторинга

Всего за период мониторинга, т.е. с 1 октября 2001 г. по 2 мая 2002 г. (когда было введено последнее сообщение за апрель), в базе данных отмечено 545 статей – достаточное количество для более или менее убедительных статистических умозаключений.

При этом важно, однако, учитывать, что в каждом конкретном регионе, а тем более – по каждому виду или объекту *Языка Вражды*, цифры на порядок или два меньше, так что сопоставления по любым параметрам можно рассматривать только как предварительные. Исследование должно быть продолжено, но и предварительный анализ результатов достаточно интересен.

Начнем мы с распределения статей по основным параметрам – по видам и объектам *Языка Вражды*, а также по «персонажам», т.е. лицам, от которых исходит *Язык Вражды*.

При этом надо еще раз напомнить, что в каждой статье могло быть и более одного вида и/или объекта, а иногда даже и «персонажа», так что цифры в таблицах не равны количеству статей (что особенно заметно по суммарным результатам). Нулевые строки в таблицах мы для краткости пропускаем.

Виды *Языка Вражды*

В колонках обозначено отношение автора (а не «персонажа»!) публикации к приводимому им *Языку Вражды*.

Вид <i>Языка Вражды</i>	Всего	Нейтральное	Отрицательное	Положительное
Прямые и непосредственные призывы к насилию	20	1	17	2
Призывы к насилию в виде общих лозунгов	10	0	7	3

Вид <i>Языка Вражды</i>	Всего	Нейтральное	Отрицательное	Положительное
Прямые и непосредственные призывы к дискриминации	15	1	8	6
Призывы к дискриминации в виде общих лозунгов	12	1	8	3
Завуалированные призывы к насилию и дискриминации	31	2	9	20
Создание негативного образа этнической или религиозной группы	236	45	32	159
Оправдание исторических случаев насилия и дискриминации	15	1	3	11
Публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации	21	2	4	15
Упоминание названия этнической или религиозной группы в уничижительном контексте	46	11	10	25
Утверждения о неполноценности (недостаток культурности, интеллектуальных способностей, неспособность к созидательному труду) той или иной этнической или религиозной группы как таковой	54	18	3	33
Утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой	8	0	1	7

Вид Языка Вражды	Всего	Нейтральное	Отрицательное	Положительное
Указание, с целью дискредитации, на связь этнических и религиозных групп с российскими и иностранными политическими и государственными структурами	9	0	4	5
Утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы	135	15	16	104
Утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы	62	14	8	40
Рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.	33	2	12	19
Обвинение в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство («размывание национальной идентичности» и т.п.)	44	3	10	31
Упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в унижительном или оскорбительном контексте	54	9	8	37
Призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т.д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе	74	6	18	50
Цитирование без должного комментария ксенофобных высказываний и текстов	22	6	2	14
Итого	901	137	180	584

В таблице выделены цифры, большие 20. Конечно, этот порог условный, но он ясно показывает преобладающие виды *Языка Вражды*.

Может быть, таблица станет нагляднее, если перевести ее на язык процентных соотношений (от общего числа видов в каждой колонке):

Вид Языка Вражды	Всего	Нейтральное	Отрицательное	Положительное
Прямые и непосредственные призывы к насилию	2,22	0,73	9,44	0,34
Призывы к насилию в виде общих лозунгов	1,11	0,00	3,89	0,51
Прямые и непосредственные призывы к дискриминации	1,66	0,73	4,44	1,03
Призывы к дискриминации в виде общих лозунгов	1,33	0,73	4,44	0,51
Завуалированные призывы к насилию и дискриминации	3,44	1,46	5,00	3,42
Создание негативного образа этнической или религиозной группы	26,19	32,85	17,78	27,23
Оправдание исторических случаев насилия и дискриминации	1,66	0,73	1,67	1,88
Публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации	2,33	1,46	2,22	2,57
Упоминание названия этнической или религиозной группы в унижительном контексте	5,11	8,03	5,56	4,28

Вид Языка Вражды	Всего	Нейтральное	Отрицательное	Положительное
Утверждения о неполноценности (недостаток культурности, интеллектуальных способностей, неспособность к созидательному труду) той или иной этнической или религиозной группы как таковой	5,99	13,14	1,67	5,65
Утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой	0,89	0,00	0,56	1,20
Указание, с целью дискредитации, на связь этнических и религиозных групп с российскими и иностранными политическими и государственными структурами	1,00	0,00	2,22	0,86
Утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы	14,98	10,95	8,89	17,81
Утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы	6,88	10,22	4,44	6,85
Рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.	3,66	1,46	6,67	3,25
Обвинение в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство («размывание национальной идентичности» и т.п.)	4,88	2,19	5,56	5,31

Вид Языка Вражды	Всего	Нейтральное	Отрицательное	Положительное
Упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в унижительном или оскорбительном контексте	5,99	6,57	4,44	6,34
Призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т.д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе	8,21	4,38	10,00	8,56
Цитирование без должного комментария ксенофобных высказываний и текстов	2,44	4,38	1,11	2,40
Итого	100	100	100	100

В этой таблице для наглядности можно выделить проценты, большие 5%.

Лидер – «создание негативного образа этнической или религиозной группы». В колонке «положительного отношения автора к Языку Вражды» этот вид составляет более четверти. Фактически речь здесь идет о неконкретном, скорее всего – относительно мягком, а главное – достаточно обобщенном выражении ксенофобии. Вероятно, именно этим объясняется относительно высокий уровень отрицательного отношения авторов к этому виду Языка Вражды (вдвое выше, чем к какому бы то ни было другому): они не одобряли ксенофобию как таковую, а не какие-то ее яркие или крайние проявления.

Конечно, доля авторов, выразивших негативное отношение к воспроизводимому ими Языку Вражды тут весьма невелика, если сравнивать абсолютные цифры в строке. Видимо, возмущение такой обобщенной (можно сказать предположительно – фоновой) ксенофобией не так уж и сильно. А если сравнить проценты, то выяснится, что именно этот вид Языка Вражды вызвал нейтральную реакцию больше, чем

какой бы то ни было другой – почти треть от общей нейтральной реакции (максимальный процент во всей таблице). Причем разрыв в процентах весьма впечатляющий – тоже почти вдвое. Вероятно, авторы просто не видели здесь повода (или достаточного повода) для выражения своего отношения.

Стоит также посмотреть, какие виды следуют за лидером по процентному показателю нейтрального отношения. Это «утверждения о неполноценности...» (13,14%), «утверждения о криминальности...» (10,95%) и «утверждения о моральных недостатках...» (10,22%). Первый и третий виды, в сущности – тоже весьма обобщенное выражение ксенофобии. Так что наша гипотеза о безразличии авторов именно к такой ксенофобии становится еще весомее. При этом в «положительной» и «отрицательной» колонках таблицы соотношение процентов совершенно иное.

Хотя «утверждения о неполноценности...» лидируют и по отрицательному к ним отношению авторов, но не с таким отрывом. А главное – два сопутствующих вида *Языка Вражды* вызвали довольно или даже очень слабую отрицательную реакцию. Отрицательная реакция все-таки более характерна для других видов *Языка Вражды* (см. ниже).

Не вызывают особых протестов и такие распространенные виды *Языка Вражды*, как упоминание представителей тех или иных групп или даже самих названий этих групп в негативном, уничижительном контексте. Очень часто *Язык Вражды* такого рода проявляется в виде анекдотов. И эти сравнительно незначительные нарушения политкорректности уже (еще?) почти не вызывают протестов.

В «положительной» колонке после «создания негативного образа...» идет «утверждения о криминальности...» – 17,81%. Этого вполне можно было ожидать: обвинение той или иной этнической или религиозной группы в криминальности – самая распространенная и хорошо всем известная форма ксенофобии. Соответственно, довольно высок и уровень осуждения *Языка Вражды*: по сравнению с большинством других видов, этот достаточно долго уже обсуждается в обществе и должен бы вызывать устойчивую отрицательную реакцию у журналистов. Но все-таки нет, не вызывает: отрицательная или даже нейтральная реакция буквально на порядок отстает от поддержки таких обвинений.

Устойчивую негативную реакцию вызывают только прямые или завуалированные призывы к дискриминации и тем более к насилию. Именно прямые призывы к насилию вызывают чуть ли не наибольшее осуждение – 9,44% от всей отрицательной реакции на *Язык Вражды*. И практически все такие статьи посвящены скинхедам (причем 13 из 17 – на

федеральном уровне). Именно и только эти виды *Языка Вражды* дают перевес негативному отношению к *Языку Вражды* над позитивным. Собственно, эти виды *Языка Вражды* с позитивным отношением автора встречаются в нашем мониторинге крайне редко: на федеральном уровне их просто нет, а в регионах они встречаются в основном даже не в «славном» ксенофобией Краснодарском крае, а в одной крайне идеологизированной газете в Рязани (см. об этом подробно в статье «Сравнительный анализ ситуации в центральных и региональных СМИ»).

Скинхедская тема внесла решающий вклад и в отрицательное восприятие другого популярного вида *Языка Вражды* – «призывов не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т.д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе». В принципе, этот вид *Языка Вражды* может использоваться и против конкретных мигрантов, и против «мигрантов вообще», в идеологическом смысле. Скинхеды, в отличие от деятелей типа краснодарского губернатора Ткачева, трактуют вопрос и на местно-практическом, и на глобально-идеологическом уровне. И это способствует рейтингу самой темы в скинхедском сообществе. Менее понятно, почему осуждение самого явного «антимигрантского» вида *Языка Вражды* направлено не на Ткачева, а на скинхедов – примерно половина от всех таких случаев. Видимо, это очевиднее и безопаснее для авторов. А Ткачев удостоился такого же уровня «негативного внимания», как и гораздо менее известный национал-патриотический депутат Евгений Ищенко. Все остальные статьи осуждают не крупных или мелких политиков, а расистские настроения части граждан, проявляющиеся в соответствующих опросах.

Впрочем, по обсуждаемому виду *Языка Вражды* журналистской поддержки все же существенно больше, чем журналистского осуждения. Кроме насилия и дискриминации, лишь два вида *Языка Вражды* вызывают отрицательную реакцию, сравнимую с положительной. Это «указание, с целью дискредитации, на связь этнических и религиозных групп с российскими и иностранными политическими и государственными структурами» (4 против 5 статей) и «рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.» (12 против 19). Возможно, дело в том, что оба обвинения сильно дискредитированы в демократически ориентированном общественном сознании, так как ассоциируются со сталинской шпиономанией и классическим штампом антисемитской пропаганды, соответственно. Впрочем, и сами обвинения в «работе на вра-

га» встречаются крайне редко и носят чаще всего, как мы обнаружили, характер туманного намека. А осуждаемые журналистами ссылки на принцип пропорционального представительства носят в подавляющем большинстве случаев явно или хотя бы предположительно антисемитский характер (в диапазоне от радикала Иванова-Сухаревского до умеренного Солженицына), так что не осудить их сложно.

Стоит отметить и такой вид *Языка Вражды*, «как обвинение в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство («размывание национальной идентичности» и т.п.)». Обвинение это звучит довольно абстрактно, но, тем не менее, оно достаточно популярно, поскольку связано с усиленными поисками значительной частью общества своей национальной идентичности по принципу «свой–чужие». (Такой подход вписывается не только в традиционные схемы противопоставления «Россия–Запад», «славяне – не славяне» и т.д., но и в парадигму «конфликта цивилизаций», ставшую очень популярной после 11 сентября.) Интересно, что по этому виду почти нет нейтральной реакции, а отрицательная относительно сильна – всего втрое меньше положительной, а в процентном отношении – даже и больше. Возмущение части журналистов вызывает рассуждения о вредном цивилизационном влиянии мигрантов (иногда конкретных, но чаще – иноэтничных мигрантов вообще) и в одном случае – католиков. Но спектр рассуждений о вредном влиянии на самом деле шире – здесь и привлеченные большевиками «инородцы», и не проясненные агенты Запада (в целом, наверное), и модная тема исламской экспансии, и разумеется, еврейские происки. Очевидно, этот ксенофобный миф попал сейчас в фокус общественной дискуссии.

И наконец, если вспомнить, что слово «ксенофобия» означает одновременно и ненависть к другому, и страх перед ним, мы увидим, что виды *Языка Вражды*, явно связанные со страхом, играют весьма заметную роль. К «оборонительным» видам ксенофобии, связанным с представлениями о наступающих «чужих», относятся такие виды *Языка Вражды*, как «призывы не допустить закрепления в регионе...» (8,56%), «обвинение в негативном влиянии...» (5,31%), «рассуждения о непропорциональном превосходстве...» (3,25%), «указание... на связь... с российскими и иностранными политическими и государственными структурами» (0,86%). Итого, уже 18%. И в какой-то степени сюда следует добавить «утверждения о криминальности...» – как кажется, не меньше, чем половину от зафиксированных проявлений этого вида *Языка Вражды* (17,81%). Получается, что ксенофобия носит оборонительный (в соб-

ственном представлении ксенофобов, конечно) характер приблизительно на четверть. Это не так и много, если учесть, что русский националистический миф строится именно на идее наличия многочисленных врагов, угнетающих доверчивый и не агрессивный русский народ.

Объекты Языка Вражды

Объекты	Всего	Нейтральное	Отрицательное	Положительное
Не белые	12	2	8	2
Не славяне	11	3	3	5
Негроиды	20	3	9	8
Народы Азии	44	8	8	28
Народы Кавказа и Закавказья	73	7	28	38
Народы Средней Азии	25	4	5	16
Американцы	51	10	7	34
Евреи	71	9	31	31
Украинцы	16	5	0	11
Цыгане	40	2	6	32
Чеченцы	38	7	6	25
Азербайджанцы	24	3	4	17
Не русские	94	19	24	51
Не христиане	6	1	1	4
Не православные	6	0	0	6
Мусульмане	35	2	8	25

Объекты	Всего	Нейтральное	Отрицательное	Положительное
Католики (и униаты)	16	1	3	12
Свидетели Иеговы	4	0	0	4
Саентологи	2	0	0	2
Новые и малочисленные религ. группы	5	1	0	4
Эстонцы	12	6	1	5
Арабы	14	1	0	13
Афганцы	13	3	3	7
Пакистанцы	2	0	1	1
Армяне	32	1	7	24
Турки-месхетинцы	53	7	5	41
Курды	19	0	0	19
Новые мусульманские течения	1	0	1	0
Русские	27	10	1	16
Татары	8	1	3	4
Итого	774	116	173	485

В этой таблице тоже отмечены цифры, большие 20. И ее мы тоже трансформируем в проценты от сумм по столбцам и отметим проценты, большие 5%:

Объекты	Всего	Нейтральное	Отрицательное	Положительное
Не белые	1,55	1,72	4,62	0,41
Не славяне	1,42	2,59	1,73	1,03
Негроиды	2,58	2,59	5,20	1,65
Народы Азии	5,68	6,90	4,62	5,77
Народы Кавказа и Закавказья	9,43	6,03	16,18	7,84
Народы Средней Азии	3,23	3,45	2,89	3,30
Американцы	6,59	8,62	4,05	7,01
Евреи	9,17	7,76	17,92	6,39
Украинцы	2,07	4,31	0,00	2,27
Цыгане	5,17	1,72	3,47	6,60
Чеченцы	4,91	6,03	3,47	5,15
Азербайджанцы	3,10	2,59	2,31	3,51
Не русские	12,14	16,38	13,87	10,52
Не христиане	0,78	0,86	0,58	0,82
Не православные	0,78	0,00	0,00	1,24
Мусульмане	4,52	1,72	4,62	5,15
Католики (и униаты)	2,07	0,86	1,73	2,47
Свидетели Иеговы	0,52	0,00	0,00	0,82
Саентологи	0,26	0,00	0,00	0,41

Объекты	Всего	Нейтральное	Отрицательное	Положительное
Новые и малочисленные религ. группы	0,65	0,86	0,00	0,82
Эстонцы	1,55	5,17	0,58	1,03
Арабы	1,81	0,86	0,00	2,68
Афганцы	1,68	2,59	1,73	1,44
Пакистанцы	0,26	0,00	0,58	0,21
Армяне	4,13	0,86	4,05	4,95
Турки-месхетинцы	6,85	6,03	2,89	8,45
Курды	2,45	0,00	0,00	3,92
Новые мусульманские течения	0,13	0,00	0,58	0,00
Русские	3,49	8,62	0,58	3,30
Татары	1,03	0,86	1,73	0,82
Итого	100	100	100	100

Обстоятельный анализ распределения статей по объектам *Языка Вражды* приводится в статье «Сравнительный анализ ситуации в центральных и региональных СМИ», в том числе и в региональном аспекте. Мы же здесь ограничимся только несколькими частными соображениями.

Некоторые объекты *Языка Вражды*, похоже, являются уже устойчиво неприемлемыми. Расизм в узком смысле слова, т.е. ксенофобия в отношении «не белых», был поддержан в двух случаях и осужден в восьми. Отрицательное отношение слегка перевешивает положительное и по отношению к чернокожим как к отдельному объекту. Полное «равновесие» можно наблюдать в отношении евреев (что легко объяснимо

одновременным избытием идеологического антисемитизма и столь же программной реакцией на него) и почти полное – в отношении татар.

Объект «не русские», включающий фактически два разных объекта – «конкретные группы, не вписавшиеся в рубрику» и «неопределенные объекты ксенофобии», при явном доминировании второй компоненты, лидирует. Это само по себе характеризует ксенофобию в российских СМИ как отчасти склонную к некой безадресности или, точнее, направленности на «всех чужих сразу». Но и преувеличивать это свойство не следует: лидерство по данному объекту весьма относительно – если учесть первую компоненту объекта «не русские», получится менее 10%.

Кстати, такая «тотальная» ксенофобия вызывает и довольно заметное отрицательное отношение: в процентном отношении – третье место. А вот нейтральное отношение на этом объекте концентрируется в наибольшей степени. Возможно, именно из-за неопределенности объекта и, соответственно, затруднительности (относительной, конечно) выразить какое-то отношение.

Очень интересно довольно благоприятное соотношение (28:38) отрицательного и положительного отношения к *Языку Вражды* в отношении народов Кавказа и Закавказья в целом (в процентном отношении больше отрицательного отношения к *Языку Вражды* оказывается только применительно к евреям). Видимо, и тема ксенофобии к «лицам кавказской национальности» уже относительно (но далеко не достаточно, конечно) широко воспринимается журналистами, как нечто недопустимое. При этом если посмотреть на более конкретные объекты *Языка Вражды* – чеченцев и азербайджанцев (не говоря уж об армянах, турках-месхетинцах и курдах, специфичных для однозначно настроенной прессы Краснодарского края), то соотношение сразу меняется. Очевидно, идеологическая установка на отвержение (или хотя бы избегание) *Языка Вражды* – это одно, а реальная ксенофобия к тем или иным этническим группам – это совсем другое.

Подробнее о соотношении видов и объектов *Языка Вражды*

Полезно привести большую таблицу, отражающую соотношение видов и объектов *Языка Вражды*. Точнее сказать, таких таблиц должно быть три, соответственно трем фиксируемым у нас видам отношения автора к *Языку Вражды*.

Поскольку таблицы очень велики, здесь мы решили ограничиться суммарной таблицей с положительным и нейтральным отношением авторов. Строки таблицы соответствуют объектам *Языка Вражды*, а столбцы – его видам, которые перенумерованы латинскими буквами. Соответственно, мы повторяем здесь для удобства их пронумерованный список:

- А. прямые и непосредственные призывы к насилию;
- В. призывы к насилию в виде общих лозунгов;
- С. прямые и непосредственные призывы к дискриминации;
- Д. призывы к дискриминации в виде общих лозунгов;
- Е. завуалированные призывы к насилию и дискриминации;
- Ф. создание негативного образа этнической или религиозной группы;
- Г. оправдание исторических случаев насилия и дискриминации;
- Н. публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации;
- И. упоминание названия этнической или религиозной группы в уничижительном контексте;
- Ж. утверждения о неполноценности той или иной этнической или религиозной группы как таковой;
- К. утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой;
- Л. указание, с целью дискредитации, на связь этнических и религиозных групп с российскими и иностранными политическими и государственными структурами;
- М. утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы;
- Н. утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы;
- О. рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.;
- Р. обвинение в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство, «размывание национальной идентичности»;
- Q. упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в уничижительном или оскорбительном контексте;
- Р. призывы не допустить закрепления в регионе мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе;
- С. цитирование без должного комментария ксенофобных высказываний и текстов.

A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	V
Не белые																			
0	0	0	0	2	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	5
Не славяне																			
1	1	1	1	2	6	2	2	1	1	1	0	1	2	1	2	2	2	0	29
Негроиды																			
0	0	0	0	1	4	0	0	1	3	0	0	1	1	0	0	3	1	0	15
Народы Азии																			
1	1	1	1	1	17	1	1	8	5	1	0	8	3	2	2	6	7	1	67
Народы Кавказа и Закавказья																			
1	1	1	1	4	18	2	1	2	6	2	1	20	5	1	3	6	6	0	81
Народы Средней Азии																			
1	1	1	1	2	6	1	1	1	1	1	1	12	2	1	3	4	5	0	45
Американцы																			
1	3	1	1	5	24	4	5	2	11	1	0	1	12	2	2	4	1	2	82
Евреи																			
1	1	2	1	5	27	4	7	5	4	5	1	3	10	5	8	4	1	6	100
Украинцы																			
0	0	0	0	0	4	0	0	7	3	0	0	2	3	1	0	3	1	0	24
Цыгане																			
0	0	0	0	2	16	0	0	0	1	0	1	27	1	0	1	2	10	0	61
Чеченцы																			
2	2	2	2	3	19	3	3	0	2	2	1	17	2	1	4	4	4	1	74
Азербайджанцы																			
1	1	1	1	1	8	1	1	1	0	1	0	13	1	1	1	1	5	0	39
Не русские																			
1	2	1	1	14	28	6	7	3	6	1	2	7	5	12	11	10	12	7	136
Не христиане																			
1	1	1	1	1	3	1	1	0	1	1	0	0	2	2	2	1	1	0	20
Не православные																			
0	0	0	0	0	5	0	0	0	0	0	0	1	1	0	4	0	0	0	11
Мусульмане																			
1	1	1	1	1	11	1	2	1	2	1	0	9	7	1	3	3	3	0	49
Католики (и униаты)																			
1	1	1	1	1	11	1	2	1	0	1	0	2	4	1	6	2	3	0	39
Свидетели Иеговы																			
0	0	0	0	0	4	0	0	0	0	0	0	1	0	0	2	0	2	0	9
Саентологи																			
0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Новые и малочисленные религ. группы																			
0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	1	0	2	8
Эстонцы																			
0	0	0	0	0	4	0	0	2	6	0	0	0	1	1	1	2	0	0	17

А	В	С	Д	Е	Ф	Г	Н	И	Ж	К	Л	М	Н	О	Р	Q	R	S	В
Арабы																			
1	1	1	1	2	11	1	2	2	1	2	0	5	5	1	3	1	1	1	42
Афганцы																			
1	1	1	1	1	5	1	1	1	2	1	0	2	3	2	2	2	1	0	28
Пакистанцы																			
0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	2
Армяне																			
1	1	1	2	4	14	1	1	0	0	1	2	11	1	2	6	2	17	1	68
Турки-месхетинцы																			
1	0	4	2	2	35	0	0	1	0	0	3	22	1	1	7	2	30	0	111
Курды																			
1	1	1	3	4	11	1	1	0	0	1	2	7	1	1	4	1	17	0	57
Новые мусульманские течения																			
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Русские																			
0	0	0	0	0	12	0	1	2	7	0	0	1	10	0	0	2	0	1	36
Татары																			
0	0	0	0	0	2	0	1	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	6
Итого																			
18	20	22	22	58	311	31	40	44	62	23	14	176	83	40	78	69	130	221	263

В этой таблице мы выделяем числа, большие 5. Сразу бросаются в глаза наиболее заполненные строки и столбцы, но в этом смысле таблица не дает информации больше, чем было уже описано выше. Интересно отметить как раз отдельные выделяющиеся числа.

Например, то, что по отношению к евреям относительно распространены сомнения в Холокосте или еврейских погромах, а украинцев по-прежнему любят печатно называть «хохлами». Евреи и русские очень часто становятся объектом унижительных высказываний об их моральных качествах (чаще всего – в форме анекдота). Евреи лидируют также и по части обвинений в покушениях на «национальную идентичность», не намного отстают от них католики, для которых это – главное конкретное обвинение (ну и, конечно, дурно влияют на эту самую идентичность армяне и турки-месхетинцы в Краснодарском крае). А необычно большое число завуалированных призывов к насилию и дискриминации по отношению к «не русским» – почти целиком приходится на одну крайне идеологизированную газету в Рязани (11 из 14).

Больше всего обвинений в криминальности предъявляют народам Кавказа, если считать в сумме «народы Кавказа и Закавказья», чечен-

цев, армян и азербайджанцев, исключая даже специфических для Краснодарского края турок-месхетинцев (не очевидно, кстати, что они должны считаться выходцами с Кавказа, а не из Средней Азии, где они все-таки прожили несколько десятилетий, но здесь мы сознательно следуем за сложившимися массовыми представлениями) и курдов. Интересно, что лидирует именно обобщенная категория, а не конкретные этнонимы (опять же, если не считать турок-месхетинцев).

Но уже на втором месте по обвинениям в криминальности стоят цыгане. И с большим отрывом за ними – народы Средней Азии. Если криминальность цыган – это один из самых устойчивых этнических стереотипов, то обвинения в адрес выходцев из Средней Азии связаны почти сплошь с темой наркоторговли, что является свежей этнической мифологизацией объективной проблемы наркотрафика, ибо речь идет не обо всех народах региона, а только о таджиках. С наркотиками же могли быть связаны обвинения в адрес народов Азии вне СНГ, но этого как раз и не происходит – речь идет преимущественно об иных формах криминальной деятельности китайцев или вьетнамцев. Другим направлениям импорта и транзита наркотиков – азербайджанскому и африканскому – тоже уделяется мифологизирующее внимание, но незначительное: 3 случая с азербайджанцами (из 14 – т.е. основные обвинения связаны с «засильем» на рынках) и один с африканцами.

Обвинения в криминальности в адрес такой группы, как «мусульмане», являются, собственно, обвинениями в «политических преступлениях» – религиозно мотивированном насилии вообще и в терроризме особенно. Ну, это и неудивительно, если вспомнить, что почти все эти статьи появились в октябре 2001 г. (см. ниже). Фактически к тому же по существу относятся и «моральные» претензии к мусульманам – они обвиняются в склонности к терроризму и в морали, отличной от западной. В данном случае особенно уместно заключить термин в кавычки, так как далеко не всегда *Язык Вражды* сфокусирован на собственно религиозной идентичности объекта; термин «мусульмане» используется и как удобное краткое обобщение нескольких этнонимов.

Американцы всегда были объектом *Языка Вражды*, и всегда главным обвинением в их адрес было обвинение в некоей с трудом определяемой ущербности по сравнению с «нами» – советскими, русскими, европейцами. Выражаясь патетически (что нередко и случается), это можно, наверное, назвать упреком в «бездуховном самодовольстве». Такие обвинения учащаются в связи с любыми случаями внешней ак-

тивизации США и тем более – во всех случаях противостояния США и российских властей. За период нашего мониторинга произошло два события, активизировавшие обвинения такого типа – 11 сентября и последующая антитеррористическая военная кампания и зимняя Олимпиада с ее многообразными скандалами.

Оба события могли бы вызвать те или иные конкретные обвинения, но вызвали они почти исключительно проявления ксенофобии в самом общем виде, хотя иногда и в довольно резкой форме – вплоть до распространенных утверждений о неполноценности американской нации как таковой. Примечательно, что этот вид *Языка Вражды* чаще всего применяется именно к американцам. При этом речь идет в первую очередь об интеллектуальной недостаточности (5 из 12 статей) или о некультурности и невежестве (4 из 12) американцев, а более «политизированные» обвинения, в глобалистской самоуверенности или в излишней опоре на силу, встречаются лишь по одному разу.

Особенно актуален в свете разгорающейся кампании против «незаконных мигрантов» такой вид *Языка Вражды*, как «призывы не допустить закрепления в регионе мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе». Неудивительно, что в этой колонке мы видим большие цифры для народов Кавказа, как в целом, так и по отдельности, «народов Азии» (в первую очередь – китайцев, но также и вьетнамцев, и афганцев), «не русских» вообще и специфических для Краснодарского края меньшинств. Но несколько странно, что столь распространено публично выражаемое стремление вытеснить цыган: все-таки они, будучи очень «чужими» в массовом восприятии, не могут считаться иммигрантами вообще. Видимо, кочевой имидж вполне заменяет формальный статус.

Эффект 11 сентября

Понятно, что определенные события вызывали интенсификацию *Языка Вражды* по отношению к тем или иным объектам. Таков был, например, всплеск (надо признать, относительно небольшой) религиозной ксенофобии в федеральных СМИ с февраля 2002 г., сконцентрированный исключительно на католиках: началась большая антикатолическая кампания после решения Ватикана о создании своих епархий в России. Всплеск *Языка Вражды* наблюдался в тот же период в прессе Краснодарского края, и это тоже было вполне объяснимо: губернатор начал новую кампанию против мигрантов.

Но самым масштабным было, конечно, влияние трагедии 11 сентября и последовавших за ней дискуссий об «ответном ударе» по Афганистану. Разумеется, эти события заметно повлияли на распределение объектов *Языка Вражды*. Собственно, некоторые объекты были нами введены только из-за 11 сентября. Понятно, что одновременно вырос уровень ксенофобии по отношению к мусульманам и/или арабам, и к американцам (всем памятли многочисленными рассуждения, более или менее склонявшиеся к формуле «Америка сама виновата», от которой один шаг до формулы «американцы сами виноваты»).

Как будет показано ниже, глобально-политическая проблематика более свойственна федеральной, чем региональной прессе. Соответственно, 11 сентября оказало большее влияние на федеральный уровень мониторинга. К тому же, он был начат на месяц раньше и «принял на себя первый удар».

На федеральном уровне из первых трех месяцев мониторинга (октябрь-декабрь 2001 г.) на октябрь приходится 5 из 10 статей с положительным отношением к *Языку Вражды* по отношению к «народам Азии» (т.е. за пределами СНГ), 3 из 4 – по отношению к «народам Средней Азии», 2 из 3 – к арабам, все 3 – к американцам, оба случая – к афганцам, единственный случай – к пакистанцам и, наконец, все 11 – к мусульманам. По другим объектам *Языка Вражды* никакой диспропорции не наблюдалось (кроме украинцев – все пять случаев тоже пришлось на октябрь, но это было связано с инцидентом с израильским самолетом, как раз в октябре сбитым украинской ракетой).

Впрочем, все перечисленные объекты *Языка Вражды* встречались на федеральном уровне и во второй период мониторинга (февраль-апрель 2002 г.), так что нельзя сказать, что мы имеем дело только с последствиями 11 сентября. Или, если и с последствиями, то с достаточно устойчивыми. Но все-таки пропорции по федеральному мониторингу оказались искажены сдвигом во времени по отношению к мониторингу региональному.

Искажение было также и в сторону большей жесткости *Языка Вражды*. Если воспользоваться обобщенными категориями жесткости видов *Языка Вражды* (см. ниже), то можно отметить, что при стабильном отсутствии наиболее жестких видов доля относительно мягких видов в октябре была на уровне 28% против 58% за октябрь-декабрь в целом.

Но приведенные выше цифры «последствий 11 сентября» не объясняют (в чисто количественном смысле) такого феномена, как измене-

ние соотношения положительного и отрицательного отношения к *Языку Вражды* на федеральном уровне. В первый период положительное отношение в целом было примерно вдвое выше отрицательного, а во второй отрицательное даже несколько обогнало положительное. Можно разве что предположить, что волна *Языка Вражды*, вызванная 11 сентября, была отрефлектирована журналистами федерального уровня. Помогло этому, возможно, также и обсуждение погрома на Царицынском рынке в Москве в конце октября.

Персонажи

В приводимой таблице подсчитаны, повторимся, не авторы текстов, а персонажи – люди, использующие в рамках этих текстов *Язык Вражды*.

Типы персонажей	Всего	Нейтральное	Отрицательное	Положительное
Политик	52	8	23	21
Журналист	288	47	28	213
Чиновник	11	4	2	5
Деятель культуры	15	1	4	10
Эксперт	29	5	7	17
Рядовой гражданин	47	12	23	12
Военный	2	1	0	1
Судья	1	0	1	0
Сотрудник правоохранит. органов	8	1	4	3
Общественный деятель	15	4	1	10
Религиозный деятель	2	0	0	2
Итого	470	83	93	294

Не вызывает удивления, что в мониторинге СМИ лидируют сами журналисты: журналистские тексты с огромным перевесом преобладают в объеме любого издания, так что такое соотношение не может являться и основанием для каких-то упреков в адрес журналистов в целом. Неудивительно также, что из остальных типов наиболее популярны политики, эксперты и общественные и культурные деятели – мнение именно этих категорий людей чаще всего представляется прессой. Тип «рядовой гражданин» соответствует автору «письма читателя», т.е. является отнюдь не случайным «гласом народным», а скорее одним из голосов редакции.

Попробуем разделить типы персонажей на две категории – представителей государства и представителей общества. Журналистов и «рядовых граждан» мы для чистоты эксперименты учитывать не будем. Политиков мы не склонны однозначно считать представителями государства: ведь они могут быть и оппозиционерами, да и вообще состоят в сложных партийных отношениях. С другой стороны, часть их мало чем отличается от чиновников. Чтобы не запутаться в субъективных различиях политиков, мы их тоже не будем учитывать.

Тогда государство представляют: чиновник, сотрудник правоохранительных органов, военный и судья. Может быть, они представляют его не всегда адекватно, но ведь государство – не монолит, оно и состоит из представляющих его граждан. А читатели СМИ голос такого представителя государства в той или иной степени отождествляют с голосом государства в целом.

Общество представляют: деятель культуры, эксперт, общественный деятель, религиозный деятель. И тогда соотношение представителей государства и представителей общества в порождении *Языка Вражды* – 22:60. Конечно, часть экспертов (да и иных деятелей) может быть весьма близка к государству и даже фактически пропагандировать официальные установки, но вряд ли это может быть столь распространено, чтобы принципиально изменить полученную впечатляющую пропорцию.

Таким образом, мы имеем основания сформулировать гипотезу, что на сегодняшний день в российских СМИ *Язык Вражды* продуцируется в первую очередь обществом, а не государством.

Интересно также отметить, что *Язык Вражды*, производимый разными типами персонажей, встречает разную реакцию журналистов. Негативнее всего реакция на «рядовых читателей» – очевидно, это использование их писаний как повода для выступления против того или

иного проявления *Языка Вражды*. Но в не лучшем положении находятся сотрудники правоохранительных органов и судьи (последних не стоит считать отдельно, т.к. есть только один случай). *Язык Вражды*, исходящий от политиков, встречает вполне амбивалентное отношение. А вот все остальные типы встречают отношение преимущественно или почти исключительно положительное.

Можно было бы счесть, что доля отрицательного отношения к *Языку Вражды*, исходящему от других журналистов, довольно мала, но оценка пропорции здесь некорректна: положительно журналисты относятся, как правило, к собственному *Языку Вражды*, что и создает ненормально большую цифру положительного отношения. Вообще же, негативное внимание к собственно журналистскому *Языку Вражды* как раз относительно высоко.

Обобщенные виды и объекты *Языка Вражды*

Конечно, количество видов и объектов *Языка Вражды* в нашем мониторинге слишком велико для относительно небольшого количества отобранных статей. Это делает несколько спорным сопоставление цифр. К тому же, многие виды и объекты пересекаются между собой или имеют нечеткие границы.

Выходом было бы объединение их в некоторые подмножества. Хотя, конечно, вариантов такого объединения очень много. Мы предлагаем следующий вариант объединения.

Виды мы объединяем по степени «жесткости» *Языка Вражды*, осознавая при этом, что такое деление довольно условно. Во-первых, невозможно методологически четко определить границы между категориями жесткости. Во-вторых, жесткость реального воздействия определяется не только самим видом, но и интенсивностью, выразительностью *Языка Вражды* в каждом конкретном случае.

Итак, виды мы подразделяем на три части:

Жесткий Язык Вражды:

- прямые и непосредственные призывы к насилию;
- призывы к насилию в виде общих лозунгов;
- прямые и непосредственные призывы к дискриминации;
- призывы к дискриминации в виде общих лозунгов;
- завуалированные призывы к насилию и дискриминации.

Не столь жесткий, средний Язык Вражды:

- оправдание исторических случаев насилия и дискриминации;
- публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации;
- утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой;
- указание, с целью дискредитации, на связь этнических и религиозных групп с российскими и иностранными политическими и государственными структурами;
- утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы;
- рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.;
- обвинение в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство («размывание национальной идентичности» и т.п.);
- призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т.д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе.

И, наконец, относительно *мягкий Язык Вражды*, скорее, его можно назвать некорректными высказываниями или некорректным журналистским поведением:

- создание негативного образа этнической или религиозной группы;
- упоминание названия этнической или религиозной группы в уничижительном контексте;
- утверждения о неполноценности (недостаток культурности, интеллектуальных способностей, неспособность к созидательному труду) той или иной этнической или религиозной группы как таковой;
- утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы;
- упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в уничижительном или оскорбительном контексте;
- цитирование без должного комментария ксенофобных высказываний и текстов.

В таблицах мы эти три подмножества будем обозначать словами «жесткий», «средний» и «мягкий».

Объекты *Языка Вражды* поделить на подмножества гораздо сложнее. Любое такое деление будет достаточно искусственным.

Мы предлагаем следующий вариант, не строго разделяющий объекты на подмножества, а скорее приблизительно учитывающий их по наиболее интересным для нас категориям.

Категории вводятся следующие:

1. Жители (выходцы из) мусульманских стран вне СНГ. К этой категории с коэффициентом 0,5 также отнесены и просто «мусульмане», и «новые мусульманские течения», упоминания которых могут относиться как к внешним по отношению к СНГ мусульманам, так и к внутренним. В таблицах обозначаются – «Мусульмане вне СНГ»:

- народы Азии;
- мусульмане;
- арабы;
- афганцы;
- пакистанцы;
- новые мусульманские течения.

2. Жители (выходцы с) Кавказа и Средней Азии. Причем под Кавказом понимаются как страны Закавказья, так и российский Северный Кавказ. (Напомним, что речь у нас идет об этнических группах, так что русские жители Северного Кавказа в мониторинге попали бы в объект «русские».) Здесь два вышеупомянутых «мусульманских» объекта, естественно, также учитываются вполнину. А вот курдов мы решили учесть здесь целиком (не разделяя на «внутренних» и зарубежных), так как практически все упоминания о них относятся к курдам внутри СНГ. В таблицах обозначаются – «Кавказ и Ср. Азия»:

- народы Кавказа и Закавказья;
- народы Средней Азии;
- чеченцы;
- азербайджанцы;
- мусульмане;
- армяне;
- курды;
- турки-месхетинцы.

3. Все неправославные религиозные группы (евреи религиозной группой здесь не считаются, т.к. вражда к ним по религиозному признаку практически не встречается за пределами радикальной националистической прессы). В таблицах обозначаются – «Неправославные»:

- не христиане;
- не православные;
- мусульмане;

- католики (и униаты);
- Свидетели Иеговы;
- саентологи;
- новые и малочисленные религиозные группы;
- новые мусульманские течения.

4. Американцы.

5. Евреи.

Эти две категории не поддаются обобщению, но количественно явно заслуживают выделения.

6. Прочие. Сюда попали и вполне определенные объекты, не столь часто упоминаемые и не входящие в напрашивающиеся обобщающие категории (как цыгане), а также разные обобщенные объекты типа «не русские». Последние, как уже было сказано, могут и обозначать некую широкую ксенофобию, и использоваться в мониторинге в качестве заменителя для конкретной, редко встречающейся этнической группы, не соответствующей никакому иному объекту из нашего списка.

- не русские;
- не белые;
- не славяне;
- негроиды;
- украинцы;
- цыгане;
- эстонцы;
- русские;
- татары.

В обобщенной таблице мы приводим цифры по сумме положительного и нейтрального отношения к *Языку Вражды*.

В абсолютных цифрах результат нашего обобщения выглядит так:

Категории видов	Категории объектов						
	Мусульмане вне СНГ	Кавказ и Ср. Азия	Неправославные	Американцы	Евреи	Прочие	Итого
жесткий	28,5	51,5	15	11	10	32	148
средний	97,5	236,5	57	18	34	126	569
мягкий	111,5	171,5	72	61	61	216	693
Всего	237,5	459,5	144	90	105	374	1410

Напомним: в таблице учитывается не количество статей, а количество упоминаний того или иного вида или объекта, так что суммарные цифры гораздо больше числа статей.

В процентах таблица выглядит нагляднее.
По обобщенным категориям объектов:

Категории видов	Категории объектов						
	Мусульмане вне СНГ	Кавказ и Ср. Азия	Неправославные	Американцы	Евреи	Прочие	Итого
жесткий	13	42	10	7	7	22	100
средний	11	48	10	3	6	22	100
мягкий	14	27	10	9	9	31	100
Всего	13	39	10	6	7	25	100

По степени жесткости *Языка Вражды*:

Категории видов	Категории объектов						
	Мусульмане вне СНГ	Кавказ и Ср. Азия	Неправославные	Американцы	Евреи	Прочие	Итого
жесткий	10	12	10	12	10	9	10
средний	35	52	40	20	32	34	40
мягкий	55	36	50	68	58	58	49
Всего	100	100	100	100	100	100	100

В целом, эти таблицы лишь подтверждают то, что было отмечено выше о распределении видов и объектов *Языка Вражды*. Но можно добавить и некоторые дополнительные соображения.

Видно, что доля жесткого *Языка Вражды* не так уж существенно варьируется между категориями объектов. Зато она весьма изменчива во времени (что в приведенных таблицах не видно). Если по такому же принципу сравнить первый (октябрь 2001 г. – январь 2002 г.) и второй (февраль–апрель 2002 г.) периоды мониторинга, станет видно, что доля жесткого *Языка Вражды* понизилась, причем сильно – от примерно полутора до примерно десяти раз в зависимости от категории объектов. Но на уровне регионов это происходило весьма неравномерно: в Краснодарском крае, где с новой силой развернулась антимигрантская кампания, жесткость только выросла, а в Рязани почему-то резко снизилась (в остальных регионах и на федеральном уровне – незначительные колебания). Конечно, как уже указывалось выше, здесь сыграло свою роль удаление от 11 сентября. Особенно это очевидно на примерах исчезновения жесткого *Языка Вражды* применительно к религиозным меньшинствам и почти исчезновения его по отношению к американцам и к «мусульманам вне СНГ». Но преувеличивать фактор 11 сентября не стоит: все-таки наиболее отчетливо этот фактор сказывался именно на федеральном уровне, на котором в первый период жесткого *Языка Вражды* как раз вообще не было зафиксировано. Видно, что резко снизился уровень жесткого *Языка Вражды* и по отношению к евреям (примерно втрое) и заметно – по отношению к «прочим» (примерно в полтора раза). То есть налицо некоторая общая тенденция, объяснить которую мы пока не беремся.

Что же касается относительно мягких форм *Языка Вражды*, того, что точнее было бы назвать нарушениями политкорректности, то здесь как раз различия между категориями объектов просто бросаются в глаза. «Мягкость» доминирует над «средней жесткостью» применительно к американцам, евреям, «прочим», отчасти к «мусульманам вне СНГ» и явно отстает применительно к народам (выходцам с) Кавказа и Средней Азии.

Зато доля именно этой категории несколько снизилась. Заметно выросла во второй период мониторинга доля «прочих» (преимущественно за счет русских и цыган), остальные изменились незначительно.

Иначе говоря, даже с учетом такой мощной флуктуации, как 11 сентября, распределение в обобщенных категориях видов и объектов *Языка Вражды* остается достаточно стабильным. Что же касается смягчения *Языка Вражды* во времени, то вот оно-то и не кажется пока устойчивой тенденцией.

Вроде бы можно проследить, как «ситуативные враги» – мусульмане или американцы – при относительной стабилизации уступают место «традиционным врагам» – выходцам с Кавказа и из Средней Азии. Но и эту тенденцию абсолютизировать не стоит: доля вроде бы «ситуативной» категории «мусульмане вне СНГ» почти не убавилась со временем, зато несколько убавилась доля явно «традиционных» евреев, и выросла неясная категория «прочие». А может быть, просто уже пора пересмотреть свои априорные представления об устойчивом этнорелигиозном портрете «врага».

Татьяна Локшина, Сергей Лукашевский

Сравнительный анализ ситуации в центральных и региональных СМИ

Центр и регионы

По состоянию на 30 апреля 2002 г. (прекращение мониторинга) в базе данных *Язык Вражды* содержалось 374 региональных сообщения.

Таблица 1. Общее число сообщений

Всего	Федеральный уровень	Регионы				
		Кемеровская область	Краснодарский край	Пермская область	Рязанская область	Санкт-Петербург
592	218	374				
		121	81	18	72	82

Непосредственно за период с 1 ноября 2001 г. по 30 апреля 2002 г. в базе было зарегистрировано 327 региональных сообщений.

Таблица 2. Общее число сообщений в регионах

Всего	Кемеровская область	Краснодарский край	Пермская область	Рязанская область	Санкт-Петербург
327	93	75	15	66	78

Далее все количественные показатели, касающиеся регионального мониторинга и их соотношения с данными федерального уровня, основаны на данных Таблицы 2.

Если разбить сообщения на три предусмотренные рубрикаторм категории в плане отношения СМИ к *Языку Вражды* (поддержка, нейтральное отношение и осуждение), то мы получим следующую картину.

Таблица 3. Распределение сообщений по отношению к проявлениям *Языка Вражды*

	Всего	Поддержка	Нейтральное	Осуждение
Федеральный уровень	218	120	26	72
Региональный уровень	327	235	67	25

То же самое в процентах:

Таблица 4. Распределение сообщений по отношению к проявлениям *Языка Вражды* в процентах

	Всего	Поддержка	Нейтральное	Осуждение
Федеральный уровень	100%	55%	12%	33%
Региональный уровень	100%	72%	20%	8%

Уже по этим показателям видно, что если число публикаций, содержащих поддержку *Языка Вражды*, в регионах больше почти в два раза, то осуждение *Языка Вражды* встречается, наоборот, почти в три раза реже, чем в центре. Если посчитать соотношение сообщений, осуждающих и поддерживающих *Язык Вражды* и на федеральном уровне, и в регионах, то ситуация представится еще более выпукло.

Таблица 5. Соотношение публикаций, осуждающих и поддерживающих *Язык Вражды*

	Осуждение / положительное	Осуждение / положительное+нейтральное
Федеральный уровень	0,60	0,49
Региональный уровень	0,11	0,08

Т.е. если принять данное соотношение за коэффициент *Языка Вражды*, то можно сделать вывод, что ситуация в регионах в плане противодействия журналистского сообщества *Языку Вражды* почти в шесть раз хуже, чем на федеральном уровне. Этот вывод представляется нам одним из самых существенных результатов исследования.

Одной из наиболее важных задач данного исследования было также выявление наиболее уязвимых для *Языка Вражды* этнических групп – для того, чтобы подтвердить или опровергнуть наши изначальные гипотезы.

Мы сознательно исключили из сопоставления арабов, афганцев и другие народы, упоминание которых было непосредственно связано исключительно с последствиями событий 11 сентября и так называемой исламской угрозой. Они фактически не являются предметом этнической ксенофобии, а представляют силу, противостоящую «цивилизованному миру». Так, в конкретных публикациях понятия «арабский террорист» и «исламский террорист» взаимозаменяемы.

Таблица 6. Наиболее часто упоминаемые этнические объекты *Языка Вражды* (поддержка и нейтральное отношение).

Федеральный уровень

Кавказцы (армяне, азербайджанцы, чеченцы, турки-месхетинцы, курды и народы Кавказа)	42 ¹
Цыгане	15
Украинцы	9
Американцы	8
Евреи	5

¹ Здесь и далее в таблицах используются цифры, которые включают в себя совокупное число сообщений или упоминаний как поддерживающих, так и нейтральных к *Языку Вражды*.

Таблица 6.1. Наиболее часто упоминаемые этнические объекты Языка Вражды (поддержка и нейтральное отношение).

Региональный уровень

Кавказцы (армяне, азербайджанцы, чеченцы, турки-месхетинцы, курды и народы Кавказа)	91
Евреи	40
Американцы	39
Цыгане	20
Украинцы	8

Таким образом, мы видим, что этнические объекты Языка Вражды – одни и те же для центра и регионов. На первом месте оказались кавказцы, которые упоминаются значительно чаще других и на федеральном, и на региональном уровнях. Причем в обоих случаях между первой и второй позициями существует значительный разрыв. Это подтверждает общее мнение о том, что представители народов Кавказа являются основной мишенью ксенофобных настроений в современной России.

Однако очевидны и различия. В то время как на федеральном уровне второе место занимают цыгане, ксенофобия к которым сходна с нетерпимостью к кавказцам и которых часто вместе с кавказцами идентифицируют как «черных»², на региональном уровне на их месте оказались евреи, а следом фактически встает идут американцы.

Конечно, нужно учитывать, что из 40 упоминаний евреев в региональной прессе – 15 представляют собой этнические анекдоты, но на федеральном уровне евреи упоминаются в негативном контексте крайне редко и стоят на последнем месте в нашем условном списке, а «еврейские» анекдоты отсутствуют вовсе.

На наш взгляд, 2 и 3 места у американцев и евреев на региональном уровне говорят о том, что в региональных СМИ ксенофобия заметно больше обращена не только на объекты реальные (кавказцы, цыгане), но и на мифологизированные (евреи, американцы). Евреи, так же как и американцы, относятся скорее к мифологизированным объектам ксе-

² См. Кулаева С. Положение Цыган / Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России. М.: МХГ, 2002.

нофобии, поскольку подавляющее большинство негативных упоминаний связано с разного рода конспирологическими теориями (как то: «мировое еврейство» как враг России и др.) или к анекдотам, основанным на давно укоренившихся стереотипах.

Таблица 7. Соотношение основных реальных и мифологических объектов Языка Вражды

	Федеральный уровень	Региональный уровень
Кавказцы, цыгане / американцы, евреи	4,38	0,71

Мы не ожидали встретить украинцев в числе «фаворитов» Языка Вражды как на федеральном, так и на региональном уровне. Причем на федеральном они оказались на третьем месте. С другой стороны, необходимо отметить, что Язык Вражды по отношению к украинцам практически не выходит за пределы неполиткорректности (использование пренебрежительного наименования «хохол» и довольно беззубые издевки на тему украинской государственности). Причем в регионах половина упоминаний – анекдоты. Судя по характеру публикаций, ксенофобия в отношении украинцев является в большей степени национальным самоутверждением за счет тех, кого привыкли считать «младшими братьями».

Теперь, учитывая отмеченное нами ранее различие между центром и регионами в плане осуждения журналистами Языка Вражды, рассмотрим вышеперечисленные группы по этому параметру.

Таблица 8. Осуждение Языка Вражды в отношении основных этнических групп – объектов Языка Вражды. Федеральный уровень

Кавказцы (армяне, азербайджанцы, чеченцы, турки-месхетинцы, курды и народы Кавказа)	36
Цыгане	3
Украинцы	0
Американцы	3
Евреи	22

Таким образом, оказывается, что евреи, которых в негативном контексте упоминают крайне редко (5 сообщений), в 22 случаях оказываются объектами защиты. В этом отношении их положение уникально. Что касается кавказцев, то число их упоминаний в негативном контексте лишь немного превышает число публикаций, осуждающих *Язык Вражды*. Соответственно, можно сделать следующие предварительные выводы. Журналисты центральных газет, по крайней мере, в общих чертах, отдают себе отчет в том, что возбуждение «национальной розни» – это «нехорошо». Поэтому традиционные объекты ксенофобии – евреи и кавказцы – также оказываются объектами журналистской защиты.

То, что евреев в центральной прессе «защищают» гораздо больше, чем «обижают», объясняется тем, что противодействие антисемитизму имеет в России относительно глубокие традиции и поддерживается регулярными заявлениями президента и других должностных лиц; также играют роль и современные установки, связанные с Холокостом, в западных обществах. Впрочем, возможно, определенное значение имеет и высокая степень организованности и эффективная «пиар»-работа российской еврейской общины.

Ксенофобия в отношении американцев, по-видимому, не представляется опасной, как не затрагивающая межэтнические отношения внутри страны. Что касается украинцев, то здесь, по сути, ксенофобия отсутствует, а имеет место неполиткорректность, т.е. не страх и неприязнь, а отсутствие уважения и ерничество.

Совершенно отдельную нишу занимают цыгане. Ксенофобия в отношении цыган традиционна, что объясняет их попадание в число несомненных «лидеров». С другой стороны, цыгане, по сравнению с кавказцами, представляют собой куда более сегрегированную группу в российском обществе.

В отношении кавказцев массовое сознание может провести различие между кавказцами-мигрантами, которые, собственно, и являются объектами ксенофобии, и народами Кавказа, большинство из которых имеет собственную государственность – бывшие республики СССР или республики в составе нынешней РФ – поэтому массовое сознание может отделить, например, «плохих» азербайджанцев-мигрантов, от «хороших», живущих в своей стране. Кроме того, в советском обществе народы Кавказа были совершенно укорены. Ничего подобного нельзя сказать о цыганах. Т.е. кавказцы хоть немножко, но свои (общество в принципе лелеет воспоминания о т.н. добром

Кавказе, нашедшем отражение в фильме «Кавказская пленница»), а вот цыгане – чужие абсолютно. Поэтому даже очень немногие статьи, авторы которых благожелательно настроены в отношении цыган, как правило, содержат *Язык Вражды* (негативные стереотипы, уничижительные эпитеты и т.д.).

Хотя по количеству публикаций, осуждающих *Язык Вражды*, региональные СМИ, как уже говорилось выше, значительно уступают центральным, из приведенных ниже данных видно, что распределение защищающих уязвимые группы публикаций в целом совпадает.

Таблица 8.1. Осуждение Языка Вражды в отношении основных этнических групп – объектов Языка Вражды. Региональный уровень

Кавказцы (армяне, азербайджанцы, чеченцы, турки-месхетинцы, курды и народы Кавказа)	6
Евреи	9
Американцы	4
Украинцы	0
Цыгане	3

Учитывая особое место нетерпимости к представителям народов Кавказа и Закавказья в общексенофобных настроениях, мы также рассмотрим распределение сообщений о *Языке Вражды* между основными членами этой группы.

Таблица 9. Язык Вражды в отношении кавказцев. Федеральный уровень (в порядке убывания)

1	Народы Кавказа	25
2	Чеченцы	18
3	Азербайджанцы	9
4	Армяне	1
	Курды	1
	Турки-месхетинцы	1

Мы видим, что доминирует абстрактная группа – «Народы Кавказа». Кроме нее можно выделить только чеченцев, достаточно высокий показатель в отношении которых является прямым следствием войны в Чечне. Среди прочих этнических групп заметны только азербайджанцы, что, возможно, связано с тем, что они действительно являются главным этническим меньшинством среди московских рыночных торговцев. Что касается всплывших в единственном числе армян, турок-месхетинцев и курдов, то все они упомянуты в одной газетной публикации, описывающей ситуацию в Краснодарском крае.

Таблица 9.1. *Язык Вражды* в отношении кавказцев. Региональный уровень

1	Турки-месхетинцы	46
2	Армяне	24
3	Кавказцы вообще	19
	Чеченцы	19
4	Курды	18
5	Азербайджанцы	12

На первый взгляд регионы резко отличаются от центра. Но вышеприведенная таблица с точки зрения общего регионального среза не является репрезентативной, т.к. картина искажается уникальной проблематикой Краснодарского края. Гораздо более точно усредненную ситуацию в регионах иллюстрирует нижеследующая таблица, исключая данные по этому региону.

Таблица 9.2. *Язык Вражды* в отношении кавказцев. Региональный уровень без Краснодарского края

1	Кавказцы вообще	15
2	Чеченцы	14
3	Азербайджанцы	8
4	Армяне	4
5	Курды	2

Таким образом, средняя ситуация в регионах на самом деле примерно схожа с федеральным центром. Но если в центре чеченцы составляют почти половину всех сообщений, то в регионах – только треть. Возможно, это связано с тем, что центральные СМИ больше, чем региональные, уделяют внимания общефедеральным проблемам (в частности, войне в Чечне и терроризму). Курды попали в эту таблицу, по сути, случайно, поскольку в конкретных, не краснодарских публикациях имеются в виду не российские курды, а жители Ирана, Ирака и Турции.

Завершая сравнительный анализ *Языка Вражды* в центральных и региональных СМИ, хотелось бы остановиться на проблеме *Языка Вражды* в отношении религиозных меньшинств.

Таблица 10. Проявления *Языка Вражды* в отношении религиозных меньшинств

	Доля сообщений о <i>Языке Вражды</i> в отношении религиозных меньшинств	Число сообщений	Число сообщений, пришедшихся на период антикатолической кампании и направленных в первую очередь против католиков
Федеральный уровень	5,5%	8	7
Региональный уровень	5,6%	17	3

Из вышеприведенных данных можно сделать два вывода. Во-первых, религиозные меньшинства становятся объектами *Языка Вражды* гораздо реже, чем этнические группы. Впрочем, при подведении данной статистики мы не учитывали такую группу, как мусульмане, поскольку часть проявлений *Языка Вражды* связана с событиями 11 сентября, а остальные невозможно отличить от ксенофобии в отношении народов Кавказа и Азии.

Во-вторых, на федеральном уровне все, за исключением одной публикации, появились в период активной антикатолической кампании и направлены исключительно или преимущественно против католиков.

(Естественно, медийная антикатолическая кампания отнюдь не исчерпывалась семью отмеченными нами публикациями, но большинству журналистов удалось выдержать стиль и избежать *Языка Вражды*.)

В регионах объектами *Языка Вражды* гораздо чаще становятся так называемые секты – новые и малочисленные религиозные течения (Свидетели Иеговы, саентологи, мормоны и др.). С другой стороны, антикатолическая кампания фактически обошла региональные СМИ стороной. На этот период приходятся только три выявленные публикации.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание, сравнивая ситуацию в региональных и федеральных СМИ: это публикация анекдотов на национальную тематику. Мы специально опрашивали своих американских и европейских коллег и выяснили, что в западных СМИ этнические анекдоты и фельетоны не печатаются из соображений политкорректности. У нас ситуация обратная, причем в регионах этот жанр гораздо популярней, чем в центре.

Таблица 11. Употребление этнических анекдотов

	Число анекдотов	Доля среди прочих сообщений
Федеральный уровень	7	4,8%
Региональный уровень	42	13,9%

На федеральном уровне в четырех случаях из семи персонажами анекдота являются эстонцы и по одному разу кавказцы, чукчи и канадцы (отголосок «патриотической истерии» в связи с зимней Олимпиадой). Хотелось бы обратить внимание на патологическую заикленность федеральных шутников на эстонцах (которые и олицетворяют для россиян все народы Прибалтики) и, видимо, осмысленное незатрагивание еврейской темы, столь популярной в регионах.

Из 42 региональных анекдотов 15 – о евреях, 7 – о русских, 5 – об американцах, 4 – об арабах, 4 – кавказцах, 3 – о китайцах, 2 – об украинцах и 2 – о чукчах, по одному анекдоту приходится на монголов, японцев, голландцев, французов³.

³ Число упоминаний тех или иных этнических групп не совпадает с общим числом анекдотов, так как в одном анекдоте может фигурировать несколько объектов *Языка Вражды* одновременно.

Можно предположить, что в регионах этнические анекдоты вообще не считаются чем-то некорректным. Об этом свидетельствует значительное число анекдотов о «себе любимых» – о русских – причем достаточно обидных. Вообще, региональной прессе свойственна определенная разнузданность и отсутствие представления о правилах хорошего тона.

Небольшое число анекдотов про кавказцев (все они старые и в основном про грузин, которые не являются заметным объектом *Языка Вражды*) свидетельствует о том, что представители соответствующих этнических групп воспринимаются как серьезная угроза, с которой грех шутить. Поэтому старые анекдоты на кавказскую тему непопулярны, в отличие от «еврейских», а новые не появляются.

Несколько анекдотов появились в связи с 11 сентября (естественно, про арабов и частично – про американцев), остальные – способ национального самоутверждения.

Сравнительная характеристика регионов

С точки зрения отношения к *Языку Вражды* региональные СМИ отличает незначительное число материалов, осуждающих подобные проявления, неотрефлексированная некорректность и некоторая безответственность, а также злоупотребление еврейской темой, практически отсутствующей на федеральном уровне. Однако регионы далеко не однородны. Благодаря продуманному отбору нам действительно удалось представить срез региональной прессы.

В первую очередь выяснилось, что между урбанизированными регионами в разных частях России (Санкт-Петербург, Кемеровская и Пермская области) нет радикальных различий. Почти все вышесказанное описывает ситуацию именно в этих регионах. Рязанская область, и в особенности Краснодарский край, требуют отдельного рассмотрения.

Краснодарский край

Выше мы уже продемонстрировали, как изменяется распределение региональных объектов *Языка Вражды* без учета данных по Краснодарскому краю. Турки-месхетинцы, на которых приходится 46 упоминаний, и которые лидируют в общей региональной таблице, все без исключения подвергаются нападкам в прессе Краснодарского края, то же самое относится ко всем упоминаниям российских курдов и подавляющему большинству упоминаний армян.

Показательно, что в Краснодарском крае в ходе мониторинга не было зафиксировано ни одной публикации, осуждающей *Язык Вражды*.

Фактически ситуация в Краснодаре характеризуется выпуклой ориентированностью на внутренние проблемы региона. Почти все публикации, содержащие *Язык Вражды*, посвящены нападкам на реальных и мнимых этнических мигрантов (турок-мехетинцев, курдов, армян, цыган, чеченцев) и на «некоренное» население как таковое. Причем главный источник *Языка Вражды* – высказывания региональной власти, преимущественно губернатора А. Ткачева. Умонастроения властей могут быть определены следующей цитатой из выступления губернатора: «Кубань – для кубанцев! Да, Кубань – многонациональный регион, но главный народ на Кубани – это русский народ. И все, кто сюда приехал, должны именно под нас с вами подстраиваться – под наши обычаи, под наши традиции...». Не любимы властью не только «некоренные» народы, но и «некоренные» религии (католики, протестанты, а особенно Свидетели Иеговы, саентологи). На «не русских» мигрантов указывают, как на источник межнационального напряжения, объясняя это, в первую очередь, якобы поголовной их криминализированностью. Кубань представляется «землей обетованной», которую заполнили толпы криминальных мигрантов, задавшихся целью вытеснить русский народ с территории его «традиционного проживания», изгнание мигрантов преподносится как задача национального спасения.

«Мы должны принять все меры к тому, чтобы эти люди не чувствовали себя у нас так вольготно, чтобы они не ощущали себя хозяевами нашей земли», – заявляет Ткачев на страницах газеты «Кубань сегодня».

После ухода воинствующего сионоборца Н. Кондратенко тематика антисоциализма потеряла актуальность, но антисемитизм окончательно не исчез (по мнению А. Ткачева, телекомпания НТВ критикует кубанские власти потому, что в ней работают В. Шендерович, С. Шустер). Впрочем, это единственное упоминание евреев, зафиксированное за весь период мониторинга.

В отличие от других регионов в Краснодарском крае на национальные темы не шутят – это вопрос государственной важности. За весь период мониторинга в краснодарской прессе не было выявлено ни одного этнического анекдота.

В целом из подвергшихся мониторингу в Краснодарском крае семи изданий наибольшее число проявлений *Языка Вражды* приходится на четыре наиболее тиражные общественно-политические газеты: «Вольная Кубань», «Кубанские новости», «Краснодарские известия», «Кубань сегодня».

Как уже было отмечено, в краснодарской прессе основной мишенью *Языка Вражды* являются турки-мехетинцы, якобы наводнившие край. (При этом, по оценке Правозащитного Центра Общества «Мемориал», число мехетинцев на Кубани колеблется в пределах 15–18 тыс., что составляет примерно 0,3% населения⁴.) Так, например, газета «Кубанские новости» публикует следующие высказывания губернатора А. Ткачева:

«... посмотрите на тот же Крымский район – там есть населенные пункты, где турки-мехетинцы буквально выжимают с обжитых мест местное население. ... Со стороны незаконных мигрантов идет захват наиболее выгодных видов бизнеса – это, прежде всего, торговля... Ведь многие незаконные мигранты активно участвуют в привнесении на нашу добрую землю такого зла, как наркомания...».

На самом деле в Крымском районе, который почему-то принято называть местом «компактного проживания» турок, их доля в составе населения достигает приблизительно 6,5%. В крае нет ни одного населенного пункта, где турки составляли бы большинство жителей.

Тем не менее, например, Сергей Фролов, лидер краевого общественного движения «Средний класс Кубани» выражает следующие опасения в газете «Кубань сегодня»:

«... время, в которое мы живем, требует от нас, русских, государствообразующей нации, самоидентификации, защиты интересов нас, русских... Хотя практика показывает, что русских необходимо защищать и в своей стране. Такая ситуация, как известно, сложилась в некоторых районах Кубани, где преобладают представители других этносов, например, турок-мехетинцев. Они исповедуют иную, нежели русские, религию. У них иная культура, иные взгляды. И это очень хорошо ощущают на себе русские, живущие рядом с мехетинцами. Вывод может быть только один: нам надо на всех уровнях защищать русский народ, иначе через несколько десятилетий защищать станет некого».

Язык Вражды в краснодарской прессе представляет собой, в первую очередь, транслирование высказываний губернатора, других чиновников и общественных деятелей. Однако манера изложения материала на подобные темы журналистами не оставляет сомнения в их позиции. В качестве иллюстрации рассмотрим следующую выдержку из газеты «Семь дней Кубани»:

⁴ Общее число жителей Краснодарского края достигает приблизительно 5,05 млн. чел.; русские составляют более 85% населения.

«Совет атаманов Крымского района обратился к районному депутатскому корпусу с просьбой оказать содействие в проведении на территории города и района референдума по вопросу возможности (или невозможности) совместного проживания с нахрапистыми мигрантами и решения вопроса о выдворении их на историческую родину ... ибо промедление может очень дорого стоить Кубани и всей России».

Таблица 12. Упоминание этнических и религиозных групп в краснодарских СМИ

Этническая и религиозная группа	Число упоминаний
Турки-месхетинцы	46
Армяне	20
Курды	16
Цыгане	13
Религиозные меньшинства (без учета мусульман)	6
Чеченцы	5
Азербайджанцы	4
Кавказцы вообще	4
Украинцы	2
Евреи	1
Крымские татары	1

Полностью отсутствуют упоминания американцев, афганцев, арабов, пакистанцев – проблематику 11 сентября местная пресса обошла стороной. Неожиданно жестки, хотя и немногочисленны, выпады против украинцев. Корреспондент газеты «Вольная Кубань» настаивает, что

«...почти треть всех зафиксированных случаев [преступлений. – Авт.] приходится на долю украинцев. За прошлый год только в Анапе ими совершено четыре убийства. А теперь они стали осваивать методику шапочек с прорезями для глаз... и все преступления, совершаемые украинцами, отличаются почему-то особой жестокостью».

Читатели краснодарских газет попадают в замкнутый черно-белый мир, в котором четко определены враги и который абсолютно самодостаточен. События, происходящие за пределами этого мира, могут привлечь к себе внимание только в том случае, если представляются способными оказать на край непосредственное влияние. Даже конспирологические концепции посвящены не России в целом, а непосредственно Краснодарскому краю.

По мнению начальника краевого УФСБ генерала Алексея Шишкова, растиражированному газетой «Кубань сегодня»:

«...из инструкций эмиссарам иностранных разведок следует, что им даются прямые указания на вербовку «национальных» криминальных авторитетов, на работу внутри национальных общественных объединений. Рост «национальной» преступности и межнациональной напряженности в крае – вот главная цель стран-конкурентов России». «Осуществляются попытки армянских этнических организованных преступных формирований взять под свой контроль производство и сбыт алкогольной продукции. На сегодняшний день мы можем говорить об этнических преступных группировках (дагестанской, чеченской, курдской, цыганской, армянской)... Ведущее положение в распространении и сбыте наркотиков занимают цыганские, армянские, таджикские, грузинские и греческие преступные группировки... Национальный криминалитет зарабатывает на распространении наркотиков. Воровство, изнасилование становятся чуть ли не «народной традицией».

Рязанская область

Ситуация в СМИ Рязанской области также выделяется на общем фоне. Доля проявлений Языка Вражды в отношении евреев, американцев, народов Азии (тематика 11 сентября) относительно кавказцев, цыган и других мигрантов значительно больше, чем в других регионах. (В вышеописанном Краснодарском крае ситуация, как мы помним, обратная.)

Таблица 13. Упоминание этнических и религиозных групп в рязанских СМИ

Этническая и религиозная группа	Число упоминаний
Всего	54
Евреи	19
Американцы	10
Народы Азии (арабы, афганцы, пакистанцы и др.)	7
Кавказцы (азербайджанцы, армяне, чеченцы и др.)	6
Религиозные меньшинства (без мусульман)	5
Цыгане	1

Первое, что приходит в голову: Рязанская область – регион моноэтнический (96% населения – русские), не обремененный миграцией, и поэтому традиционные жертвы *Языка Вражды* – кавказцы и другие этнические мигранты – рязанскую прессу не интересуют. Однако общенационалистический настрой проявляется в разгуле конспирологических конструкторов (всемирный заговор и т.д.) и квазигеополитических построений.

Но если рассмотреть распределение содержащих *Язык Вражды* публикаций по подвергшимся мониторингу в Рязани СМИ, то становится ясно, что подавляющее большинство таких публикаций приходится на одну газету – «Вечернюю Рязань».

Без этой газеты статистика будет выглядеть следующим образом.

Таблица 14. Упоминание этнических и религиозных групп в рязанских СМИ без «Вечерней Рязани»

Этническая и религиозная группа	Число упоминаний
Всего	10
Евреи	5
Американцы	2
Народы Азии (арабы, афганцы, пакистанцы и др.)	3
Кавказцы (азербайджанцы, армяне, чеченцы и др.)	1
Религиозные меньшинства (без мусульман)	0
Цыгане	1

Более того, на эти 10 сообщений о публикациях, поддерживающих *Язык Вражды* или нейтральных к нему, приходится 11 осуждающих – показатель почти невероятный. Следует, правда, оговориться, что большинство из них имеет отношение к общему осуждению скинхедов и фашистов, а 4 составляют одну антифашистскую полосу в газете «Междёрская сторона».

Газета «Вечерняя Рязань», которая так резко меняет картину региональных СМИ, фактически может быть отнесена к разряду маргинальной патриотической прессы, значительная часть материалов которой посвящена не реальным проблемам текущей жизни, а разоблачению многочисленных мифических врагов, построению сложных конспирологических концепций. Вообще, главный персонаж их публикаций (что не нашло отражения в Таблице 14) – это не конкретная нация, а абстрактные другие – «не русские»/«не славяне»/«не православные».

Публикаций, в которых фигурируют исключительно вышеперечисленные объекты, в «Вечерней Рязани» 18. Для сравнения: во всей остальной рязанской прессе такая публикация за весь период мониторинга была выявлена только одна.

Как уже было отмечено выше, региональная пресса фактически проигнорировала федеральную антикатолическую кампанию. «Вечерняя Рязань» оказалась в числе тех немногих региональных СМИ, которые откликнулись на эту инициативу:

«Стремление к господству в политических интригах стало неотъемлемой чертой католического мировоззрения. По мановению пап целые народы, взяв крест и меч, пошли сражаться против каждого, кого Римский епископ признаёт своим врагом...»

«Вечерняя Рязань» размещает на своих страницах историософские и геополитические статьи с привкусом национального превосходства. Нередко перепечатываются работы современных и классических правых и консервативных идеологов – Л. Тихомирова, И. Ильина, А. Дугина, Е. Холмогорова, где русские и их особое предназначение противопоставляются всему остальному миру.

Приведем несколько характерных цитат:

«Нас губит отсутствие русского аристократического мировоззрения (национализм всегда аристократичен – как идеология и практика национального величия и избранничества)... Только им и сможет быть осуществлена великая миссия нашего времени – собирания воедино России... И, как написано на знамёнах Русской Чести: «За Россию единую и неделимую!», так же надо вписать туда и другой призыв: За Русскую Историю, единую и неделимую!»

«Третья наша задача – это задача по отношению к будущему... Это властно завоевавшая умы интеллектуалов идея «Севера», противостоящего Западу, Востоку и Югу, идея новой цивилизации, которая зародится на русских просторах и которая станет увенчанием и превосхождением русского национального строительства...»

«В мире должен возникнуть единый координационный центр, не отменяющий нации и государства, но укрепляющий взаимодействие друг с другом... И решающую роль в нём должны играть русские. Мы должны добиться мирового лидерства – в этом и есть истинный смысл нашего мессианизма. Но это будет возможно лишь в том случае, если наш национализм станет открытым национализмом».

«Вечерняя Рязань» также публикует листовку РНЕ (в качестве поздравления организации с юбилеем (11-м!)) и отрывки из книги бывшего

го главы Ку-Клукс-Клана Дэвида Дюка о «подлинной роли» евреев в современном мире. Или ретранслирует популярные в арабском мире домыслы: «4 тысячи евреев не вышли на работу во Всемирный Торговый Центр 11 сентября 2001 года».

Из статей в «Вечерней Рязани» можно почерпнуть «информацию» о том, что Д. Дудаев «исчез» потому, что был еврей, а за Ленский расстрел несут ответственность евреи – владельцы предприятия.

Или такие «соображения»:

«Но почему днём Красной армии был выбран именно день 23 февраля (по старому стилю – 8 марта)? Потому что 23 февраля (8 марта) 1917 года была совершена Февральская революция, Что за дата такая для России? Что за символ? В этот день в 1917 году отмечался еврейский праздник Пурим. Это день великой победы евреев над своими врагами.

Много веков назад жена персидского царя (еврейка, о чем царь не знал), хитростью завладела правом в течение 3 дней безраздельно править государством. Это право в виде печати царя передали евреям, которые убили в Персии всех своих врагов, более 70 тысяч, отрезав у них уши. Евреи вырезали всю аристократию Персии, и многие десятилетия господствовали в этом государстве. В последующем Господь сделал так, что они из Персии были изгнаны. В память об этой победе в этот день евреи пекут пирожки с мясом, которые имеют форму ушей, и угощают ими всех, что служит напоминанием: кто осмелится встать на их пути, должен знать, что с ним будет. Когда в России приняли новый стиль исчисления, Пурим стал приходиться на 8 марта. Тогда по предложению Клары Цеткин Совет народных комиссаров, на 90% состоявший из евреев, принял решение – 8 марта праздновать как День международной солидарности женщин. И с тех пор русские люди отмечают 8 марта как женский день, а евреи как праздник великой победы евреев над неевреями – Пурим. С тех пор в Международный женский день 8 марта – или по-еврейски Пурим – мы дарим женщинам цветы и духи. А они нас 23 февраля обильно угощают пирожками в виде ушей, все время нам о чем-то напоминая. Видимо, есть в этом какая-то необходимость».

В целом проявления Языка Вражды в материалах «Вечерней Рязани» – общие соображения, носящие оценочный характер, часто обращенные назад в историю, не имеющие отношения к повседневной жизни, проблемам региона.

Собственно, газета отражает взгляды своего владельца – бывшего мэра г. Рязани, участника всех региональных избирательных кампаний

В.В. Рюмина, который в интервью той же «Вечерней Рязани» демонстрирует, по сути, зоологический расизм.

«...А знаете, ещё интересный вопрос мировой проблемы. 50 лет назад в мире было 43% белого населения, сегодня – 28%. Через 50 лет посчитайте, сколько будет. Скажите, если белый мужчина и чёрная женщина, и наоборот, сходятся в браке, какого цвета будет ребёнок? Смотрите, какой генофонд».

Впрочем, как и большинство современных российских националистов, Рюмин подвержен идеологической эклектике. «Зоологические» концепции перемешиваются у него с «цивилизационными». Так, Рюмин настаивает, что «...национализм – это благородная идея», а сам он, не будучи антисемитом, евреев не любит. И не потому, что «...они жадные, неуживчивые, коварные, нет, это присуще многим народам...», а потому, что они якобы являются новым «плавающим суперэтносом», который постепенно начинает занимать доминирующие позиции в том государстве, в которое приходит.

Несмотря на то что «Вечерняя Рязань» по своему содержанию на общероссийском фоне выглядит маргинально, в Рязани это вторая по тиражности газета (и первая среди еженедельников). Поэтому то, что она сильно выделяется на фоне другой рязанской прессы, отнюдь не доказывает, что эта газета мало влиятельна или слабо популярна.

«Вечерняя Рязань» не была создана как рупор националистических идей. Это старая областная газета, имевшая широкий круг читателей. После того, как Рюмин стал ее владельцем, он сменил редакционную политику и штат журналистов.

Но Рязанская область – регион, бедный СМИ. Поэтому даже если предположить, что старые читатели со временем откажутся от «Вечерней Рязани», устав от перегруженных философской и историософской проблематикой материалов, случится это не в один день.

Остальные регионы

В трех оставшихся регионах (Санкт-Петербурге, Кемеровской и Пермской областях) ситуация с публикациями в местной прессе, содержащими *Язык Вражды*, по всем основным позициям фактически совпадает со средними региональными показателями. Поэтому мы не считаем нужным отдельно анализировать статистику по каждому из этих регионов. Вместо этого мы хотели бы рассмотреть типичные для «обычной» региональной прессы проявления *Языка Вражды*.

Конечно, пресса в этих регионах неоднородна. Значительнее всего из этой тройки выделяется Санкт-Петербург. Там больше материалов геополитического характера, встречаются элементы конспирологии:

«Еврейское лобби в США не допустит «цивилизованного противостояния» вокруг земли обетованной».

«Исламский мир стал выковывать орудия протеста на религиозном уровне. При этом высокая пассионарность этноса и религии рождает фанатиков-шахидов, готовых к наиболее опасным формам борьбы».

«США должны отказаться от роли мирового гегемона, стремящего определять ход событий в любой точке земного шара. Исламский мир должен отказаться от примитивного антиамериканизма».

Однако причины этого – в особом положении местной прессы в Санкт-Петербурге. Там, так же как и в Москве, можно купить весь набор федеральных газет, и население в большинстве своем читает именно СМИ федерального уровня. В связи с этим собственно питерские газеты имеют определенный привкус маргинальности – единственный способ привлечь к себе внимание читателя. Но в целом петербургская пресса однозначно ближе к типовым региональным СМИ, чем к «Вечерней Рязани» и краснодарской прессе. Среди главных объектов *Языка Вражды* местные СМИ в первую очередь выделяют стандартный набор: кавказцы, американцы, евреи (в основном анекдоты и некорректные высказывания), цыгане.

Учитывая все вышесказанное, мы сочли целесообразным продемонстрировать типичные для региональных СМИ случаи употребления *Языка Вражды* на примере Кемеровской области. Хочется подчеркнуть, что подобные цитаты можно с легкостью найти и в пермской, и в санкт-петербургской, и в рязанской прессе, и, соответственно, как нам представляется – в СМИ большинства российских регионов.

Процент публикаций, осуждающих *Язык Вражды*, очень невысок. И публикации эти в основном носят характер общих рассуждений о неприемлемости фашистской идеологии в стране, победившей фашизм, и угрозе, исходящей от скинхедов. Наиболее убедительная статья такого рода была выявлена в газете «Томь». Автор не просто рассуждает о том, что фашизм находит распространение, свободно продаются националистические газеты и книги, избивают представителей национальных меньшинств, но и заставляет читателя задуматься, резюмируя ситуацию следующим образом: «Самое страшное то, что в стране все

молчат. Тревогу бьют только евреи, африканцы и некоторые правозащитные организации».

Наиболее популярным объектом *Языка Вражды* в региональных СМИ являются кавказцы. Более того, именно в отношении кавказцев *Язык Вражды* наиболее конкретизирован и жесток. Хорошей иллюстрацией является, очевидно, ксенофобная цитата из текста, приведенного в газете «Комок», автор которого пытается «разобраться» в корнях неприятия кавказцев:

«...если взять простую, повседневную картину: на рынке стоит «некто» с орлиным носом, грязными, неухоженными руками и полу(полутора-) сантиметровой щетиной на грязном «лице» и кричит вслед нашей русской девушке: «Дэвушка, подожди!» – кому-то это нравится? Мне – нет! Если какая-то «дэвушка» и подождет, то он ей еще и «букетик» вензаболеваний на дорожку «подарит»! В этом я не сомневаюсь!».

В данном случае имеет место грубейшая негативная стереотипизация.

Другой – даже более популярный вид *Языка Вражды* в отношении кавказцев – криминализация. Журналист газеты «Кузбасс», описывая случай несанкционированного подключения к магистральному нефтепроводу в Ростовской области, комментирует, что крадут нефть в основном чеченцы, «тем более опыта в воровстве нефти горским людям не занимать».

Еще одна криминализованный группа – цыгане. В областной прессе распространено обвинение цыган в наркоторговле – как в этническом промысле.

«Во времена горбачевской противоалкогольной кампании ходили анекдоты, будто местные цыгане на этой акции так нагрели руки, что не только себе – своим лошадям золотые зубы вставили. С приходом рынка этот «цыганский бизнес» прогорел. Но «предпримчивый» народ делает теперь «золотые подковы» на торговле наркотиками...».

На кавказцах и цыганах, единственных по сути подлинных объекта ксенофобии, жесткий прицельный *Язык Вражды* в областной прессе исчерпывается.

По отношению к американцам, которые поминаются почти так же часто, как кавказцы, *Язык Вражды* носит совсем другой характер. В нем преобладают ерничество и беспочвенные издевки. Журналист газеты «Кузнецкий край», рассказывая о новинках иностранного кинематографа, комментирует американский кинофильм, посвященный Второй мировой войне:

«В этой военной драме практически нет стрельбы и взрывов. Зато имеется обязательный набор базовых элементов. С их помощью американцы бережат в своей душе чувство гордости за то, что они тоже участвовали во второй мировой и в некотором смысле даже победили. Сентиментальное мужество, кока-кольный патриотизм, обостренное чувство справедливости, красочное самопожертвование...».

Такое ерничество и склонность к мелким и беспричинным издевательствам вообще присущи *Языку Вражды* в областной прессе.

Вновь обзор кино. В анонсе к комедии «Все из-за Бенджаминов» автор газеты «Комок» риторически восклицает: «Легко ли быть тупым и толстым ниггером?». Другой фильм «Черный рыцарь» (Black Knight) анонсируется следующим слоганом: «Короче, братан, всасывай: рыцарем ты можешь и не быть, но крутым ниггером быть просто обязан, в натуре!».

Таким же мелким издевкам подвергаются и другие народы. Украинские металлурги именуется «хохлячками», японские машины – «японками» (заголовок: «Хочу японку!»), а у сделанных в Китае товаров («китайцы умеют подделывать все: от финских лифтов до саун и лекарств») проявляется «раскосое происхождение».

Поэтому не нужно удивляться числу этнических анекдотов в местной прессе. Если в целом по регионам доля анекдотов составляет 13,9 % (напомним, что в Краснодаре не шутят), то в Кемеровской области четверть всех сообщений – анекдоты. Персонажи анекдотов вполне традиционны: евреи, чукчи, эстонцы, в качестве экзотики – африканцы. Анекдоты опять же не злобные, но достаточно обидные. Судите сами:

«Вчера в фонтане на центральной площади захлебнулись два еврея. Проведенным расследованием установлено следующее. Встретились два еврея, которые давно не виделись. – Привет, Абрам, как давно я тебя не видел! – Привет, Мойша, очень рад тебя снова видеть. Давай зайдем в бар? – А кто угощает? – Ну... Давай так: вон, видишь, фонтан? Каждый из нас опускает голову под воду. Кто первый вынет голову, то и угощает...».

«Чукча начал работать в ГАИ. Останавливает машину и обращается к водителю: «Ты уважаешь чукчу? – Нет. – Давай права. Взял. Пробил дырку в талоне. Остановил второго: Уважаешь чукчу? – Уважаю. – Проезжай. Останавливает третьего: – Уважаешь чукчу? – Нет. – Давай документы. Пробил дырку, отдал. Пассажир спра-

шивает у водителя: – Зачем ты ему талон отдал? – Я же не чукча. Я не талон дал, а трамвайный билет».

«Эстонец поймал золотую рыбку, снял ее с крючка, а она говорит ему: – Отпусти меня – я исполню любое твоё желание! В ответ на это эстонец берет ее за хвост и со всей силы лупит об дерево со словами: – Не нат-то расс-го-ффари-ватт ссо мной п-по-русски!!!».

«Почему негры предпочитают машины, не оборудованные подушками безопасности? – Им хватает «липучек», закрепленных на подголовниках...»⁵.

Еще одной особенностью региональной прессы, которую мы хотели бы здесь отметить, является некомментируемое цитирование политиков и других деятелей. А ведь именно они часто являются наиболее богатыми источниками *Языка Вражды* и своими высказываниями подпитывают общексенофобный фон. Кстати, заметим, что кемеровская пресса в духе все той же вездесущей издевки цитирует депутатов ГД РФ В. Жириновского и В. Шандыбина, которые уже настолько прославились своими одиозными высказываниями, что не воспринимаются серьезно. Это, кстати, само по себе является проблемой, поскольку создает для ораторствующих ксенофобов атмосферу вседозволенности.

На страницах газеты «Честное слово» интервью с В. Жириновским, заголовком к которому послужило его же высказывание о наказании «чеченских террористов»: «Публично повесить, а потом дважды расстрелять...». Конечно, можно выдвинуть аргумент, что речь идет о террористах, а не о чеченцах как этнической группе. Но, имея в виду другие высказывания Жириновского на эту тему, можно сделать вывод, что (во всяком случае, для этого политика) настоящей границы между террористами и чеченцами не существует.

А в газете «Кузнецкий край» Василий Шандыбин объясняет читателям, что мафия формируется по национальному признаку. Причем «еврейская мафия захватила банки, все природные ресурсы – это добычу газа, нефти, золота».

Мы ничуть не сомневаемся, что многие эксперты и журналисты, ознакомившись с нашими выводами, упрекнут нас в том, что мы дела-

⁵ Авторам потребовалось 10 минут, чтобы понять, на что намекают в этом анекдоте. Кажется, поняли, но уверенности нет.

ем «из мухи слона», и такие явления, как ерничество на этнической почве, этнические анекдоты и уж тем более цитирование без должного комментария не являются поводом для беспокойства и не должны восприниматься негативно – иначе мы навсегда увязнем в «болоте политкорректности». Однако мы отталкиваемся не только от установок наших западных коллег. Для чистоты эксперимента мы включили «русских» в число объектов *Языка Вражды*. Как выяснилось, *Язык Вражды* против русских в основном проявился именно в анекдотах и цитировании без должного комментария, и зачастую «русская общественность» воспринимала это очень болезненно.

Например, в «Нашей газете» были опубликована статья с цитатами полуторавековой давности из книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» следующего толка:

«Нравы русских, вопреки всем претензиям этого полуварварского племени, еще очень жестоки и надолго останутся жестокими. Ведь немногим более ста лет тому назад они были настоящими татарами. И под внешним лоском европейской элегантности большинство этих выскочек цивилизации сохранило медвежью шкуру – они лишь надели ее мехом внутрь. Но достаточно чуть-чуть поскрести – и вы увидите, как шерсть вылезает наружу и топорщится».

Вскоре на эту статью пришел отклик от обиженной читательницы, который «Наша газета» тоже напечатала: «Зачем авторам нужно было подобрать [цитаты.— Авт.] из сочинений Кюстина, ненавистника, хулителя России и ее народов, цитаты, унижающие, оскорбляющие весь русский народ?».

Видимо представители этнических меньшинств писем в газеты не пишут, думается, что если бы писали, то примерно такие же. А может быть, их просто не печатают?..

Галина Ковальская

Язык Вражды в Рязани

Отчет по материалам командировки в город Рязань
2–5 июня 2002 г.

1. Введение. Характеристика медийного пространства

В Рязанской области выходит более 30 газет, работают два региональных телеканала: АТВ «Ока» и «Рязанский край». Оба канала занимаются преимущественно подготовкой краевых новостей. «Ока» вещает на ГТРК и финансируется по той же схеме, что и все региональные части ГТРК. «Рязанский край» создан и контролируется непосредственно администрацией области. Оба канала имеют явную «прогубернаторскую» направленность, при этом «Рязанский край» очевидно более профессионален, и, по крайней мере в городе Рязани, насколько можно судить по случайным разговорам, пользуется большей популярностью (трехдневный срок командировки не позволил составить представление о медийных предпочтениях жителей области за пределами областного центра). Впрочем, еще больше интереса горожане проявляют к центральным телеканалам. Что касается газет, то жители города Рязани обычно называют в числе «тех, которые люди читают», «Рязанские ведомости», «Мещёрскую сторону», ««Комсомольскую правду» в Рязани» и «МК в Рязани», ««Новую газету» в Рязани», «Вечернюю Рязань».

«Рязанские ведомости» – ежедневная газета областной администрации. Скучнейший официоз, пишется и издается так, словно на дворе – махровый застой. Цитата наугад из статьи про библиотеки: «Не зря, наверное, библиотеки называют не иначе как образовательными и культурными центрами» – вся газета в таком стиле. Полностью отсутствуют какие-либо критические материалы в адрес кого или чего-либо. Тираж 7,5 тыс. Пятничный выпуск дополняется телепрограммой и развлекательными страницами (о моде, о садово-огородных делах и проч.), и тираж резко возрастает: до 16,5 тыс.

«Мещёрская сторона» – наиболее популярный еженедельник с огромным по рязанским меркам тиражом – 48,9 тыс. Издается издательским домом «Провинция». Газета практически без политики – типичный таблоид.

«Комсомолка» (тираж 5 тыс.) уделяет местным проблемам немного места – по полосе раз в неделю, причем эта полоса заполнена мелкими сообщениями о событиях в области за неделю, без комментариев или анализа.

«Новая газета» появилась в регионе менее года назад и быстро раскручивается – ее тираж уже чуть превышает тираж «Комсомолки». Из 24 полос 7–8 посвящены региональным сюжетам: очерки, информация, анализ даны с либеральных позиций. Газета настроена по отношению к региональным властям умеренно-критически.

Ни в одной из названных газет региональные полосы не несут на себе отпечатка *Языка Вражды*, если не считать характерных практически для всех российских СМИ обмолвок, когда в статьях на криминальные темы нерусские преступники называются по национальности: «азербайджанцы» или даже «кавказцы».

Газета «Вечерняя Рязань» – частная. В выходных данных значится учредитель ООО «Совместное действие», фактическим издателем и хозяином газеты является местный бизнесмен с политическими амбициями Валерий Рюмин. Тираж 8 тыс. Газета преимущественно политическая, центральная тематика – русские как народ и их место под солнцем. Последовательно оппозиционна по отношению к областной власти. К городской администрации настроена дружелюбно, но печатает порой и критические материалы, особенно про городской совет и отдельных депутатов. Единственная из перечисленных массовых рязанских газет печатает порой материалы откровенно националистического, антисемитского характера.

2. Язык Вражды в газете «Вечерняя Рязань»

Газета не грешит кавказофобией – наиболее характерным для современных российских СМИ проявлением национализма. Даже характерные для почти всех, особенно региональных, газет обмолвок в духе «двое чеченцев ограбили прохожего» здесь меньше, чем, скажем, в московском «МК». В статьях, посвященных прославлению российской армии, русского оружия, нет оскорбительных или враждебных характеристик чеченцев, а также других народов. Правда, на последней по-

лосе газета систематически в каждом номере печатает анекдоты, в том числе и «этнические» – про чукчей, американцев, евреев и проч. Здесь же анекдоты про русских. Эти анекдоты невысокого пошиба, как правило, тиражируют этнические стереотипы. Вместе с тем, выявить какую-то доминирующую ксенофобскую тенденцию в публикации этих анекдотов не удастся: русские выглядят то такими же простачками, как чукчи, то такими же ушлыми хитрецами, как евреи. Наряду с антисемитскими печатаются и «анти-антисемитские» анекдоты, те же чукчи порой выглядят в анекдотах удалцами-молодцами и проч.

В то же время в отдельных материалах газеты угадывается антисемитская тенденция. К примеру, в одном из ноябрьских номеров за 2001 г. тиражируется расхожая в мусульманском мире фантазия, что якобы евреи, работавшие во Всемирном Торговом Центре, 11 сентября все как один не вышли на работу. В номере от 24 апреля 2002 г. один из читателей «ВР» пишет в газету как очевидное, что именно Израиль больше всех выиграл от теракта 11 сентября. Тот же читатель высказывает бурное возмущение израильской стороной в ближневосточном конфликте, а также называет «вымыслом» общеизвестные факты уничтожения евреев во время Холокоста.

Последнее высказывание читателя целиком совпадает с мнением издателя газеты, чье пространное интервью «по еврейскому вопросу» опубликовано в том же номере. На прямой вопрос, антисемит ли он, Валерий Рюмин отвечает, что никак не может быть антисемитом, поскольку как православный человек не делит людей по национальностям. Однако далее, не смущаясь своей «православностью», несколько упрощенно излагает теорию этносов Гумилева и, в частности, характеризует евреев как «плавающий суперэтнос». Рюмин говорит, среди прочего, что цифры погибших во время Холокоста измышлены и навязаны мировому сообществу самим евреями – на самом деле, как он утверждает, погибло не 6 млн, а 600 тыс. – и добавляет: «Это огромная цифра». Рюмин с большим пиететом отзывается о гитлеровской книге «Майн кампф» и негодует по поводу требований запретить ее и изъять из продажи. «В книге даются рекомендации, как поступать в той или иной ситуации государству или как защитить себя государству в многополярном мире, как отстоять нацию». «Наезды» же на «Майн кампф», по Рюмину, спровоцированы евреями. В ответ на вопрос, почему Гитлер ненавидел евреев, Рюмин воспроизводит расхожие в антисемитской среде мифы: что «евреев за последнюю тысячу лет изгоняли из разных стран 42 раза», что изгнание евреев из Германии

началось до Гитлера, и что большинство европейских стран запретило немецким евреям селиться у себя (об этом будто бы не любят вспоминать европейцы, да и евреи предпочитают об этом умалчивать). Рюмин не озвучивает вывод, что все изгнания происходили из-за порочности самих евреев, он просто рассказывает об их «суперэтнических» свойствах (кстати, русских он вслед за Гумилевым тоже именуется «суперэтносом»): евреи всюду, где селятся, стремятся к первенству и выталкивают коренной народ с лидирующих позиций. Причем, по Рюмину, каждый конкретный еврей делает это чуть ли не против воли – просто так силен голос крови. Согласно Рюмину, «когда в государстве мало евреев, они очень полезны для развития его культуры, образования, здравоохранения, но когда евреев в нем становится больше – появляется опасность для государства». О том, много ли евреев в современной России и существует ли от них «опасность для государства», интервьюер не спрашивает и интервьюируемый не говорит. Однако в финале интервью звучит мысль, что «олигархические круги, на 90% состоящие из лиц еврейской национальности, хотят услышать от президента гарантии их прав на богатства России».

Номер от 29 мая содержит весьма благожелательное сообщение об учредительном съезде рязанского отделения Национально-демократической партии России. Большую часть сообщения занимает интервью с одним из лидеров этой крайне националистической, фашистского толка партии. Александр Севостьянов (лидер НДПР) утверждает на страницах газеты, что растущая популярность лозунга «Россия для русских» – свидетельство того, что «эта тенденция неодолима». Провозглашаемая им цель партии – «вернуть власть русским», Никаких прямо агрессивных выпадов в адрес евреев или других народов в материале не содержится.

В номере от 5 июня опубликован пространный отзыв на новую книгу Владимира Карпова «Генералиссимус». В тексте отзыва особый упор делается на тему: «евреи и Сталин». Утверждается, что Сталин не был антисемитом. Правда, тезис доказывается довольно странно: вначале приводится некий доклад Берии 40-го года, в котором Берия сообщает Сталину о числе расстрелянных. Вывод газеты: «Итак, официально было расстреляно только до 40 года 3 392 985 человек, из них 3 млн лиц еврейской национальности. Но их расстреливали только за то, что они активно выступали против линии партии, советского правительства. Они провели коллективизацию, они расстреляли царя, они уничтожили православную веру и церковь, и все это автор книги, стараясь

быть максимально объективным, излагает в своем произведении»... Получается, что евреев расстреляли не за то, что они евреи (Сталин не был антисемитом!), а за то, что они, вопреки линии партии, расстреляли царя и провели коллективизацию, не говоря уже о вере и церкви. Думается, здесь не просто журналистское косноязычие, а просто сам автор текста (не Карпов, а газетчик), не знает, что именно он хочет сказать. Он запутался: с одной стороны, слово «антисемит» имеет отрицательную коннотацию, а Сталин – хороший, и нельзя про хорошего Сталина писать, что он был антисемитом. С другой – евреи были плохими, и, стало быть, то, что он расстрелял евреев говорит о нем скорее хорошо. Автор запутался в этих двух постулатах – в итоге получилась цитированная выше нелепица. В той же статье – список главкомов 20-х гг. указанием их национальности – «ни одного русского, восемь латышей, один немец, остальные сорок с лишним – евреи». Доказательства будто бы того, что еврей-Троцкий «укомплектовал наркомат по национальному признаку».

3. Идеологическая основа антисемитизма в газете «Вечерняя Рязань»

Несмотря на вышеперечисленные публикации, газету трудно, на мой взгляд, характеризовать как «антисемитскую». Публикации на еврейские темы появляются в ней достаточно редко. К тому же наряду с подобными опусами проскальзывают порой откровенно дружественные высказывания типа «в стране работают только евреи, турки да китайцы» и т.п. Неприязнь к евреям, высказываемая в некоторых статьях, прекрасно увязывается с общим православно-консервативно-охранительным тоном газеты, ее общей антизападной и антилиберальной направленностью. Современный российский антисемитизм, как правило, увязан именно с антизападной, антилиберальной идеологией: евреи воспринимаются как носители модернизаторского западнического духа. Подобная направленность газеты не вызывает сомнений. В каждом номере есть рубрика «Правый путь», в рамках которой печатаются различные тексты с размышлениями о судьбе русских как народа. Больше всего места здесь занимают публикации выдержек из работ русского философа Ивана Ильина. Основной пафос рубрики – возможности сопротивления чуждым веяниям, сохранение русской «самости». Во всех исторических публикациях – а их на страницах газеты очень много – предпочтение отдается правоконсервативным и даже

реакционным фигурам (один из современных авторов, публикующихся в «Правом пути», прямо называет себя «русским реакционером»). К примеру, в номере от 13 марта большая статья посвящена Победоносцеву. «Его жизнь не была богата событиями. Он сам был событием в жизни России». И далее: «Сегодня дело Победоносцева живет. Оно живет, когда в Божий храм приходят дети, когда взрослый впервые берет в руки книгу Закона Божия»... и проч. В номере от 15 мая – статья «9 мая день рождения императора Николая 2-го»: «Самодержавие никогда не было для русских царей средством удержания единоличной власти, поскольку власть эту они получали от Бога. Самодержавие было сущностным выражением устройства огромной империи». В том же номере под рубрикой «Правый путь» помещена статья, где, в частности, автор (некто Александр Елисеев) приветствует роль России как «жандарма Европы»: «Жандарм Европы... А что, неплохо звучит... И я не понимаю тех «патриотов», которые бросаются очищать имя России от «грязных русофобских оскорблений».

Газета ведет яростную кампанию против книг про Гарри Поттера: перепечатывает длинные статьи некоей греческой журналистки под рубрикой «Это опасно для ваших детей!» Опасность, с точки зрения автора и газеты, заключается в увлечении детей магией (магия воспринимается не как игра, а как некая серьезная разрушительная сила). В номере от 8 мая цикл статей про эпопею о Гарри Поттере сопровождается редакционным текстом «Новая напасть»: дескать, не успели пресечь вредоносные западные веяния вроде программы «Планирования семьи», не успели избавиться от вредоносных мультфильмов, как навалилась новая напасть – ГарриПоттеромания. Примеры, иллюстрирующие общий консервативный (если не мракобесный) настрой газеты, можно множить без конца.

4. Обстоятельства бытования газеты

«Вечерняя Рязань» – первая «перестроечная» газета в области. Возникла она как газета «прогрессивного» горсовета в 1991 г. Затем акции газеты выкупила группа частных лиц – депутатов горсовета, включая тогдашнего его главу Валерия Рюмина. В конце 90-х Рюмин выкупил пакеты акций и стал фактически единственным хозяином. В начале 90-х газета достигла рекордного тиража – 40 тыс. экземпляров, с тех пор тираж неуклонно снижается. Газета, по свидетельству местных правозащитников, едва ли не единственная в области, абсолютно нечувстви-

тельная к «сигналам» из областной администрации – независимая ни от кого, кроме своего учредителя. Два с небольшим года назад в газете сменился главный редактор – Рюмин отстранил прежнего, «старого демократа». Впрочем, как утверждают местные наблюдатели, православно-реакционный уклон газеты обозначился еще при прежнем редакторе. Нынешний редактор Николай Локшин, судя по всему – еврей. По крайней мере, так утверждает лидер местной еврейской общины Леонид Резников. Сам Локшин на прямой вопрос не ответил (переспросил: «А с чего вы взяли, что у меня еврейская фамилия?») и рьяно доказывал, что газета совсем не антисемитская: «Ну, если мы печатаем списки большевистских руководителей и если они все евреи – это же просто историческая публикация!» И еще: «Мы всем помогаем! Мы и русским, и евреям – всех национальностей людям помогаем! У меня и работают евреи (это неправда, кроме самого Локшина, как говорит Резников, среди журналистов нет евреев. – Г.К.)».

Локшин говорил, что наветы про будто бы антисемитский характер газеты идут из областной администрации, которая не может простить газете ее независимую позицию. Следует признать, что именно в «Вечерней Рязани» печатаются наиболее критические по отношению к областному руководству тексты и наиболее смелые расследования прокурорского и милицейского произвола. Вместе с тем, нет сомнений, что именно позиция учредителя (высказанная, в частности, в интервью газете, а также широко известная в Рязани) предопределила позицию газеты. Нет также сомнений, что, несмотря на национальную принадлежность Локшина, она ему никоим образом не претит – практически все сомнительные тексты сделаны именно самим главным редактором – без подписи или под псевдонимом Н. Семенов (отчество Локшина «Семенович»). Резников рассказал, что Локшин еще в бытность его преподавателем истории в средней школе увлекался русской спецификой и дистанцировался от евреев. Резников и местные правозащитники говорят, что многие журналисты были вынуждены покинуть газету из-за того, что линия, которую стал проводить Рюмин, сделавшись единоличным хозяином газеты, их не устраивала: газета перестала печатать ранее ценимые материалы про проституток, про молодежные тусовки и проч., а вкуса к «исконно-посконной» тематике у большинства рязанских журналистов, кроме самого Локшина, нет. Впрочем, как уже говорилось выше, никто из штатных журналистов, кроме него, на эти темы и не пишет – в «Правом пути» печатают только внештатных авторов. Большинство покинувших «Вечернюю Рязань»

работает теперь в «Новой газете». Передают также жалобы оставшихся сотрудников: корректоров, верстальщиков – на то, что уровень и характер газеты их не устраивает. Со мной, впрочем, корректор общаться не пожелала.

Локшин в разговоре со мной делился планами: «Православную и национальную проблематику выделить в отдельное приложение – все же это на специального читателя, хотя и эта проблематика находит спрос». Нет сомнения, что эта проблематика находит спрос, но рискну предположить, что в Рязани потребители подобной продукции (не лозунговой, не агиток, а рассуждений порой довольно заумных, в духе Гумилева) найдутся десятки, максимум пару сотен человек, но никак не 8 тысяч. Вообще-то в городе поговаривают, что истинный тираж «Вечерней Рязани» чуть ли не вдвое меньше обозначенного.

5. Выводы

I. Газета не представляет особой опасности как антисемитский орган – подобные публикации все же редки и вряд ли бывают внимательно прочитаны сколько-нибудь значительным числом читателей. Однако именно благодаря своей общей консервативно-мракобесной направленности газета вносит свою лепту в пропаганду неприязни к Западу и его ценностям, к «демократам» и либералам, к новым технологиям, безопасному сексу, современной литературе и искусству и проч.

II. Круг читателей газеты определяется прежде всего не столько ее консервативной, сколько оппозиционной по отношению к областной власти позицией и смелым разоблачительным материалам в адрес местной милиции и прокуратуры. В этой нише с ней конкурирует лишь недавно возникшая «Новая газета». Никакие попытки «закрывать», «запретить» «Вечернюю Рязань» не будут эффективны в плане борьбы с *Языком Вражды* – все «наезды» на нее со стороны местной власти (судебные процессы, связанные именно с «милицейскими материалами») лишь повышают рейтинг газеты. А вот по мере раскрутки «Новой газеты» круг читателей «Вечерки» будет сокращаться: «Новая» – гораздо более качественный продукт.

Вячеслав Лихачев

Язык Вражды в оппозиционных политических периодических изданиях

Предварительные замечания

Предмет этой статьи – *Язык Вражды* в политических изданиях коммуно-патриотической и националистической направленности. Именно эта часть прессы (и средств массовой информации вообще) наиболее подвержена ксенофобии и наиболее откровенно эксплуатирует *Язык Вражды*. В данной статье будут рассмотрены в основном национал-патриотические издания, а также некоторые коммунистические. Мы сочли возможным исследовать газеты этих идейных направлений вместе, потому как с точки зрения позитивно и негативно окрашенных эмоциональных материалов и коммуно-патриотическая, и откровенно националистическая печать во многом демонстрируют типологически схожие признаки. Важную роль в общем информационном массиве этого направления играют ксенофобски окрашенные материалы, использующие *Язык Вражды*. Тому есть вполне рациональное объяснение. Дело в том, что поле положительной самоидентификации, которое могло бы быть привлекательно или хотя бы приемлемо для всех идеологических течений национальной и коммуно-патриотической оппозиции, крайне невелико. Различные течения внутри радикальной оппозиции расходятся по важнейшим политическим и культурным вопросам. Объединяет их только ностальгия по «великому прошлому» (воспринимаемому либо в интерпретации «Великой Империи», либо – «социально справедливого и счастливого государства»), либо и так, и так) и неприятие «позорного настоящего». Естественно поэтому, что большинство материалов, несущих положительный эмоциональный заряд, имеет исторический характер. При описании же современной ситуации обычным является резко негативный тон. Коммунисты (и в еще большей степени националисты), склонны формировать свою пропаганду «от противного»: не «за что-то», а «против чего-то» или же «кого-то». Известно, что в

целях консолидации народа и мобилизации сторонников проще и эффективнее апеллировать не к общим ценностям, а к необходимости противостоять общим врагам. Эти враги могут интерпретироваться и как безличные силы, и как определенные (называемые прямо или обозначаемые весьма условно) люди и группы.

Политическая мифология, как и религиозная демонология, требует персонификации. По замечательному образному выражению израильского исследователя ксенофобии Иегуды Бауэра, «человеку, оказавшемуся в аду, свойственно оглядываться в поисках чертей». Российский обыватель, ориентирующийся на коммунистическую и/или националистическую картину мира, склонен воспринимать современную Россию как ад, тем более что для такой оценки есть не только субъективные причины ментально-психологического характера, но и вполне объективные показатели социально-экономической ситуации. Националистические и коммунистические издания с большим удовольствием демонстрируют измученному реалиями своей жизни обывателю «чертей». А поскольку ксенофобия в российском сознании вообще довольно сильна, то естественно, что оппозиционные издания готовы видеть «врагов» не только (и даже не столько) в политических противниках или в руководителях страны, но и в этнических, религиозных и культурных образах «Другого». Даже тогда, когда речь идет о политических оппонентах или властной элите, оппозиционным публицистам сложно удержаться от соблазна сделать акцент на реальном или мнимом этническом происхождении противников.

Кроме общего сходства структуры печатной пропаганды, есть и еще одна причина, по которой, на наш взгляд, можно рассматривать коммунистическую и националистическую периодику как единое, хотя и очень широкое и разнообразное, информационное поле. Вполне очевидно, что позиции классических коммунистов-интернационалистов в современной России крайне слабы. Большинство группировок, называющих себя «коммунистическими», и изданий, на них ориентированных, в большей или меньшей степени склонно к эксплуатации национально-патриотической риторики и апеллирует либо к традициям сталинского имперского национал-большевизма, либо к «советскому патриотизму» 70–80-х годов прошлого столетия. В акцентировании патриотической темы большинство современных российских коммунистов (вернее, коммуно-патриотов) вполне сходится с националистами. Очевидно при этом, что если с точки зрения позитивной платформы точек пересечения меньше (далеко не все националисты склонны

позитивно оценивать советский период отечественной истории и власть Коммунистической партии Советского Союза), то с точки зрения эксплуатации негативных образов общих тем больше. Это антизападничество и американофобия, неприятие национальных государств, возникших на территории бывшего Советского Союза, и любых национальных движений этнических меньшинств в Российской Федерации, подозрительное и нетерпимое отношение к новым религиозным движениям и западным формам христианства, наконец, антисемитизм (пусть и в его советской версии «антисионизма»).

Все это, на наш взгляд, позволяет говорить о коммуно-патриотической печати как о едином информационном поле и рассматривать ее на предмет интересующих нас проявлений *Языка Вражды* в целом.

В этом обзоре мы рассматриваем только те проявления нетерпимости, которые могут быть вполне корректно определены как ксенофобские, т.е. как проявления нетерпимости к представителям других этнических групп, религиозных конфессий, гражданам других стран и т.п. Социальная нетерпимость, ненависть и презрение по отношению к лицам каких-либо профессий или проявления сексизма остались за пределами этой статьи.

Чаще всего на страницах оппозиционной политической прессы встречаются выражения антиамериканских и в целом антизападных, антикавказских и антисемитских чувств. Немного реже встречаются публикации, направленные против различных религиозных конфессий (в первую очередь – против католиков и представителей новых религиозных движений) и расово-этнических групп (цыган, выходцев из стран Средней и Юго-Восточной Азии).

Характер обвинений в адрес объектов *Языка Вражды* может быть самый разный. Чаще всего объекты ненависти обвиняются в криминальности, злокозненности по отношению к русским и России, моральной и культурной неполноценности. Характерной особенностью таких публикаций является уверенность автора в том, что это «они» (кавказцы, американцы, евреи, мусульмане...) ненавидят «нас» (русских, православных...) и ведут себя по отношению к «нам» агрессивно (на самом деле даже стандартный для отечественных СМИ акцент на национальности преступников в коротких информационных сообщениях криминальной хроники уже есть эксплуатация этого мотива в мягкой форме). «Мы» же настолько добры и порядочны, что не можем сделать «им» ничего плохого. В дальнейшем развитии этой стандартной ксенофобской логики авторы расходятся в зависимости от соб-

ственной радикальности. Большинство только «констатирует факты» и в крайнем случае риторически вопрошает «доколе?». В наиболее радикальных изданиях порой дело доходит до прямых призывов к насильственным действиям по отношению к объектам *Языка Вражды*, однако это скорее исключение, чем правило. Гораздо чаще встречается скрытая агрессивность – перечисление реальных и мнимых преступлений и пороков той или иной группы вкупе с оправданием уже случившегося по отношению к объектам *Язык Вражды* насилия или же произошедшего когда-то геноцида.

Наш анализ будет построен от «центра» к «периферии», от наиболее распространенных изданий, являющихся частью информационного «мейнстрима» российского рынка СМИ, до самых малотиражных и непериодических маргинальных листовок. Таким образом, мы проследим определенную «динамику *Языка Вражды*» внутри той части информационного поля, которой посвящен данный обзор.

Спектр ненависти: от умеренности...

При анализе коммунистических и национал-патриотических газет следует помнить, что эти издания отнюдь не являются основным источником информации для населения страны. Оппозиция проиграла борьбу за печатные средства массовой информации (не говоря уж об электронных). Конечно, такие газеты, как «Советская Россия» или «Завтра» имеют тиражи немногим меньшие, чем у основных всероссийских изданий центристской и либеральной ориентации. Однако по целому ряду показателей – объему, периодичности, информативности, оперативности, аналитичности, наконец, оформлению – разрыв между оппозиционными и «обычными» газетами более заметен. А влияние СМИ на массовое сознание и общественные настроения обуславливается не только тиражом, но и перечисленными факторами.

Кроме того, из интересующих нас газет только вышеупомянутые «Советская Россия» и «Завтра» могут считаться расположенными довольно близко к границе магистральной линии отечественной прессы. Прочие же рассматриваемые ниже издания совсем маргинальны. Большинство этих газет вообще неизвестно широкой читающей публике. Стоит также отметить, что как в своей политической линии в целом, так и при использовании *Языка Вражды*, наиболее популярные и наиболее многотиражные издания интересующей нас части рынка СМИ являются наименее радикальными, и наоборот. Собственно радикально-

националистические, откровенно ксенофобские и шовинистические издания имеют довольно незначительную постоянную аудиторию.

Наиболее многотиражное из интересующих нас изданий – газета «Советская Россия» (главный редактор – Виктор Чикин, тираж – 300 тыс. экземпляров, выходит несколько раз в неделю). Хотя формально «Советская Россия», как гласит ее подзаголовок – «независимая народная газета», учрежденная редакционным коллективом, фактически она является изданием Коммунистической партии Российской Федерации (другое издание КПРФ, газету «Правда», мы не рассматриваем в нашем обзоре, потому что она целиком сосредоточена на социально-политической и внутривнутрипартийной проблематике и в силу весьма сдержанного обычно тона публикаций не представляет для нас интереса в рамках заявленной темы).

Официально «Советская Россия» позиционирует свое мировоззрение (и идеологию КПРФ) как последовательно терпимое и интернационалистское. Более того, постоянно подчеркивается, что именно «правлящий режим» и подконтрольные ему СМИ стараются разжечь национальную нетерпимость между различными народами России для того, чтобы отвлечь широкие народные массы от подлинной причины их бедственного существования – преступного характера политико-экономической элиты, беззастенчиво ограбившей население. Ведущие публицисты издания неоднократно призывали со страниц газеты «не поддаваться на провокации». 20 апреля 2002 г., когда центральные СМИ активно (если не истерично) эксплуатировали тему уличного подросткового расизма и экстремизма и пугали обывателей готовящимися по всей стране погромами, председатель КПРФ Геннадий Зюганов выступил на страницах «Советской России» с характерной статьей «Об истинных корнях радикализма». В статье говорилось: «Мы не можем игнорировать обострение межнациональных отношений в стране. Но причины этому надо искать не в неких неонацистских настроениях. Их нужно искать прежде всего в развале СССР, в политике правящей группировки России, ведущей к массовой безработице и нищете, ломке привычных укладов жизни. Безработица, безысходность и отчаяние неизбежно толкают молодежь к пьянству и наркотикам, к преступлениям».

Казалось бы, позиция газеты в освещении национальной тематики довольно взвешена и сдержана, а национальная проблематика в ортодоксально-марксистском ключе мыслится только через призму социально-экономических процессов. Однако при более вниматель-

ном рассмотрении становится очевидно, что советско-русский патриотизм этого направления немислим без мифологизированной фигуры «врага», ответственного за крушение великой державы и за нынешнюю плачевную ситуацию в стране. Современная российская экономическая элита, с точки зрения коммунистической методологии, носит компрадорский характер. Следовательно, есть и зарубежные «эксплуататоры», и вступившие с ними в сговор предатели, ради личного обогащения пошедшие на уничтожение собственной Родины. Зарубежные (заокеанские) хозяева российской компрадорской буржуазии – это, конечно же, американцы. Газете явно не удастся удержаться на грани корректности, критикуя «капиталистов» и «эксплуататоров». Социальная ненависть переходит в национальную: газета рисует утрированный образ американцев: жадных, коварных и агрессивных, с одной стороны, и глупых, трусливых и неспособных к честному образу жизни – с другой. «Американец» со страниц «Советской России» весьма напоминает образ немца в советской пропаганде времен Великой Отечественной войны. Более того, иногда – особенно в карикатурах – встречается прямая аллюзия, наделение карикатурного «американца» чертами «фашиста».

Антиамериканские публикации занимают первое по объему место среди материалов, использующих *Язык Вражды*. Значительно меньше и осторожнее «Советская Россия» использует антисемитизм. Негативный образ еврея формируется в двух плоскостях: в антиизраильской пропаганде и в провозглашении идеи о весьма негативной роли евреев в российской истории (по большей части – в постсоветский ее период). С антисемитской темой все вполне ясно – она является наследием позднесоветской пропаганды, и вполне логично, что она эксплуатируется в коммунистическом издании. Может быть, статьи, бичующие «сионистских оккупантов» и разоблачающие их зверства на оккупированных территориях, и не используют *Язык Вражды* в строгом понимании этого термина, однако вполне очевидно, что подобные статьи своей весьма несдержанной и некорректной риторикой формируют у читателей негативный эмоциональный настрой по отношению к евреям вообще.

Собственно же антисемитские материалы появляются в «Советской России» гораздо реже. Характерно, что эту тему вполне могут поднимать не редакционные материалы, а письма, стихи и карикатуры, обильно присылаемые в газету читателями. «Еврейский вопрос» часто затрагивается вскользь – например, в письме читателя может

утверждаться, что «сионисты» хотят лишить русский народ идентичности, поэтому отменили графу «национальность» в паспорте, и т.п. Значительно реже еврейской тематике могут быть посвящены крупные редакционные материалы. Например, в газете было опубликовано обсуждение публицистами и критиками книги Александра Солженицына «Двести лет вместе», в ходе которого участники, постоянно напоминаящие о недопустимости предвзятости, предрассудков и излишней эмоциональности, дошли до утверждения о том, что в начале XX века евреи организовывали антирусские погромы и т.п. Но, повторюсь, такие материалы носят единичный характер.

Кавказофобия практически несвойственна этому изданию. При описании хроники происшествий «Советская Россия» даже в меньшей степени, чем некоторые газеты центристско-либеральной ориентации («Московский комсомолец», «Коммерсантъ»), склонна делать акцент на национальности преступников (для многих изданий именно эта тема является наиболее благодатной для выражения ксенофобии вообще и кавказофобии в частности). Единственная тема, при изложении которой антикавказские высказывания могут проскочить – это антитеррористическая кампания в Чечне. И то в концептуальных материалах большого объема по этой теме обязательно будет сказано о «турецких и американских» спонсорах и руководителях «чеченских бандитов».

Наконец, иногда в газете встречаются публикации, формирующие негативный образ отдельных религиозных групп. Поскольку обновленная российская коммунистическая идеология включает в себя, пусть и на символическом уровне, элементы православия (идеалы «соборности», уважение к «тысячелетней традиции православной духовности» и т.п.), то вполне естественно, что в газете могут появляться материалы, резко критикующие деятельность Ватикана или греко-католических церквей на Украине.

Все вышеизложенное, за исключением религиозного элемента, можно сказать и о более радикальном (и гораздо менее популярном) коммунистическом издании – газете «Молния» (главный редактор – Виктор Анпилов, тираж – 15 тыс. экземпляров, выходит один раз в месяц), печатном органе сталинистского движения «Трудовая Россия». Используя *Язык Вражды*, «Молния» в основном эксплуатирует те же главные мотивы, что и «Советская Россия», хотя позволяет себе менее сдержанный тон. Правда, «Молнии» совсем не свойственна кавказофобия (Анпилов даже призывал когда-то к солидарности с чеченскими повстанцами против антинародного режима, засевшего в

Кремле»), зато в издании несколько большую роль играет антисемитизм. Издание «Трудовой России» охотно эксплуатирует темы еврейского происхождения российских «олигархов», «сионского тель-авивения», а раньше даже именовало тогдашнего президента страны «Борухом Эльциным».

Пожалуй, этими изданиями можно и ограничиться в обзоре собственно коммунистической печати. Многочисленные малотиражные радикально-коммунистические газеты и листки либо ориентируются на «Советскую Россию» (как большинство региональных коммунистических изданий), либо же пытаются выдержать последовательно интернационалистскую линию и потому не представляют здесь для нас интереса.

На стыке собственно коммунистической и националистической прессы находится газета «Завтра», наиболее популярное и влиятельное из всех радикальных изданий (главный редактор – писатель Александр Проханов, тираж – 100 тыс. экземпляров еженедельно). «Завтра» удерживает самую разнообразную аудиторию – ее читают и коммунисты, и националисты, принадлежащие к различным идеологическим течениям. Составить из статей, публикуемых в газете, цельную идеологию невозможно – она эклектична по определению. С одной стороны, это позволяет поддерживать широкий читательский интерес, но с другой – делает газету неспособной реально влиять, скажем, на ход выборов (потому что всегда присутствует неоднозначность при освещении различных кандидатур) и заставляет ее метаться от восторженной поддержки до несдержанной критики тех или иных политических фигур. «Завтра» создает общий эмоциональный фон, а не цельную и непротиворечивую идеологию. Но для формирования у читателя негативного образа какой-либо общности как раз эффективнее эмоциональные высказывания, активно использующие *Язык Вражды*, а не сложные концептуальные построения. С этой задачей «Завтра» справляется блестяще. Практически каждая передовица А. Проханова несет в себе сильнейший негативный эмоциональный заряд, чаще всего включающий в себя наряду с социальной нетерпимостью и откровенную ксенофобию. Если в «Советской России» материалы, эксплуатирующие *Язык Вражды*, нужно искать, то в газете «Завтра» подобные материалы встречаются в каждом номере, и не в единственном числе.

То же относится ко второму по популярности левонационалистическому изданию – газете «Дуэль» (главный редактор – Юрий Мухин, тираж – 12 тыс. экземпляров еженедельно). «Дуэль» держится в более

узкой нише «левого национализма» и не имеет авторитета среди правых националистов. Однако по сравнению с «Советской Россией» и другими коммунистическими изданиями «Дуэль» гораздо менее сдержана в выражениях эмоций как по отношению к личностям, так и по отношению к группам. В несдержанности *Языка Вражды* «Дуэль» даже радикальнее, чем «Завтра».

Надо, однако, отметить еще раз, что в силу прокоммунистической специфики этих изданий «враг» в первую очередь мыслится авторами этих изданий в социальных терминах, а потом уже – в национальных. Для «Дуэли» большую роль играет антисемитизм – различные рассказы о том, как евреи разрушили СССР, как они зверствуют на Ближнем Востоке или как они сначала вскормили Гитлера, нагнали его на СССР, а потом придумали Холокост для дискредитации идей национализма, привития всему миру чувства вины и для развязывания себе рук в Палестине. «Дуэль» – основное в России издание, проповедующее мифологию отрицания Холокоста. Для «Завтра» еврейский вопрос менее актуален, хотя тоже постоянно всплывает на страницах газеты. Преломление еврейского вопроса в «Завтра» – либо социальное, либо религиозное (конспирологическое в меньшей степени). Характерны в этом плане две статьи, опубликованные в одном из номеров газеты (№ 30 (453), июль 2002). А. Проханов в передовице выпуска «Поищем Гимmlера в рядах СПС» пишет: «Русского крупного капитала, да и мелкого, вовсе не существует. Русский сегодня — без денег, голодранец... В сегодняшней России крупный капитал — еврейский, причем неправомерно нажитый. И у этого капитала есть огромный соблазн установить диктатуру, дабы потеснить капитал мусульманский, но главное — подавить нарастающий протест обобранного коренного народа». А на соседней полосе Михаил Назаров в статье «Фашизм от «Шулхан Арух»» рассуждает на тему «человеконенавистничества» еврейской религии, ее циничности, жестокости, подлости, аморальности и т.п.

Важной особенностью антисемитизма в подобных изданиях является его «идеологическая обусловленность». Различные версии коммуно-патриотической и откровенно националистической идеологии подразумевают рассмотрение еврейского вопроса в разных плоскостях. Несколько утрируя, можно сказать, что националисты, как правило, сходятся в том, что не любят евреев, но не сходятся в том, за что именно. А раз применительно к антисемитизму этот вопрос является принципиальным, поскольку свидетельствует о серьезных различиях в разных версиях националистической идеологии, то «еврейский воп-

рос» не может служить хорошей платформой для консолидации (в отличие от антиамериканизма, например). Поэтому «Завтра», претендующее на роль общей трибуны для всей радикальной оппозиции, старается освещать еврейскую тематику по возможности аккуратнее.

Конечно же, важную роль для «Завтра» играет американофобия (для «Дуэли» – чуть меньшую). Кроме того, «Завтра» активно эксплуатирует темы кавказской преступности, угрозы стратегической безопасности России со стороны китайцев и «русофобии» в бывших советских республиках, а «Дуэли» в силу атеистической позиции редакции свойственна также агрессивная антирелигиозная пропаганда, выбирающая в качестве объектов *Языка Вражды* как православие, так и другие христианские и нехристианские конфессии (часто критике подвергается иудаизм). Поскольку «Дуэль» позиционирует себя как «газета борьбы общественных идей» «для тех, кто любит думать», то на полосах издания часто помещаются рядом статьи, написанные с диаметрально противоположных позиций. Полемика может тянуться из номера в номер довольно долго. Характерны темы таких диспутов: плоха ли любая религия или только некоторые, нужно ли дружить с Израилем против мусульманской угрозы или же это Израиль и стоящие за его спиной Соединенные Штаты представляют собой угрозу для всех традиционных цивилизаций Евразии, и т.п.

Относительно прочих стандартных объектов *Языка Вражды* можно отметить, что газете «Завтра» не свойственна исламофобия. Наоборот – газета предоставляет трибуну для пропаганды своих идей мусульманам, причем часто – представителям радикального политизированного ислама (например, Гейдару Джемалю). Интересно, что газета не ищет общих ценностей русского социально-патриотического движения и исламизма, а предлагает им дружить против общих врагов – Америки и Запада, Израиля и мировой сионистской плутократии, антинародного правительства в России и представителей отечественных либеральных («антитрадиционных») сил.

... до экстремизма

Продолжая анализ оппозиционной прессы «из центра к периферии», отметим, что после коммуно-патриотических изданий, которые составляют все же заметную часть периодической печатной продукции, мы подошли к собственно националистическим изданиям, каковые уже бесспорно являются маргинальными в полном смысле этого

слова. Пожалуй, в этой области есть только небольшая ниша для православно-патриотической прессы, претендующей (правда, скорее безосновательно) на сколько-нибудь значимое место в информационном пространстве.

Ведущую роль в православно-патриотической публицистике играют газеты «Русь Православная» (Санкт-Петербург, главный редактор – Константин Душенов, тираж – 30 тыс. экземпляров, периодичность – 1 раз в месяц), «Русский вестник» (главный редактор – Александр Сенин, тираж – 45 тыс., периодичность – 1–2 раза в месяц), ежемесячное православное обозрение «Радонеж» (главный редактор – Евгений Никифоров, тираж – 12 тыс.), журнал «Русский дом» (главный редактор – Александр Крутов, тираж – 50 тыс. экземпляров, выходит ежемесячно). В качестве позитива эти издания провозглашают православие как универсальную религиозную, мировоззренческую, культурную, политико-идеологическую, нравственную и бытовую модель. Кроме того, важную роль для них играют положительные образы родной истории, культуры и прочие патриотические материалы, вызывающие у читателей гордость за свою страну и свой народ. В качестве же объектов *Языка Вражды* фигурируют носители западных ценностей, секулярные либералы, различные религиозные конкуренты (таковыми чаще всего являются братья-христиане, католики, протестанты и «неправильные православные»), и реже – различные нехристианские «сектанты» и «сатанисты») и евреи.

Как и в нерелигиозных изданиях, негативный образ объекта *Языка Вражды* формируется, как правило, подробным описанием его реальных и мнимых преступлений против православных (русских) либо в современном мире, либо в исторической перспективе. От исторической тематики подразумевается переход к актуальной проблематике. Например, от изложения истории гонения и притеснения православных на Западной Украине под властью Речи Посполитой легко навести мосты к «погрому трех православных епархий» греко-католиками в тех же районах в 90-х годах XX века; от зверств времен крестовых походов на славянские земли и взятия крестоносцами православного Константинополя – к нынешней «католической экспансии», выражающейся в создании епархий на «канонической территории» Русской православной церкви. Особенностью же именно религиозного подхода является то, что агрессивность и порочность той или иной группы в настоящее время объясняется ее неверным религиозным выбором в прошлом. Американцы порочны и амбициозны, потому что это является след-

ствием тех протестантских и сектантских доктрин, которые лежат в основе государственной идеологии США, и т.п.

Так же дело обстоит и с антисемитизмом православно-патриотических газет. Антииудаизм занимает важное место в православной традиции, и любое фундаменталистское следование учению Восточной Церкви подразумевает набор антиеврейских тезисов: «евреи распяли Христа», «евреи – враги христианства», «евреи ждут своего Машиаха, который есть Антихрист» или даже «евреи совершают ритуальные убийства» и т.п. Собственно, сложно сказать, насколько позицию православно-фундаменталистских изданий можно назвать антисемитской в собственном смысле этого слова. Все-таки антисемитизм – это часть политической идеологии, а в рамках христианского мировоззрения он, по крайней мере декларативно, носит характер противостояния не в «дольнем», а в «горнем» мире. Однако для православных патриотов расстояние между этими «мирами», в которых ведется борьба с демонизированным врагом, оказывается крайне незначительным: духовный пласт реальности как бы проецируется на материальный.

На полосах газет это выглядит следующим образом. Например, в газете «Русь Православная» публикуется статья, автор которой лишней раз напоминает: «Церковное вероучение недвусмысленно утверждает, что грядущий антихрист и еврейский «мессия» – одно и то же лицо». Далее автор резко критикует шаги по сближению с евреями, предпринятые католиками: «Официальное признание Ватиканом законности мессианских чаяний иудеев выглядит особенно чудовищно. Что это, как не открытый стговор предтеч антихристовых, все активнее и откровеннее готовящих человечество к воцарению своего ужасного господина?». При этом собственно религиозными мотивами антисемитская пропаганда православно-фундаменталистских изданий не ограничивается: от религии авторы плавно переходят к социальным вопросам. В статье на соседней полосе автор пишет о «еврейской, откровенно прозападной, антирусской и антиправославной газете «Известия»». Перечислив несколько критикующих Русскую православную церковь статей, опубликованных на страницах «Известий», автор вопрошает: «Каково? Показательно, кстати, что все вышеприведенные цитаты принадлежат авторам-евреям. И что бы им не озаботиться проблемами родной синагоги? Нет, поди ж ты – все тянет поучить православных, как им надо жить». На другой полосе газеты опубликована карикатура: человек с уродливо-утрированными еврейскими чертами лица, в кипе с маген-довидом, под надписью: «Кремлевский спичрай-

тер». А рядом фотография с националистического пикета: две девушки держат плакат «Нет жидовскому фашизму».

Более радикальные православно-фундаменталистские листки (такие, как «Опричина», которую редактирует Вячеслав Минин, или «Опричный листок», который издает Виктор Козлов, и др.) могут себе позволить и более радикальный антисемитизм, вплоть до утверждения, что «жиды суть видимые бесы», Гитлер – чуть ли не христианский святой, потому что он уничтожил евреев. Правда, большинство подобных изданий критикуют и Московскую патриархию за «прожидовленность», а их авторы принадлежат к альтернативным юрисдикциям – «катакомбной» или «карловацкой». Здесь срабатывает общий принцип – чем радикальнее издание в целом, тем агрессивнее и радикальнее ксенофобия вообще, и в частности антисемитизм. Ряд изданий Опричного братства во имя святого преподобного Иосифа Волоцкого («Царский опричник», «Русский партизан», «Просветитель», главный редактор этих листков – Руслан Бычков) доходят до расистских утверждений о неполноценности представителей всех рас, кроме белой (арийской, «иафетической») и о том, что христианство дано только белому человечеству. Радикальность выражения *Языка Вражды* беспрецедентная: «опричники» утверждают, что врага своей веры и своей расы можно и должно убивать и прямо к этому призывают («убий!»), или же призывают всеми силами приближать «тот светлый день», когда задымят печи новых освенцимов и майданеков...

Понятно, что подобные взгляды имеют мало шансов на популярность даже в православно-патриотической среде, тираж подобных «опричных листков» – до тысячи экземпляров, выходят они не чаще одного раза в месяц (а, как правило, и реже). Эти издания находятся скорее в маргинальной сфере радикально-националистических газет, чем в сфере претендующих на популярность православных изданий.

Рассмотрением особенностей *Языка Вражды* в маргинальной националистической прессе мы и займемся далее.

Национал-радикальные издания изначально ориентированы на довольно узкую аудиторию. Поскольку целевая группа этих изданий – уже убежденные националисты, то материалы преследуют своей целью не столько агитировать читателя, сколько давать информацию и комментарии именно такого толка, какого ждет верный читатель. Зачастую это означает попросту поддержание в нем определенной температуры ненависти. Есть определенная категория читателей, которые как информационного наркотика ждуют газет, расписывающих ужасы «жидо-масонс-

кого» заговора или бесконечно повторяющихся историй про школьниц, изнасилованных кавказцами. Именно на эту аудиторию и работает подавляющая часть национал-радикальных изданий. Тиражи таких газет небольшие, их периодичность – крайне мала, однако у них есть сформировавшийся круг горячих поклонников. В этих изданиях мало материалов, носящих позитивный характер. Агрессивная ксенофобия – основа этих газет. Материалы, содержащие *Язык Вражды*, занимают половину и более печатной площади (чуть ли не до 100% в отдельных случаях). Основные объекты *Языка Вражды* нам уже знакомы: кавказцы, евреи, мусульмане, американцы. Однако степень радикальности и агрессивности в выражении *Языка Вражды* в этих изданиях куда выше, чем во всех упоминавшихся выше (кроме листовок братства св. Иосифа Волоцкого, которые вполне подходят под эту характеристику).

Среди газет, которые соответствуют приведенной выше характеристике, можно выделить «Наше Отечество», «Новую систему» (обе издаются в Санкт-Петербурге), «Эру России» (Москва), «Колокол» (Волгоград), «Славянский набат» (Вологда), «Алекс-Информ» (Самара) и т.п. Летом 2002 г. были закрыты по решению суда два издания, вполне соответствовавшие вышеприведенной характеристике – газета «Русские ведомости» и журнал «Русский хозяин».

В качестве примера можно рассмотреть питерскую газету «Наше Отечество» (главный редактор – Евгений Щекатихин, тираж колеблется от 5,5 тыс. до 10 тыс. экземпляров, периодичность – 2 раза в месяц, ранее – 3 раза в месяц), которая является флагом отечественной антисемитской прессы. Радикальные развязные антисемитские публикации занимают большую часть печатной площади издания. Выражения, в которых редактор и авторы газеты пишут о евреях, шокируют. Цитировать газету просто противно, однако чтобы не быть голословными, приведем несколько высказываний. «Жидовская власть делает в отношении коренного русского населения все, что хочет. Хотят жиды-«олигархи» крови русской попить и пьют, хотят убить кого-нибудь и убивают» (№ 177, июнь 2002); «Лозунг «Смерть жидам!» становится вполне актуальным!» (редакторская передовица № 177); «выход из сложившейся ситуации – в изгнании всех жидов из власти» (редакционный комментарий к статье в номере 176); и т.п.

В конце каждого выпуска стандартный текст благодарности за материальную поддержку газеты заканчивается словами: «Да сгинет с Земли Русской спидоносная жидо-масонская чума!». Газета пестрит выражениями типа «презренные жиды», «жидовская стая крыс», «жи-

довской наглости и их патологической извращенности нет предела!», «неисправимо ущербная, дико племенная ментальность жидовская».

Цитаты, подобные вышеприведенным, легко можно найти в любом номере не только «Нашего Отечества», но и других вышеупомянутых изданий. Интересно, что радикальный антисемитизм, патологичный сам по себе, плавно переходит в абсолютно шизофренические концепции.

Например, газета «Новая система» (главный редактор – Тамара Мищенко, тираж – 6 тыс. экземпляров, периодичность – 1 раз в 2–3 месяца) в № 21 переходит от констатации еврейского заговора («На 140 лет назад отбросили сельское хозяйство евреи: добравшись до власти в России...») к рассказу о том, как евреи проводят пропаганду губительного мясного питания для того, чтобы «гои» умирали, в частности, от коровьего бешенства – естественной реакции Природы на жестокое обращение (поскольку «антиматериальное тело Земли имеет форму коровы»). Пожалуй, эту статью стоит процитировать: «В памятке делегату всемирного конгресса сионистов, в р.V, п.5 так и говорится, что кровь у гоа должна быть кислой, а не щелочной. Кислая кровь – отравленная: убивающая его. Нормальной является только щелочная кровь: а имеют ее только вегетарианцы. В той же Памятке есть рекомендация в р.X, п.2 «рекламировать употребление мяса», как главного продукта, закисляющего кровь, «поменьше упоминая о том, что древние славяне не ели мяса». В итоге на земле лишь каждый пятый вегетарианец». Такой витиеватый ход мысли – не забавное исключение, а правило для оголтелых антисемитов. Газета «Эра России» (главный редактор – Владимир Попов, тираж колеблется от 2 тыс. до 5 тыс. экземпляров, периодичность – 2 раза в месяц) пришла к выводу, что евреи – это потомки «лысых болотных обезьян» (см., например, № 12 (80), июнь 2002)...

Помимо антисемитизма, в таком же ключе эксплуатируется кавказофобия (одно другому не мешает: запрещенные ныне «Русские ведомости» писали о «сионо-кавказской мафии» как о чем-то внутренне едином). Например, для той же «Эры России» или для печатного органа питерской Партии свободы «Наше обозрение» (главный редактор – Андрей Гребнев, указываемый тираж колебался от 3 тыс. до 30 тыс. экземпляров, выходит 1 раз в 2 месяца) в качестве такой же демонической и не вполне человеческой фигуры выступают выходцы с Кавказа, именуемые не иначе, как «чурки», «хачики» или даже «зверьки».

Важную роль для формирования демонизированного образа врага в таких изданиях играют изображения: карикатуры или даже комиксы.

Например, в июльском номере «Нашего обозрения» был помещен длинный комикс, который сначала показывал, как «чурки» воруют, обманывают и жируют за счет русских людей, потом появляющийся в комиксе главный герой «прозревает», выбривает голову и в конце участвует в расправе над «чурками» вместе со своими бритыми наголо друзьями по партии.

«Наше обозрение» является партийным изданием, что обуславливает некоторую специфику. Печатные органы политических партий просто обязаны помимо негативных материалов высказывать какие-то позитивные концепции и пропагандировать свою идеологию. Негативные материалы, содержащие *Язык Вражды*, занимают в партийных национал-радикальных изданиях (таких, как «Наше обозрение») чуть меньше места, чем в непартийных (таких, как «Наше отечество»), однако степень радикальности высказываемых чувств может быть не меньше, ведь проще объединять радикально настроенных националистов (в большей степени – молодежь) против общего врага, нежели добиваться высокой степени консолидации путем пропаганды позитивных ценностей.

Довольно радикальной, и при этом яркой и интересной партийной газетой в последние годы являлась ныне запрещенная газета «Лимонка» (тираж – около 10 тыс. экземпляров, периодичность – 1 раз в 2 недели, главный редактор – Алексей Волынец, а ранее – Эдуард Лимонов). Национал-большевики практически избегали эксплуатации антисемитизма, основные объекты *Языка Вражды* партийных изданий – это кавказцы и американцы, однако сложно было бы назвать группу, к которой лимоновцы относились хотя бы нейтрально. Ксенофобия национал-большевиков была направлена против Запада, ценностей современной европейской цивилизации, Америки, различных народов (хорватов, украинцев, крымских татар, финнов – практически кого угодно) и конфессий (католиков, протестантов, иногда даже православных, различных сектантов и т. п.). *Язык Вражды* встречался как в пространственных статьях (например, в серии статей Лимонова «Плохие народы есть!») или в цикле материалов исторического характера, посвященных объяснению того, почему надо было депортировать крымских татар, чеченцев, или как плохо себя вели финны во время Зимней войны), так и в призывах типа: «Убей янки!». Еще большую роль для «Лимонки» играла социальная ненависть: к богатым («Ешь богатых!»; «Убей буржуя!»), чиновникам, милиционерам, журналистам, семье как институту... Характерен лозунг одного из выпуска газеты: «Так убей же хоть одно-

го!». Источник цитаты – известное стихотворение «Убей немца», написанное в годы Великой Отечественной войны. В современном контексте совершенно непонятно, кого именно призывает убить «Лимонка». Для издания НБП был характерен именно такой немотивированный и персонифицированный призыв к насилию.

В настоящий момент наиболее радикальным в своей риторике партийным изданием является печатный орган Народной национальной партии газета «Я – Русский» (учредитель – Александр Иванов, выпускающий редактор – О. Ярошенко, тираж – 7,5 тыс. экземпляров, периодичность – 2 раза в месяц). Для издания ННП одинаково важны и кавказофобия, и антисемитизм, и другие формы расизма. Газета во многом ориентирована на агрессивную молодежь, поэтому она доходит до откровенной апологетики насилия, впрочем, не персонифицируя его объекта.

Для полноты картины можно упомянуть еще неоязыческие националистические издания. Основные неоязыческие издания выходят довольно редко («Русская правда» Александра Аратова – несколько раз в год тиражом в 3 тыс. экземпляров, питерская газета «За русское дело» Романа Перина и Олега Гусева – тиражом 5 тыс. экземпляров) и посвящены, как правило, внутренней полемике о том, кто правильнее почитает «родных богов», и критике христианства. В антихристианской полемике немаловажное место занимают антисемитские аргументы. Христиане и евреи – основные объекты *Языка Вражды* в неоязыческих изданиях. Характерна цитата из одного из последних выпусков газеты «Русская правда»: «Христианство – это религия, специально придуманная иудеями для рабов... Иудеохристианство – это еврейская религия, которая навязывалась народам мира силой. Огнем и мечем. Звериная ненависть к традиционным языческим религиям – это... основа всего иудеохристианства. Прочитайте еврейскую Библию (особенно Ветхий Завет). Он кишит еврейским шовинизмом и ненавистью ко всему нееврейскому...» Здесь отчетливо прослеживается уже выделенный нами мотив: уверенность автора в том, что объект его ксенофобии испытывает еще большую ненависть к нему самому, и поэтому любые негативные чувства и агрессивные действия будут только ответными и вполне адекватными.

Мы рассмотрели весь спектр коммуно-патриотических и националистических изданий современной России – от умеренных до оголтелых, и проанализировали роль и характер встречающихся в них прояв-

лений *Языка Вражды*. Большинство интересующих нас газет использует *Языка Вражды* при формировании образа врага с целью мобилизации сторонников перед лицом неизбежного противостояния. Как правило, образ демонизированного врага создается с помощью перечисления реальных и мнимых пороков и преступлений «Другого» и приписывания ему ненависти и агрессивных намерений по отношению к русскому народу. Наиболее радикальные издания позволяют себе прямые призывы к насилию по отношению к этому врагу, однако таковых меньшинство.

На основе изученного материала можно уверенно утверждать, что наиболее радикальные проявления *Языка Вражды* содержатся в наименее популярных и влиятельных газетах, и наоборот. В случае «Советской России» можно, пожалуй, без особой натяжки утверждать, что *Язык Вражды* встречается в издании в целом не чаще, чем, например, в «Комсомольской правде» (хотя, конечно, объекты и характер *Языка Вражды* разные). Конечно, множество других, куда более радикальных изданий, продолжают сеять ненависть и ксенофобию. Под влиянием национал-радикальной пропаганды находятся десятки, если не сотни тысяч россиян. Но, на взгляд автора, популярность изданий, активно эксплуатирующих *Язык Вражды* – не причина, а только яркая иллюстрация предельно высокого уровня ксенофобии в обществе.

Иосиф Дзялошинский

Кому выгодно тиражирование нетерпимости?

Последние годы в России отмечены резким всплеском международных, межконфессиональных конфликтов, которые порой приводят к кровавым столкновениям. И хотя специалистам понятно, что в основе этих конфликтов лежат демографические, экономические, экологические, технологические, политические, а также социокультурные факторы, которые отражают различия в менталитете, культуре, религии, образовании, этике разных народов и цивилизаций, многие обвиняют российскую прессу в том, что эпидемия национальной и религиозной нетерпимости обрушилась на общество именно по вине журналистов. Иногда обвиняют всю прессу чохом, иногда – только негосударственную прессу.

С другой стороны, именно к СМИ обращаются те, кто стремится остановить процесс сползания России в грязное болото ксенофобии. Но и те, и другие рассматривают масс-медиа как самый мощный инструмент влияния на происходящие в обществе духовные процессы. И те, и другие хотят руководить информационными процессами, в частности, процессом доступа граждан к информации. Мало кто осмеливается произносить вслух слово «цензура» (хотя есть и такие). Но и о том, чтобы опереться на журналистскую саморегуляцию, говорят еще меньше. Чаше всего речь идет либо о принятии неких государственных регламентирующих документов, либо о введении неких наблюдательных (общественных) советов, которые и будут определять, о чем и как должны сообщать журналисты в такой деликатной сфере, как межэтнические и межконфессиональные отношения.

Активно реализуются проекты, направленные на просвещение журналистов, повышение уровня публикаций, посвященных освещению сложных аспектов межэтнических отношений и конфликтных ситуаций. Безусловно, реализация этих проектов сыграла свою положительную роль. По крайней мере, само слово «толерантность» уже вошло в наш обиход. Правда, следует отметить, что разные люди вкладывают в это понятие разные смыслы. Лингвисты понимают под толерантно-

тью терпимость, снисходительность к чужим недостаткам. Политологи рассматривают толерантность как способность человека, общества, государства слышать и уважать мнение других, невраждебно встречать мнение, отличное от своего. Психологи используют это понятие для обозначения способности понять другого человека, способности проникаться и понимать ощущения других людей. В этом смысле толерантность раскрывается через понятия дружелюбия, спокойствия, мирной настроенности, как антипод агрессивности, злобности и раздражительности⁶.

Инвариантом всех этих толкований является морально-нравственная установка человека на терпимость, снисходительность, понимание другого. Толерантный человек – это человек, который с уважением относится к интересам, привычкам, верованиям других людей, стре-

⁶ Говоря о толерантности, невозможно обойти вопрос о мультикультурализме. Дело в том, что, на мой взгляд, толерантность представляет собой лишь одну из граней сложной проблемы становления гражданского, открытого общества. Другой гранью, тесно соприкасающейся с толерантностью, но не сводимой к ней, является мультикультурализм. Этим понятием обычно обозначают комплекс идей и действий различных социальных субъектов (государственных и иных организаций) направленных на равноправное развитие различных культур, преодоление дискриминации различных групп населения во всех сферах общественной жизни, обеспечение равных шансов при трудоустройстве и получении образования, отмену скрытых и явных препонов в административной карьере и т.д. Другими словами, если толерантность выступает как психологическая или социально-психологическая характеристика взаимодействующих индивидов и социальных групп, проявляющаяся в их взаимодействии с другими индивидами или социальными группами, то мультикультурализм означает содействие сосуществованию различных культур в одной стране. Таким образом, толерантность и мультикультурализм представляют собой тесно связанные, но не идентичные понятия.

Проблемы мультикультурализма для России чрезвычайно важны. Есть настоятельная необходимость бороться за то, чтобы не только на межличностном уровне, но и на уровне управленческой практики, включая деятельность органов правопорядка, различные социальные структуры, и прежде всего органы власти, обеспечивали уважение прав человека и основных свобод для всех, без различия по признаку расы, пола, языка, национальной принадлежности, религии или состояния здоровья. На государственном уровне такой подход требует справедливого и беспристрастного законодательства, соблюдения правопорядка и судебно-процессуальных и административных норм, предоставления каждому человеку возможностей для экономического и социального развития без какой-либо дискриминации.

мится понять их и достичь взаимного согласия без применения насилия, давления.

На мой взгляд, это чрезмерно узкое толкование данной категории. Представляется возможным рассматривать толерантность как характеристику любых социальных структур – отдельного человека, социальной группы, общественного института или общества в целом, – фиксирующую специфическую ориентацию на разрешение конфликтных ситуаций, возникающих в процессе взаимодействия с другими социальными структурами. Специфичность этой ориентации заключается в стремлении понять позицию другой стороны, объяснить ей свою позицию и в процессе диалога найти взаимоприемлемое компромиссное решение. Категорией, противоположной толерантности по своему социальному смыслу, является экстремизм, опирающийся на насилие как главный инструмент решения проблем.

Таким образом, толерантность есть не только нравственная характеристика отдельного человека, но и специфическая технология взаимодействия людей, такая технология, которая обеспечивает достижение целей через уравнивание интересов, убеждение сотрудничающих сторон в необходимости поиска взаимоприемлемого компромисса⁷.

⁷ Предвосхищая дальнейший разговор, полагаю необходимым уже здесь заявить, что так понимаемая толерантность есть предпосылка, условие и одновременно продукт либерального, демократического общества. Только в обществе, признающем в качестве высшей ценности и главного богатства свободную суверенную человеческую личность, толерантность становится естественным атрибутом цивилизованности. И наоборот, в обществе, где к идее суверенной личности относятся с подозрением, толерантность также рассматривается как синоним мягкотелости и неумения бороться «за светлые идеалы». Поскольку Россия ни экономической, ни политической свободой никогда не отличалась, то ни практических, ни теоретических основ либерализма для себя не выработала. Русская историческая традиция от славянофилов до Солженицына неизменно отрицала западный либерализм во имя внутренней религиозной свободы. Законность и право как «этические минимумы» человеческой жизни ретировались как формы внешнего ограничения и принудительности. Они казались чуждыми высоким идеалам подлинной духовной свободы.

Эта традиция жива и сегодня. Авторы многих появляющихся в прессе публикаций настойчиво стремятся развенчать «либерально-рационалистический миф», повинный, по их мнению, в повсеместно наступившем культурно-экологическом кризисе, и требуют предпринять экстраординарные меры по его преодолению.

Говоря о толерантности, можно предложить следующие параметры этой категории:

А) Уровень толерантности. Если исходить из предложенной выше оппозиции «экстремизм–толерантность», то можно предположить, что высшая точка толерантности связана с идеей непротivления злу насилем и следованием принципу: «Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую. Нормальная, средняя степень толерантности обозначена максимой «Око за око, зуб за зуб» и минимальная толерантность описывается тезисом «Если враг не сдается, его уничтожают».

При таком подходе толерантность становится измеримой характеристикой как личности, так и общества, и дело за малым: определением индикаторов и разработкой социологического инструментария, позволяющего более или менее точно определить степень толерантности с помощью определенной шкалы.

В качестве гипотезы можно предположить, что есть социальные структуры, изначально ориентированные на агрессию, на силовое решение проблем, и есть структуры, в большей степени ориентированные на переговоры, на поиск согласия, на компромисс.

Б) Субъекты толерантности. Под субъектами толерантности понимаются различные индивиды, социальные группы, общественные институты, на которые распространяется принцип толерантности, с которыми возможен поиск компромисса. Понятно, что перечень таких

Зато насилие как средство решения различных, в том числе и политических проблем имеет среди российских журналистов немало сторонников. Российские радикалы и экстремисты относятся к сторонникам ненасильственных способов решения политических задач весьма насмешливо. В России экстремизм и его крайняя форма – терроризм всегда вызывали интерес у определенных групп населения, которые могли обратить на себя внимание только посредством диких эксцессов, и у интеллектуалов, выразивших интересы этих групп. Достаточно напомнить Нечаева с его лозунгом: «Нравственно то, что служит революции». Конечно, терроризм в России тоже был разный. Большевиком устами В.И. Ленина хотя и осуждал индивидуальный террор (не с этических, а методологических и стратегических позиций), ставил в заслугу народолюбцам то, что они своим героическим террористическим методом борьбы способствовали последовательному революционному воспитанию русского народа.

Российские журналисты и сейчас много и со вкусом пишут об экстремистах всех мастей, так много, что невольно закрадывается подозрение, что именно этот тип политического поведения представляется им наиболее «интересным».

субъектов у каждой социальной системы разный. Так, Аслан Масхадов для российского правительства не является субъектом переговорного процесса, а для кого-то является. Для одних журналистов такие структуры, как МВД, армия, ФСБ, парламент, выступают субъектами толерантности, то есть могут требовать уважительного отношения, понимания, снисходительности, а для других они достойны только осмеяния, остракизма и ненависти.

Специфическим субъектом толерантности является власть в целом. Для одних журналистов представляется совершенно естественной мысль о том, что средства массовой информации обязаны почти постоянно находиться в конфликте с властями и большим бизнесом. СМИ, по их мнению, играют роль сторожевого пса демократии и бдительно следят за тем, чтобы властные структуры соблюдали демократические «правила игры». Некоторые российские журналисты усвоили эту нехитрую логику противостояния и считают делом доблести, чести и геройства постоянно выставлять власть в комическом, пародийном свете, считая, видимо, что тем самым они помогают становлению демократии в России. Думаю, что на самом деле они безответственно затаптывают неокрепшие ростки демократии, создают ту атмосферу, когда власть критикуют не за ошибки, а просто потому, что она власть.

В) Предмет толерантности. Под предметом толерантности понимается та характеристика личности, социальной группы или иного объединения людей, которая может быть полем согласования интересов, взаимопонимания, поиска компромиссов. Понятно, что у разных субъектов предмет толерантности может быть разным. Один готов примириться с тем, что кто-то верит в другого бога, но ни за что не признает его право иметь иные политические взгляды. Другой, наоборот, готов не обращать внимания на политические взгляды, если есть совпадение в религиозной принадлежности. Третий не может поступиться некоторыми нравственными императивами, которые не могут быть для него предметом торга.

Другими словами, у каждого человека, каждой социальной группы, каждого общества есть некие пределы, некие зоны, где толерантность не допускается и есть предметы, по отношению к которым звучит знаменитое «Не могу поступиться принципами».

Предметное поле толерантности можно изобразить в виде некоей розы ветров, где векторами являются религиозные, политические, экономические, нравственные и иные взгляды.

Кроме того, следует выделить факторы, влияющие на параметры толерантности.

Первый фактор – общая социальная ситуация, в которой живут люди. Трудно быть терпимым, снисходительным, уважительным, если вокруг рвутся мины и стреляют в затылок. Чем выше уровень общественного напряжения, тем выше агрессивность и нетерпимость людей.

Второй фактор – ситуация в конкретном сообществе, членом которого является индивид⁸.

Третий фактор – специфический тип культуры межличностных и социальных отношений. К этой проблеме я и хотел бы перейти.

Для меня толерантность – не только теоретическое понятие, но и элемент определенной культуры жизни, определенной культуры поведения. Под культурой я понимаю совокупность знаний, ценностей и норм, которые определяют нашу жизнь. Можно предположить, что в фундамент так понимаемой культуры может быть вписана и толерантность. Но ее там может и не быть. И если ее там нет, то мы можем сколько угодно рассуждать о толерантности, но в жизни ее не увидим. Это все равно как рассуждать о боли с человеком, который по каким-либо причинам боли не чувствует. Он будет кивать головой и вообще поддерживать беседу, но понять тебя не сможет.

Стоит ли удивляться тому, что сегодня для многих россиян характерны ненависть к приезжим, презрение к инвалидам, желание «очистить Россию от иностранной скверны», искоренить «нетрадицион-

⁸ Надо ли говорить о тех трудных условиях, в которых приходится работать российским журналистам? Я имею в виду и внушающее глубокую тревогу материальное состояние всех структур, отвечающих за информационное обеспечение населения; и низкую заработную плату большинства работников средств массовой информации; и постоянные попытки достаточно разных по политическим симпатиям и степени влияния сил подчинить себе СМИ или, по крайней мере, выйти на реальные рычаги управления ими. Приходится констатировать, что средства массовой информации, с одной стороны, подпали под жесточайший экономический пресс рыночных отношений, а с другой – продолжают испытывать давление властных структур, пытающихся управлять ими старыми методами. Одновременно произошло резкое снижение платежеспособности массового потребителя информации. Все это в совокупности принципиально изменило ситуацию на информационном рынке России. Понятно, что ожидать от озлобленных профессионалов такого деликатного чувства, как толерантность, не приходится.

ные религии» и фундаменталистов и т.д. Участились проявления нетерпимости, насилия, терроризма, ксенофобии, агрессивного национализма, расизма, антисемитизма, отчуждения, дискриминации по отношению к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам, беженцам, рабочим-мигрантам, иммигрантам и социально наименее защищенным группам в обществах. Есть факты насилия и запугивания в отношении отдельных лиц, осуществляющих свое право на свободу мнений и выражение убеждений.

Все это говорит о том, что прежде чем наращивать усилия по пропаганде толерантности, надо проанализировать причины интолерантного поведения как населения, так и журналистов. Чаще всего в качестве такой причины называют нашу ненормальную жизнь, которая, дескать, заставляет людей быть нетерпимыми. Вероятно, доля правды в таком утверждении есть. Но только в том смысле, что бессмысленно учить толерантному поведению до тех пор, пока вокруг будут образцы успешного интолерантного поведения. Однако и сама жизнь, и анализ показывают, что в одних и тех же условиях одни люди стараются унижить, оскорбить другого человека, использовать его в качестве инструмента достижения своих целей, а другие не могут этого себе позволить, реализуя даже в самых беспощадных условиях жизни нормы толерантного поведения.

Следовательно, нужно понять культуру отношений в обществе и культуру журналистики, которая эти отношения поддерживает. Начинать поиск особенностей поведения журналиста в рамках формирования установок толерантного поведения надо с понимания того, что собой представляет реальная российская культура. Культура отношений между людьми, культура отношения к своей работе, культура отношения к своей семье, культура отношения к другим, к иным, инаким.

Что же такое Язык Вражды?

Я думаю, что более или менее точным эквивалентом этого чересчур метафорического понятия является термин «речевая агрессия». Речевая агрессия – это специфическая форма речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего. Обычно выделяют два варианта речевой агрессии в текстах. Во-первых, прямой призыв адресата к агрессивным действиям («Время беспечности и празднословия прошло. Настало время действия»). Во-вторых, это формирование или поддержание у адресата агрессивного

состояния («Кубанцам не привыкать к высказываниям центральных средств массовой информации, в которых происходящие у нас события преподносятся в искаженном, извращенном виде»).

В чем причины существования и развития речевой агрессии?

Можно выделить три комплекса причин: социально-психологические, общекультурные и личностные.

Что касается **социально-психологических причин**, то речь идет о том, что одной из главных целей любой религиозной, этнической или культурной группы является воспроизводство и развитие собственной материальной и духовной жизни и необходимых условий для такой жизни. В ситуации, когда на необходимые для жизни условия, а самое главное – на сами правила жизни посягают другие группы, которым тоже нужно социальное пространство, возникают растерянность, страх, формируется враждебность. Нынешняя жизнь представляет каждому большой выбор таких ситуаций. Следующий шаг – поиск виновного в возникновении такой ситуации. Понятно, что таким виновным может быть только кто-то «иной». На этого «иноного» и направляется агрессия. Если она не может быть выражена в простой физической форме, она приобретает форму языковой агрессии.

Простейший анализ дает основание для выделения четырех главных врагов большинства притесняемых россиян (а большинством, по статистике, являются люди, идентифицирующие себя с русским народом).

Первый враг – это власть, чиновники, бюрократы, начальники и прочие, имеющие некие льготы в плане получения жизненных ресурсов.

Поскольку самые богатые чиновники живут в Москве, то Москва становится тоже врагом (врагом номер два) – городом жирных, сытых, наглых людей, одним словом, не россиян.

Третий враг – этнические чужаки: чернокожие, жиды, «чурки» и т.д.

Четвертый враг – Запад, конкретно американцы, которые почему-то живут лучше нас да еще имеют наглость нам помогать.

Понятно, что иерархия врагов у разных параноиков разная, но это уже детали.

К **общекультурным причинам речевой агрессии** можно причислить следующие наиболее общие характеристики сложного явления,

обозначенного понятием «современная бытовая культура межличностных отношений»⁹.

Отказ от личности, индивидуальности, самостоятельности в сфере производственной и общественно значимой деятельности и сознательное «растворение» себя в каком-нибудь «Мы» – реальном или вымышленном.

Но там, где есть «Мы», там обязательно есть «Они». Многие до сих пор искренне верят в то, что для российской культуры нехарактерны расизм и ксенофобия. Однако это не так. Большинство россиян четко делит представителей различных народов, социальных и конфессиональных групп на «наших» и не «наших».

Подозрительность и агрессия по отношению ко всем, кто не «Мы».

Вынесение врага за рамки социума, его демонизация в контексте мирового заговора – очень характерные приемы и, более того, основы мышления значительной части наших современников, которые в принципе не способны к признанию собственных ошибок. Ведь раскаяться значит перестать требовать что-либо от кого-то, перестать завидовать и искать виновных. А в нашей природе – постоянное перекладывание вины на кого-то, на те или иные внешние причины и силы. Вся наша история – поиск и озлобленная война с виноватыми, если их удавалось найти.

Недоверие к материальному благополучию, зависть к богатым.

Из всего богатства христианского вероучения российская (а впоследствии советская культура) восприняла в качестве одного из своих краеугольных камней положение о том, что «легче верблуду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царствие небесное». Проникновение в Россию во второй половине XIX в. социалистических учений лишь помогло артикуляции народного неприятия богатства, частной собственности (а заодно и прав личности, противопоставляющей себя большинству) и многих других, естественных для западной цивилизации ценностей.

И сегодня многие полагают, что бедным быть, в принципе, «нормально». Самое неприятное для этих людей заключается не в том, чтобы влачить жалкое существование, а в том, чтобы быть хуже людей: «Ну и что ж, что бедны, – живем, как все». «Как все» можно жить на

⁹ Надо ли объясняться по поводу того, что другие культуры, возможно, ничем не лучше? Надо ли говорить о величии созданной в России духовной культуры?

любом, сколь угодно низком уровне. Т.е. речь снова идет о постоянном стремлении быть среди «своих», но в качестве своих предпочтительнее «бедные», ибо пребывание в бедности позволяет, во-первых, не очень напрягаться, во-вторых, чувствовать себя более духовным и близким Богу.

Эта точка зрения: нищета есть духовность, благополучие есть бездуховность – достаточно популярна в среде российских публицистов определенного толка. Отсюда – новый виток изоляционизма и мессианства. Отсюда – фантастическая модель будущей России как оплота нравственности в мире бездуховного чистогана. Отсюда – «русский» ответ на вопрос «Что делать?»: стать духовниками, нравственными путеводами человечества, направив все сердце на стоическое неприятие тотальной власти денег.

Но с другой стороны, изнанкой такого подхода является чрезвычайная популярность различных лотерей, игровых автоматов, мультфильмов про некоего Емелю, который сидит на печке (в то время как его братья работают в поле) и ждет удачи (и непременно дожидается, поскольку именно ему как раз и улыбается счастье). И если внимательно всмотреться в это противоречие, становится понятным, что богатство само по себе не предосудительно; предосудительно бороться ради материального благополучия, проявлять инициативу, экономить, копить. И это тоже – характерный штрих в общей картине нашей культуры¹⁰.

Неуважение к праву, правовым институтам общества.

Очень многие люди убеждены в правомерности насилия и вообще криминального поведения (если есть возможность как-то его оправдать).

Такое положение, разумеется, сложилось не вчера. С.С. Аверинцев показал, что разница между западной культурой, опирающейся на католическую традицию, и византийско-русской культурой, выросшей

¹⁰ Как пишет по этому поводу Татьяна Толстая, «в России все хотят разбогатеть, но не любят разбогатевших. Причем не только за пределами и вызывающе богатых, не только очевидно живущих на несправедливые средства, но любого, кто, у всех на глазах тяжко трудясь на незавидной работе, накопил себе денежек и покупает, ест или строит... **Деньги в сознании русского человека – это зло, но зло вождеденное**; сознавая, что мы вождедеем дурного, мы стыдимся, убеждаем себя и других, что вовсе мы этих денег не хотим, что это просто так, деваться некуда, а так мы ни-ни» (Аргументы и факты. 2002. № 5).

из православия, отчетливо выражается в отношении к закону. Западная культура опиралась на представление о том, что все индивиды находятся в некотором пространстве внеличного закона, который и регулирует отношения между ними, а для русской культуры характерно требование, чтобы все отношения между людьми регулировались чистыми чувствами, без всякой опосредованной роли закона.

Запад рассудочнее, рациональнее, опытнее; боясь греховной человеческой души, он пытается ограничить человека рамками условностей. Не доверяя человеческой природе, Запад дает возможность каждому человеку установить необходимую дистанцию, своеобразный «санитарный кордон», препятствующий излишней близости, охраняющий человека от фамильярности, предпочитая жизнь достойную, без опасного раскрепощения, приводящего к непредвиденным последствиям. Россия всегда верила в естественного человека и пыталась его раскрыть, раскрепостить, развязывая вместе с другими узлами и самые дурные инстинкты, страдая от этого, мучаясь, но в этом страдании, мучении живя страстно и безоглядно.

Отечественная журналистика демонстрирует множество примеров того, к чему приводит эта ориентация не на правовые, а на страстно-личностные способы разрешения конфликтов.

Постоянная неуверенность, растерянность, фрустрированность.

Эта особенность советского (а ныне российского) человека хорошо известна каждому, кому приходилось сравнивать наших соотечественников с представителями западной культуры. Разница в поведении определяется тем, что частная жизнь правопослушного гражданина в США неприкосновенна. Более того, все правительственные учреждения, в том числе и правоохранительные, обязаны всесторонне информировать население о своей деятельности. У нас же, несмотря на то что задача правоохранительных органов формально состоит в том, чтобы охранять права граждан, именно эти органы вызывали и вызывают у людей наибольший страх. Причиной тому не только история страны, но и правовая безграмотность: незнание прав и обязанностей граждан по отношению к правоохранительным органам и, наоборот – прав и обязанностей органов по отношению к гражданам.

Фатализм, переходящий в нигилизм.

Еще одной особенностью российской культуры является глубокий фатализм. Фаталист – это человек, полагающий, что существует некий

самодействующий механизм (будь то механизм счастья, социального устройства, судьбы и т.д.), который так или иначе, но обязательно «вмешивается» в его жизнь. Человек, думающий о своем месте в мире и личном достоинстве, напротив, исходит из того, что всегда есть возможность самореализации, что она зависит только от него, от его собственного труда и духовного усилия, направленных на освобождение и развитие его личности.

Этот фатализм проявляется в ставших нарицательными русской безответственности и непрактичности.

Совершенно очевидно, что предъявленный выше список качеств культуры, влияние которой на поведение современного россиянина бесспорно, далеко не полон и не системен. Я и не ставил перед собой цель дать исчерпывающее описание данного феномена. Эта тема еще ждет своих исследователей. Моя задача значительно скромнее – определить некоторые существенные особенности той культуры, под непрерывным воздействием которой мы живем.

Есть все основания полагать, что культура в том ее виде, в котором она представлена выше, начинает разрушаться. Ей на смену идет новый духовный инструментарий, основой которого явится, скорее всего, эгоцентрическая культура. Отмечавшаяся многочисленными исследователями как в нашей стране, так и за рубежом склонность россиян к коллективизму, социальной справедливости, уравниванию доходов в настоящее время распадается. В действительности в стране преобладает оголтелый индивидуализм, являющийся естественной реакцией на насильственный коллективизм. Маятник «коллективизм–индивидуализм» сейчас резко качнулся в сторону индивидуализма, и поскольку баланс пока не найден, уравновесить эти крайности попросту нечем.

Безусловно, у определенных социальных групп эгоцентрическая культура начинает доминировать. Однако носители других типов культурных кодов тоже не сдают позиций. Они всячески противятся формированию и развитию культуры, центрированной вокруг идеи человеческой, индивидуальной суверенности. Более того, можно наблюдать совершенно невероятный импульс к тому, что можно назвать новой коллективизацией сознания. Причем если в советские времена коллективизация была насильственной, то сейчас речь идет о коллективизации добровольной, что в какой степени ставит вопрос о том, действительно ли прежняя коллективизация была такой уж насильственной. Под лозунгом «Создадим в России гражданское общество» люди объе-

диняются в самые экзотические структуры¹¹. В прессе уже отмечалось, что место великого и могущественного «Мы» тоталитарной империи теперь заняло «Мы» религии, национализма, демократии, антикоммунизма. Каждое из этих «Мы», заряженное энергиями собственной правды и нетерпимости, как и прежде, манипулирует языком абсолютных категорий и всеобъемлющих идеологий. Изменились лишь священные пароли: теперь ими стали «духовность», «традиции», «права человека».

Хотелось бы также высказать еще одну мысль по поводу культурных основ «языковой агрессии». Повышение агрессивности и переход к жестким формам насилия, в том числе и в языковой форме, не в последнюю очередь связано с распадом монополии государства на насилие. (Видит бог, я был и остаюсь либералом и отнюдь не желаю усиления роли государства, особенно в специфически российских формах. Но надо отдавать себе отчет в том, что если общество и граждане привыкли к насилию как средству разрешения конфликтных ситуаций, а один из субъектов общественной жизни, в данном случае государство, стал реже пользоваться насильственными технологиями, то кто-то другой перехватит инициативу.) Идею насилия перехватывают организованные группы людей, а иногда и отдельные граждане.

Эта борьба за право на насилие опирается на разветвленную систему представлений и ценностей, которую можно обозначить общим понятием «культура агрессии» или «культура войны».

Поскольку жизнь по законам «культуры войны» для многих затруднительна, коллективный разум человечества выработал иные версии:

1. культура пацифизма и ненасилия;
2. культура мира и солидарности.

Культура пацифизма и ненасилия, будучи весьма привлекательной, не предлагает никаких мер для устранения несправедливости, неравенства и угнетения. В связи с этим возникла и поначалу активно разрабатывалась новая парадигма человеческого взаимодействия, обозначенная как культура мира. Правда, сейчас об этой концепции как-то тихо забыли.

¹¹ Хочу быть правильно понятым. Я не против гражданского общества и не против права людей объединяться по интересам. Я только полагаю, что наличие множества объединений граждан не имеет никакого отношения к гражданскому обществу, конституирующей идеей которого является идея суверенного ответственного гражданина.

Наконец, не стоит сбрасывать со счетов еще и **сугубо профессиональные, точнее личностно-профессиональные, причины речевой агрессии**.

Во-первых, это низкая интеллектуальная и, соответственно, низкая речевая культура, когда журналист не умеет мыслить, не умеет выражать свои рыхлые, расплывающиеся мысли и замещает точность высказывания эмоциональностью речи.

Во-вторых, журналист, обаянный идеей (а в прессе, особенно провинциальной, много журналистов «с идеей»), стремится использовать все возможные речевые ресурсы, для того чтобы та идея, которой болен он, стала всеобщей болезнью. Стремление навязать аудитории свой взгляд, свое видение – давняя особенность российской журналистики.

Что же делать?

Если есть *Язык Вражды*, следовательно, есть (или должен быть) *Язык Мира*. Что такое *Язык Вражды* – более или менее понятно, а вот что такое *Язык Мира* – необходимо прояснить.

Это лингвистическая реализация особого, мирного сознания, сознания, ориентированного на использование в процессе разрешения возникающих конфликтов не конфронтационных, силовых технологий, а договорных, компромиссных технологий. Следовательно, должна быть прежде всего поставлена и решена задача анализа позитивной сущности «мирного сознания» и возникающих на его основе *Языков Мира*. (Сейчас никаких разработок в это сфере не существует. Есть лишь перечни «плохих слов» и заклинания на тему недопустимости разжигания всяческой розни.) А это вносит в повестку дня вопрос об изменении коммуникативной стратегии в целом, т.е. создании публичной политики, открытого общества, одним словом, выращивании фундаментальных ценностей европейской политической и коммуникативной культуры. Только в том случае, если произойдут эти глубинные трансформации, можно будет всерьез требовать от СМИ – государственных, общественных или частных, – чтобы они заменили конфронтационные модели освещения событий на аналитические и обеспечивали аудиторию справедливой и взвешенной информацией.

Кроме того, должны быть решены еще несколько задач:

1. необходимо обеспечить подлинную, а не фальшивую прозрачность социальных процессов;

2. необходимо противодействовать любым попыткам манипулирования общественным мнением;
3. необходимо раскрывать враждебную культуре мира суть любой националистической, культурно-изоляционистской мифологии, выдающей себя за сущность национальной культуры;
4. необходимо показывать реальную эффективность договорных технологий человеческого взаимодействия и принципиальную ущербность конфронтационных технологий.

Общий вывод из сказанного выше может быть сформулирован следующим образом. Не стоит уповать на то, что критикой *Языка Вражды* и демонстрацией образцов толерантного поведения можно изменить общую атмосферу в обществе и стране. Понадобится долгий и трудный путь пересмотра многих казавшихся незыблемыми представлений и культурных установок. Определенную роль в этом процессе могут сыграть и средства массовой информации. При условии, что сами журналисты будут овладевать новой профессиональной культурой, которая отвечала бы нынешнему этапу развития России. Вероятно, можно воспользоваться американской концепцией гражданской журналистики, которая хорошо ложится на российские традиции, связанные с журналистикой народничества, качественной журналистикой эпохи Анатолия Аграновского и т.п. А может быть, мы сумеем выработать какую-то свою концепцию новой журналистики. Но ясно одно: нынешняя журналистика, не имеющая отчетливого представления о новых смыслах профессии – плохой помощник в деле формирования толерантности.

Юрий Казаков

Между «что делать...» и «что делать?»: пресса и общество в ситуации повышенного риска

«Задумаемся над элементарным посылом: национальное угнетение проявляется в этническом разделении труда, при котором угнетающая нация или псевдоэтническая группа создает условия для своего более высокого образовательного уровня и захватывает сферы управления, науки, искусства, образования, информации – вытесняя угнетаемых в сферу материального производства, на тяжелые и вредные для здоровья работы.

Если бы в России действительно существовал антисемитизм, то евреи трудились бы, к примеру, в шахтах или плавил металл, и их дети не пробились бы в вузы. Но в стане шахтеров и стане плавильщиков их нет, зато среди управленцев и собственников угольных, металлургических и других предприятий вредного производства евреев немало.

*Конфликтность национальных отношений не определена свыше, не взята из природы. Конфликтность порождена сатанинским замыслом жизнеустройства – разделяй и властвуй, – который исповедует надгосударственная еврейская мафия*¹².

Этот отрывок – фрагмент передачи «Антидеза», часть текста, объединенного стиливым приемом «голос за кадром». Поскольку во всех эпизодах своего появления в пятнадцатиминутной передаче этот женский, заметим, голос был неотличим – в идеологии подхода, в логике подбора фактов и аргументов и т.д. – от голосов ведущего (автора-журналиста) и эксперта (правоведа), фрагмент позволяет достаточно уверенно судить о целом.

После выхода в многомиллионный утренний воскресный эфир «3 канала» передачи «Антидеза» в Большое Жюри Союза журналистов

¹² Антидеза. 28 июля 2002. 3 канал.

России обратилась президент Межрегионального фонда «Холокост» Алла Гербер.

Как член Большого Жюри, свидетельствую: в открытой части заседания БЖ (сами решения БЖ вырабатываются затем за закрытыми дверями), прямым и жестким образом столкнулись две принципиальные позиции по отношению к этой и подобной им публикациям.

Эксперт-этнолог, чье заключение заслушало жюри, выразила мнение: на полосы и в эфир, в силу крайней чувствительности сферы межэтнических отношений, журналисту следует выносить далеко не все — просто потому, что читатель и зритель не всегда подготовлен к адекватному восприятию негативной «этнической» информации.

Эта позиция получила жесткую отповедь «виновников торжества». И правовед, делившийся в кадре «экспертными» откровениями определенного свойства¹³, и политик-генерал, чей текст в одной из газет фрагментами текстуально, до запятой совпадал, как выяснилось по ходу заседания, с текстом «от автора» рассматривавшейся передачи¹⁴, оказались яркими поборниками и защитниками свободы слова. А, так вы полагаете, что наш народ не дорос до того, чтобы самому разбираться в информации? Вы считаете, что кто-то должен решать, что народу полагается знать, а чего не следует? Это мы уже проходили, довольно! Таким был смысл ответа эксперту, который во главу угла при решении таких вопросов поставил известное «не навреди».

Почему не «Не навреди!»

Обозначим условно позицию «не все выносить на полосы» в качестве модельной «этнологической». Валерий Тишков, директор Института этнологии и антропологии РАН, некоторое время назад сформулировал одну из актуальных «задач дня» для прессы и общества следующим образом: «*Важно противодействовать экстремизму через отказ в публичности*». Приведя конкретные примеры того, как журналисты, не справляясь с джинном этнических стереотипов, с расистской

¹³ Д.ю.н. Хохряков Г.Ф. Цитата: «Евреи в силу своей истории и в силу своего сформировавшегося характера – носители (и пусть они не обижаются на это) племенного сознания. А племенное сознание, оно отличается тем, что резко отличает «своего» от «чужого»» (Антидеза).

¹⁴ Речь идет о монологе председателя Концептуальной партии «Единение»: Петров К.Е. Не все жиды – евреи//Большая Волга. 2000. № 21.

демагогией политиков (в том числе и откровенно лгущих), подвергают российское общество дополнительному риску, Тишков заявил: «*На ТВ-экранах и в печати не должны появляться и цитироваться не только активисты экстремизма, но и сообщения на эту тему должны носить дозированный характер, без пересказа аргументов и показа «как это делается»*¹⁵.

Основания, побуждающие известного ученого, занимающегося тяжелейшими этническими конфликтами и постоянно имеющего дела с ролью слова в их развитии, понятны. Но обратим внимание: предлагаемая им прессе в качестве оптимальной с точки зрения общественных интересов, т.е. разумной и нравственной, позиция не безукоризненна, ибо находится в серьезном противоречии с принципом (и конституционной нормой) свободы слова, свободы массовой информации.

Если говорить очень грубо, схематично, профессиональная проблема (мучительно трудно разрешаемая даже в теории) выбора журналистом методов работы в области «межэтнического» и «межконфессионального», отражает в массово-коммуникационной сфере проблему глобальную, хорошо знакомую на личном опыте каждому из нас: столкновение различных прав и свобод (и стоящих за ними интересов).

При этом повышенная сложность задачи выбора, а точнее, отбора журналистом методов, средств и приемов, заключается в том, что в ситуации повышенного общественного и профессионального риска он принуждаем спецификой своей профессии выбирать методы, позволяющие не «проплывать» в ситуации с наименьшими потерями, но выявлять ее явные и скрытые сущности, давать обществу возможность зафиксировать положение дел как ненормальное, дискомфортное, опасное, невыносимое.

Здесь-то и проявляется различие профессиональных подходов «обобщенного этнолога» и «обобщенного журналиста», за каждым из которых стоят не просто профессиональные знания, но и профессиональные представления об адекватном выражении и защите общественных интересов.

И зрелое общество, и развитое, зрелое профессиональное журналистское сообщество заинтересованы в том, чтобы проблемные темы, в том числе и напичканные острыми вопросами, находили отражение в СМИ. Чтобы СМИ и журналисты вносили, в том числе по праву и обя-

¹⁵ Известия. 2002. 18 июня. С. 9.

занности профессиональных коммуникаторов, свою лепту в организацию публичной дискуссии — способа конкурентного предъявления различными общественными и политическими силами своих настроений, представлений, позиций, предметного поля для умственной и нравственной работы общества по формированию собственного будущего.

При этом развитая журналистская среда (союз или «цех»), десятилетиями выстраивающая социально ответственную линию именно журналистской морали, будет оценивать поступок коллеги прежде всего по критериям соответствия своим «профильным» нормам поведения: признанным профессиональным стандартам или даже рекомендациям, данным «цехом» своим членам для действий в схожей ситуации.

Регуляторы

Сразу договоримся: признание полезности и важности публичной дискуссии (в том числе и в такой деликатной сфере, как межэтнические, межнациональные и межконфессиональные отношения) не снимает вопроса о допустимом в ней, о различных «порогах» свободы высказываний.

Предметом специальной регламентации в рамках мирового и европейского стандартов подхода к свободе слова является категория материалов с признаками расизма, шовинизма, ксенофобии, антисемитизма. С этим конкретным злом международное сообщество борется, полагая, что в борьбе этой имеет в лице прессы союзника, а не противника. Роль средств массовой информации в этой борьбе очевидна: сражения ведутся не только и не столько в залах судебных заседаний, сколько в умах конкретных людей, чьи знания и представления о картине мира подпитываются ежедневно именно средствами массовой коммуникации.

При этом в сфере СМИ конкурентность идей и представлений, в том числе о ценностях и добродетелях, заведомо иная, чем в суде. А за тем, чтобы благотворная конкурентность не переросла в недопустимую пропаганду, угрожающую общественным устоям, в любом цивилизованном обществе приглядывают закон, профессиональная журналистская мораль и, что крайне важно, общественное мнение. Пропуская тему права¹⁶ и не касаясь здесь общей динамики общественных настроений, перейдем к обсуждению профессиональной этической нормы.

¹⁶ См. статьи Романа Сапожникова и Льва Левинсона (примеч. сост.).

Тут российская ситуация далеко не так благополучна, как нам бы того хотелось. Основная проблема — мы не имеем развитого, структурированного профессионального журналистского сообщества. Не обсуждая причин и природы этого явления, отметим: профессионально-моральное начало, работающее в современной российской журналистской среде, имеет скорее общеморальную («так мама воспитала»), чем специальную, именно профессиональную опору. Так уж сложилось (и отсюда в заголовке «что делать...»). Российская журналистика формируется на обломках советской, в основе которой лежала доктрина массовой агитации и пропаганды. «Так мама воспитала» в значительной мере нейтрализовало укоренение этой доктрины внутри «цеха», но к выработке профессионально-морального сознания, соответствующего представлениям о нем в западной либеральной журналистике, корпоративной в сугубо позитивном смысле этого понятия, формирующейся в рамках больших профессиональных структур, привести, конечно же, не могло.

И первое десятилетие «российской журналистики» революционным на этом направлении не оказалось. Да, в Кодексе профессиональной этики российского журналиста, принятом Союзом журналистов России, есть писаная профессионально-моральная норма, вполне соответствующая профессиональным стандартам мировой журналистики: «Выполняя свои профессиональные обязанности, он (журналист. — Ю.К.) *противодействует экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как социального и национального происхождения*». Замечательно точно сказано. Беда только в том, что сам Кодекс профессиональной этики вот уже семь лет живет как бы отдельно от повседневных профессиональных реалий российских журналистов (в том числе и членов СЖР), оставаясь не укорененным, да и, надо признаться, недостаточно известным документом.

Конечно, ситуация и в российском журналистском мире не безнадежна. Журналистика как профессия, поддерживающая индустрию СМИ, всеми своими колесиками погруженную в общество, каких-то рамок придерживается. В том числе — опираясь на здравый смысл рядового журналиста и редактора и на развитость их нравственного чувства, на стремление ставящего подпись под номером или учреждающего СМИ не иметь «на ровном месте» проблем с государственным регистрирующим органом и тем более — с Уголовным кодексом.

К тому же ситуация в российской прессе меняется: журналистское сообщество, находящееся на этапе бурной профессионализации, многому учится, в том числе на ошибках, над многим, в том числе и над тем, что относится к сфере профессиональной этики, начинает задумываться более основательно, чем 5–7 лет назад.

Один из примеров такого рода – иницируемый самими редакциями поиск профессиональной нормы: обычно в режиме «круглого стола» с коллегами и экспертами. Но именно пообщавшись в ходе одного из таких «круглых столов» с признанными, авторитетными носителями профессионального сознания, я имею серьезные основания утверждать: ожидать прорыва от журналистского сообщества в России в области становления полноценной профессиональной этики пока не приходится. Увы, даже в среде очень сильных журналистов и редакторов еще в ходу представление о том, что никакой «специальной» этики журналиста в природе нет и не должно быть, что представление о «допустимом» и «невозможном» в профессии – это личное представление конкретного пишущего или снимающего журналиста: опирающееся на его сугубо личное нравственное чувство, на то самое «мама воспитала».

Между тем, специфика журналистики предполагает – и это подтверждается мировой практикой ее становления и существования – формирование и активное поддержание, культивирование определенных и устойчивых признаков: профессиональных добродетелей, принципов, правил, норм, закрепляющихся в виде профессиональных стандартов и традиций, желательно без смешения с предрассудками или пережитками.

Есть ли шанс у саморегулирования?

Внятно проговорим две позиции, нуждающиеся в обсуждении и самими журналистами, и всем обществом.

Первая: пресса, стремящаяся использовать потенциал профессиональной свободы, институт репутационный в основе своей. На репутации конкретного СМИ и журналиста держится доверие к ним, на доверии – спрос на производимый продукт, на востребованности продукта – влияние, прямая и опосредованная.

Вторая позиция. Профессиональная свобода и профессиональная репутация журналистов в значительной мере зависят как от ограничений, налагаемых на прессу институтом внешнего, государственного регулирования, так и от признания самой прессой этого института единственно легитимным. Стремление минимизировать пространство опе-

ки института госрегулирования, имманентное независимой прессе, на практике сводится (огрубим ситуацию) к трем несопадающим линиям поведения их носителей.

Первая линия: СМИ (и его «группа поддержки», включая идеологических и финансовых «спонсоров») становится полем отвлекающей, антидемократической в основе борьбы за дурную «самость»: в том числе и откровенно негативного рода. Крайние случаи – когда квазипрофессиональное начало откровенно, цинично испытывает на прочность общество, государство и саму профессию: идет ли речь о демонстративном презрении к общественной морали или о попытках проверить качество общественных устоев, прощупать восприимчивость граждан к нацизму, например. В случаях такого рода мы сталкиваемся с квазижурналистикой, территорией «дикого поля», но никак не с уважаемой, социально ответственной профессией. Специально отметим: за позицией подобного рода обнаруживается, как правило, не отсутствие профессиональных знаний и навыков, а откровенное пренебрежение ими, а то и замена их нормами, требованиями, интересами иных профессий, чуждых журналистике или даже несовместимых с ней. Говорить о профессиональной этике этой категории пишущих и снимающих, а равно и с самими представителями этой категорией – время тратить. Тут должно действовать, причем жестко, повсеместно и повседневно, закону и тем, кто призван пресекать злоупотребления свободой слова.

Вторая линия поведения, вторая группа – это СМИ, журналисты, редакторы, хозяева которых попросту не задумываются о профессионально-этической составляющей даже как о репутационном ограничителе. Самая распространенная логика их существования – «как все и всё в стране». Как правило, ситуация эта относится к пришедшим в профессию в 90-е годы, что называется, с улицы. При различных мотивациях хозяев СМИ «новой волны» (честолюбие, политическое влияние, режэ – надежда на выгодный бизнес...), некоторая часть их либо действительно не понимает, что пресса, даже и максимально «приближающаяся к народу» – это не часть «улицы», либо попросту эксплуатирует тему «пределов допустимого». Именно в этой группе СМИ наиболее в ходу этнонимы, задевающие большие группы населения, именно здесь не зададутся лишним раз вопросом, переносить ли на полосу национальность задержанного, проставленную в милицейской сводке. Эта группа СМИ – наиболее массовая, в том числе по охвату читателей и зрителей, а потому и наиболее опасная. Например, когда очередная «подсадная утка» обращается к ведущему «Большого куша» (новый

проект канала СТС) со словами «Ах ты, грузин чернож...й, скотина»¹⁷, есть основания беспокоиться. Публично детабуизируя один из самых грязных этнонимов, телеканал, на котором запущено такое шоу, тем самым легализует его в качестве допустимого, приемлемого.

Особо надеяться на перемены к лучшему в этой категории СМИ не приходится. Но и отчаиваться тоже не стоит: можно предположить, что эта группа склонна разворачиваться «по ветру», в том числе – по политической моде. Сегодня в ней аukaется (набрав собственную инерцию, работающую на разрушение культурного начала) «сортирномочильная» лексика. Завтра сможет сработать другая, с иным знаком. Сработает ли?

И, наконец, **третья линия** и третья группа: очевидно неширокий, но реальный защитный пояс профессиональной журналистской культуры. СМИ и журналисты, выступающие носителями профессионально-нравственного начала, начинают собираться сегодня в профессиональные организации, обсуждают профессиональные нормы, примеряют часть из них к себе. Почему это важно? Да потому, что таким образом через обращение журналистов к идее реальных, работающих союзов (в которых профессионалов объединяет не формальное членство советских времен, а схожесть обновленных представлений о профессии и уважение к коллеге, подкрепляемое повседневным соответствием представлению о «нормальном журналисте» и в своем кругу, и у публики) и к профессиональной норме как основе именно профессионального поведения, в России начинает вызревать базовая клетка института саморегулирования.

Расширение пространства саморегулирования, предполагающее сужение пространства регулирования государственного, означает изменение качественной основы свободы и ответственности журналиста, перевод этой профессии в режим действительно ответственной свободы.

Язык Вражды как самостоятельный фактор

Это в теории. А на практике? О какой ответственной свободе речь, когда одна крупнотиражная газета считает полезным поместить читательское письмо «Я не националист, но надоело!», автор которого спрашивает: что делают в России раздражающие его «товарищи с Востока», «пыряющиеся ножиками» на его родном рынке, вьетнамцы, тор-

¹⁷ Цит. по: Петровская И. ТВ без табу//Известия. 2002. 7 сентября.

гующие там же китайскими джинсами, цыгане, просящие милостыню? Может, пора уже незаконных эмигрантов попросить, а тех, которые не захотят, по-хорошему выслать?¹⁸

А вот что пишет известный журналист газеты, гордящейся своим полуторамиллионным тиражом: «Если я вижу, что обыкновенная троллейбусная остановка за год превратилась в привокзальную площадку каких-то Кавминвод, причем это произошло не только с одной моей остановкой, а со всем нашим районом – а я, кстати, бываю и в других районах и вижу там такое же безобразие, – конечно, я поверю в полтора миллиона азербайджанцев»¹⁹.

Это брошенное мимоходом «безобразие», эти «какие-то» Кавминводы, этот алармизм тона и стиля аргументации, эта логика, наконец: «Вот они – сидят с утра до ночи на нашей остановке в своем тряпичном кафе-шалмане и кушают чебурек. Впрочем, мне в голову не приходит выяснять у наших местных «кавминводцев», кто они по национальности. Не мое это дело, верно? Но я твердо знаю одно: пока люди живут в своих домах, между ними не возникает никакой «национальной розни» и никакого «экстремизма». А когда одни люди начинают агрессивно и массово овладевать чужими домами, тогда эта рознь возникает, и никуда от нее не денешься, ни один народ не может позволить такого к себе отношения, как ты его ни уговаривай, как ни объясняй, что «национальная рознь – это плохо и стыдно». Да, плохо, да, стыдно, но... к этому все равно идет, хотите вы этого или не хотите»²⁰. Кто это, известный журналист или автор предыдущего письма, утомленный заходом на «свой рынок»?

Наш условный «этнолог» может найти в только что процитированном тексте подтверждение своей «табуизирующей» позиции: нечего такое печатать. Но «нечего» – это произвол, даже когда речь о произволе вкуса в наилучшем смысле слова. Вопрос более точный, даже и для сторонника позиции «не навреди» – есть ли основания отказать в публикации такого рода «беспокоящих» мнений именно из-за их выраженной эмоциональной составляющей.

Думаю, что правовых оснований нет. Что до оснований «внеправовых», то я, например, полагаю, что приведенное выше письмо публи-

¹⁸ Аргументы и факты. 2000. № 1–2.

¹⁹ Речь идет о прозвучавшей перед этим милицейской оценке численности азербайджанцев в Москве.

²⁰ Московский комсомолец. 2002. 27 июля. С. 3.

ковать стоило – как повод для серьезной читательской дискуссии. Да и написанное Юлией Калининой в ее колонке на полосе «МК» – вполне кондиционный профессиональный продукт, по крайней мере, с формальной точки зрения. Приведенный фрагмент текста не противоречит ни российским законам, ни нормам профессиональной этики. Доведись мне писать экспертное заключение по этому тексту, вопросов бы не возникло: процитированное не расходится с буквой большинства журналистских кодексов.

Хотя, подводя итог сказанному по части формального соответствия, я все же отметил бы, что указанный фрагмент текста «имеет признаки *Языка Вражды*». Что, например, журналист, описывая заведомо конфликтную этническую ситуацию, совершенно открыто обозначает свою пристрастную позицию. Что рассуждая о «своей остановке», экстраполированной на пространство Москвы, журналист на самом деле формирует не картинку, а «картину мира» в головах читателей – корреспондирующуюся с образом оккупированной территории. Что внося в мирную, хотя и очевидно раздражающую автора примету чуждого, непонятного ему быта («сидят с утра до ночи на нашей остановке в своем тряпичном кафе-шалмане и кушают чебурек») ноту никак не связанной с этой картинкой, но близкой угрозы («начинают агрессивно и массово овладевать чужими домами»), журналист впадает в тяжкий грех, поскольку активно эксплуатирует публично этнический стереотип, интенсивно формирует у действительно массового читателя чувство предубежденности по отношению к стереотипизируемой группе²¹.

Стоп-стоп. Получается, что *Языка Вражды* возник бы в моем гипотетическом заключении неким специальным разделом, отделенным от категории права и профессиональной морали? Парадоксально, но во многом именно так. Приведенный пример – тот случай, когда скорее именно нравственное чувство, материя много более тонкая, чем зафиксированная профессионально-моральная норма, подает сигнал: журналистский продукт находится на грани, отделяющей разжигание той самой «межнациональной вражды» от эмоционально окрашенного описания напряженной, ухудшающейся межэтнической ситуации, на своего рода «красной линии».

Следствие сигнала? Моральная рефлексия, запуск эмоций, работа мысли, поиск контраргументов: чего и добивалась журналист.

²¹ См. о стереотипах, например: Платонов Ю.П. Этнический фактор//Геополитика и психология. СПб.: Речь, 2002. С. 355–359.

Но это у меня, ходящего в Москве на «свой рынок». А у «человека с рынка»?

Но, возвращаясь к основной теме разговора, означает ли сама фиксация признаков *Языка Вражды* в этом и других материалах, что статьям такого рода дорога на полосы должна быть заказана или ограничена? И, наконец, что же понимается под *Языком Вражды*, многократно упомянутым, но не определенным?

Язык Вражды: первое приближение

Попытка объяснить по части понимания *Языка Вражды*, этой достаточно сложной языковой субстанции, отнесена в глубь статьи совершенно сознательно. Только определившись с сутью *Языка Вражды*, с его родовыми признаками, можно более или менее уверенно судить о характере ситуации, связанной с распространенным в российских СМИ подходом к описанию межэтнических и межконфессиональных отношений. Только согласовав представления о *Языке Вражды*, можно попытаться предложить какие-то рекомендации «городу и миру»: в нашем случае – не только самой прессе, но и той части общества, которая ощущает себя ответственной за изменение сложившегося положения.

Но исчерпывающего определения на данном этапе проекта нет и быть не может: для решения этой задачи требуются более глубокие исследования. В самом общем виде *Язык Вражды* есть основания рассматривать как специфический социально-культурный комплекс с характерным, выражено интолерантным началом, устойчивым признаком которого можно считать использование средств и инструментария массовой коммуникации для разрушения той части основ межэтнической коммуникации, которая напрямую относится к категории прав и свобод человека.

Заметим, что это рабочее определение позволяет уже сегодня сформулировать ключевую практическую задачу продолжения проекта следующим образом: способствовать освобождению языка средств массовой коммуникации от наиболее опасных элементов *Языка Вражды*. Для этого потребовалось бы обозначить границу, отделяющую «опасный *Язык Вражды*» от этнической информации любого рода и толка, не подрывающей правозащитного поля основ межэтнической коммуникации.

Под выведением «за красную линию» при этом понимался бы добровольный отказ не только отдельных профессионалов, но также и про-

фессиональных групп, редакций, союзов от употребления наиболее одиозных (активно интолерантных, имеющих выраженные признаки и характеристики *Языка Вражды*) идей, лексем, языковых приемов и т.д.

Проблема «порогов» – одна из сложнейших, и доподлинно известно, что готового ответа нигде не припасено. Хотя бы потому, что «пороги» в полиэтнических обществах сплошь и рядом обнаруживают свою неуниверсальность. Вопрос о том, «где проходит граница, за которой начинаются призывы к ненависти», в одном из исследований известной международной правозащитной неправительственной организацией «Article 19», отнесен, заметим, к категории «проклятых»²².

Полагая, впрочем, возможным «демистифицировать», прояснить вопрос о «порогах», сформулируем рабочую гипотезу, связанную с *Языка Вражды* в СМИ.

1. Сложные процессы саморазвития и самосохранения обществ, прежде всего полиэтнических, активно побуждают и сами эти общества, и их прессу фактически непрерывно перепроверять местоположение «порогов», запретов на «задевание этнического», налагаемых и поддерживаемых не только законом, но и моралью, общественной и профессиональной журналистской. Одним из способов такой проверки объективно выступает *Языка Вражды*, носители которого раз за разом испытывают способность конкретного общества проявлять «терпимость к нетерпимости», существующей в различных видах и формах.

2. Способность общества к самосохранению и саморазвитию не в последнюю очередь определяется характером и качеством закона и профессиональной журналистской нормы в интересующей нас области, а также характером и результатом практики нормоприменения в сфере как права, так и профессиональной этики. При этом естественно и правильно, что ни средствами права, ни средствами профессиональной этики все пространство языка массовой коммуникации не регламентируется.

3. Одним из универсальных показателей степени цивилизованности как общества, так и тех средств массовой информации, которые наиболее полно отвечают представлениям общества о «своей прессе», мож-

²² См. доклад Элен Дарбишир «Международные нормы, правила и декларации, влияющие на средства массовой информации в Европе: критический анализ». Русская версия доклада опубликована в: Роль прессы в формировании в России гражданского общества. День сегодняшний. М.: Институт гуманитарных коммуникаций. 2000. С. 105–152.

но считать внятность и мотивированность разделения негативно окрашенной «этнической» информации «своей прессой» на приемлемую и недопустимую применительно к собственным полосам.

Поиск базовой формулы

Из возможных версий мы выбираем в качестве «пилотной» версию «узкого» прочтения феномена *Языка Вражды*, полагая, что *Языка Вражды* как инструментальную конструкцию полезнее всего использовать в плане противодействия покушениям на права и свободы человека по признакам расовой, национальной, языковой и религиозной принадлежности. При этом в категорию *Языка Вражды* мы включили бы только агрессивно нетерпимое, угрожающе интолерантное – и именно в силу этого нуждающееся в выведении за поле повседневной практики СМИ; мы признаем, что такой подход не является единственно возможным. (Безусловно, имеет право на жизнь и другой подход, согласно которому к *Языку Вражды* может относиться, в том числе, и весьма неприятное, беспокоящее и даже нежелательное, но допустимое в интересах общества). Сильные аргументы в пользу такой именно позиции можно найти у авторов сборника «В поисках равновесия. Разжигание ненависти, свобода слова и недискриминация», выпущенного «Article 19»²³.

Своего рода прообраз искомой формулы *Языка Вражды* мы при этом формулируем следующим образом:

Язык Вражды в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений проявляет себя, как правило, через использование коммуникатором лексических и иных средств, характер которых позволяет определить цели, интонации, интенции, содержащие признаки установок коммуникатора на оскорбление, унижение, угрозу, а также подстрекательство к насилию, ненависти или дискриминации в отношении отдельных этносов, их частей или отдельных категорий или групп граждан.

Говоря о феномене *Языка Вражды*, мы можем описать его по набору системных признаков, как легко дешифруемый негативный сигнал высокой (достаточной) внятности и интенсивности, публичное свидетельство об объявлении «другого», во-первых, «чужим» или даже «чуждым», «враждебным» (речь об отчуждении волевым образом,

²³ Цит. по: В поисках равновесия. Разжигание ненависти, свобода слова и недискриминация/Под ред. Сандры Коливер. Варшава, 1996.

с демонстративным отказом от психологического контакта, попытки установления понимающей коммуникации), а во-вторых, заведомо неравным себе по достоинствам. Язык Вражды – это оформленный языковыми средствами и размещенный в сфере массовой коммуникации знак дискриминирующего размежевания: отказа в доверии по причине нахождения объекта вражды, основного адресата сигнала именно в «чуждой» общности, поражения его на этом основании в правах, в том числе моральных, отказа как самому объекту вражды, так и его миру, в том числе внутреннему, в праве законно и достойно представлять человеческую общность.

Что касается аргументов по части выбора предпочтительного отношения к *Языку Вражды*, то вот как формулировался основной аргумент в публикации «Article 19»:

«Существует большое число разнообразных гарантий демократии, и каждая ценна по-своему. Одной из них является свободный обмен мнениями и идеями. Всеми силами мы должны стремиться сохранить и демократическую дискуссию, и каналы ее постоянного использования. К сожалению, временами демократическая дискуссия, включающая пропаганду ненависти (в форме оскорбления или обвинительных расистских нападения) обязательно допускает унижение идей и верований, дорогих остальным людям. Наш центр заботится о том, чтобы такие нападения всегда встречали достойный, аргументированный отпор в виде дискуссии. Подавление подобных выпадов не будет решением проблемы, а скорее даже загонит ее вглубь общества и даст повод для актов насилия. Хотя это и весьма сложно, но мы все же отстаиваем мнение, что речь никогда не должна ограничиваться по ее содержанию. Любые ограничения выражения должны быть направлены только против его «заряда», как, например, выражения, прямо призывающие к незаконным действиям»²⁴.

Для того, чтобы позиция эта получила логическое, но и образное завершение, добавим к сказанному и еще одну реплику из документа «Article 19»:

«Нет необходимости напоминать, что в свободном обществе терпимость требует, чтобы мы терпели нетерпимость»²⁵.

²⁴ Там же. С. ix.

²⁵ Там же. С. 26.

Берега свободы: логика ограничительных мер

«Терпимость к нетерпимости» – сильная формула. Заметим, однако, что сама она явилась продуктом долгого развития именно правовых государств, с высокой степенью консолидации мнений их граждан по вопросам прав человека, включая право на свободу слова. Что, далее, сама граница терпимости подвижна – и не всегда движение происходит в сторону общечеловеческих идеалов, увы. Что, наконец, существует целый ряд международных соглашений (ратифицированных СССР и Россией), предусматривающих ограничения свободы слова в части пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти во всех ее формах²⁶.

Примером может служить та же телепередача «Антидеза», с которой начинается эта статья. Большое жюри заняло по отношению к этой эфирной публикации достаточно определенную профессионально-нравственную позицию²⁷. Но кое-что к сказанному выше полезно добавить именно здесь.

Во-первых, после Второй мировой войны человечество внимательно следит за любыми выбросами ксенофобии, расовой нетерпимости, шовинизма, но отдельно и специально оно наблюдает – в силу уже имевшей место попытки истребить, свести под корень два этноса, за проявлениями антисемитизма и за преследованиями цыган. Один из примеров недопустимого нигде в цивилизованном мире – обсуждение тезиса о том, что гитлеровский режим не ставил целью истребление евреев именно по национальному признаку. Попытки поднять тему, предложить «свежее видение» время от времени предпринимаются, но конец всегда имеет один – судебное решение. Это способ защиты жертв, но и способ защиты будущего.

Во-вторых, невозможно всерьез оценивать «Антидезу», исходя из буквы и духа профессионально-моральной журналистской нормы,

²⁶ Международные нормы, правила и декларации, влияющие на средства массовой информации в Европе: критический анализ. Обобщающий документ, представленный международной неправительственной организацией Article 19// Роль прессы в формировании в России гражданского общества. День сегодняшний. М.: Институт гуманитарных коммуникаций. 2000. С. 126–127.

²⁷ Решение Большого Жюри см. в Приложении. (Генерал-политик, покидая зал,отреагировал на него так: «Когда-нибудь вам будет стыдно за это решение». И – после паузы: «Не только стыдно». Вопрос одного из членов БЖ «Это угроза?» был оставлен без ответа.)

потому что перед нами – не исследовательская и не просветительская журналистика. Продемонстрировав возможности, таящиеся в манипулятивном использовании видео- и музыкального рядов, сочетания авторского текста с закадровым и с текстом – мнением эксперта, смешав достоверную информацию с недостоверной, отказавшись от представления альтернативной или просто критической точки зрения, «Антидеза» по совокупности черт и приемов должна быть совершенно определенно отнесена к эфирным публикациям с выраженными признаками пропаганды, направленной на разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды²⁸.

Пропаганду выдают, отличают от журналистики достаточно определенные признаки. А как быть с жанром привычным и, как показывает практика, активно востребованным частью населения, признаваемым именно журналистикой (а часто и апогеем ее) – публицистикой? Как правило, она также имеет достаточно четкую цель и распространяет или стремится распространить определенную систему представлений, идей, наблюдений конкретного автора. *Язык Вражды* в публицистике – пороховая бочка: не раз проверено. А *Язык Вражды* в тексте известного писателя-сатирика, скажем? Вот Михаил Задорнов, «Чечня: антикварные грабли России», публикация под рубрикой «Дневник писателя»: «Они должны по Дарвину пройти еще несколько ступеней развития и вынырнуть из своего первобытного общежития»²⁹.

И, кстати, какие странные пути проходит стереотип, как неожиданно всплывает у авторов, казалось бы, таких неблизких: вот «голос за кадром» в «Антидезе» приводит серьезный аргумент, как бы опровергая тезис о существовании антисемитизма в России: «Если бы в России действительно существовал антисемитизм, то евреи трудились бы, к примеру, в шахтах или плавил металл...»³⁰. А вот М. Задорнов:

²⁸ Казалось бы, сказанное дает основание полагать, что «Антидеза» подпадает под жесткие правовые ограничения. Но «творческая группа» передачи не зря так уверенно чувствовала себя и на Большом Жюри тоже. Определенные приемы, примененные авторами – включая настойчивое противопоставление ими «мирового еврейского капитала» «простым малоимущим евреям», – дают основание предположить, что обвинение в возбуждении национальной вражды окажется практически недоказуемым. Случай, когда *Язык Вражды* потирает руки: не дотянешься.

²⁹ Московский комсомолец. 2001. 14 декабря. С. 4.

³⁰ Антидеза. 2002. 28 июля.

«Представить себе чеченца, сеющего хлеб, так же нелепо, как еврея, помешивающего сталь в мартене»³¹.

От конкретной публикации известного сатирика логично сделать шаг к распространенной в нынешней прессе манере пошучивать, не оглядываясь на аудиторию, давшую повод для «этнической» шутки. Эта манера и ее следы представляют собой случаи не мотивированной, а часто и не замечаемой самим журналистами интолерантности, это – неумышленные нарушения того, что некоторые исследователи именуют для простоты заимствованным термином «политкорректность». «Стебные» фразы – а то и заголовки! – может быть, и способные вызвать в Москве какое-то число улыбок, в Казани или Киеве воспринимаются как очередное подтверждение торжества имперского стиля, могут задевать, вызывать сугубо негативные эмоциональные реакции.

А как квалифицировать «прикольный» для запустивших его в эфир вопрос: «Не являются ли пожары в Подмоскovie проявлением еврейского заговора?», ставший основой интерактивного опроса для дежурной бригады «Сегоднячко» (ТНТ) в один из первых сентябрьских дней? «Некоторые из зрителей, дозвонившихся в студию, возмущались: это не вопрос, а провокация. Как-де можно в и без того сложнейшей ситуации, когда то тут, то там обнаруживают щиты с надписями антисемитского содержания, провоцировать население на проявление подобных настроений?» Ирина Петровская, описывая ситуацию ухода «прайм-таймового» эфира в область театра абсурда, прокомментировала увиденное миллионами телезрителей так: «Я далека от мысли считать случившееся в эфире «Сегоднячко» провокацией – особенно если учесть, что руководитель программы Лев Новоженев отнюдь не славянин. Просто ребята, как всегда, резвились, полагая, что телеэфир «Сегоднячко» – их вотчина, в которой можно делать все, что взбредет в их молодые и озорные головы»³².

Соглашаясь с Ириной Петровской (мнение которой мне всегда интересно), в оценке дефектов «вотчинного» подхода, особенно на телевидении, я, однако, в данном случае вынужден обратиться к известной формуле «врачу, исцелися...». Ну, какое, право же, отношение к персональным профессиональным ошибкам дежурной бригады «Сегоднячко» имеет этническая принадлежность отсутствовавшего в студии руководителя программы, с какой стати она оказалась поводом для пуб-

³¹ Московский комсомолец. 2001. 14 декабря. С. 4.

³² Известия. 2002. 7 сентября.

личного обсуждения – пусть и в форме реплики? Увы, известный телеобозреватель под влиянием эмоций забыла в данном случае один из самых известных пунктов писанных журналистских кодексов: этническая принадлежность человека (как и другие персональные данные: от пола и возраста до принадлежности к религиозным объединениям или сексуальной ориентации) может быть упомянута публично только в случае, когда это имеет существенное значение для понимания сути дела. (Из 45 проанализированных мной профессионально-этических кодексов, действующих в трех десятках стран, эта позиция была зафиксирована в 31 документе.)

Но вот фокус: российские телепрограммы и телеканалы живут сегодня в пространстве, как бы выведенном из сферы действия профессионально-нравственной нормы, по меньшей мере, писаной. Хартия телерадиовещателей, содержащая некоторое количество вполне современных профессиональных норм, умерла, фактически не родившись. Представители телевидения и радиовещания и без Хартии обходятся. Что делать...

Что делать?

Толерантность в российской прессе, безусловно, не может иметь характер принципиально иной, чем в любой другой прессе. Но при этом относиться к ней, как представляется, нужно много бережнее: не позволяя *Языку Вражды* безнадежно изменить состав грунта на нашей не самой устойчивой к морозам и заведомо не самой богатой опытными «садовниками» грядке.

Софийская декларация (1997), одобренная затем на 29 сессии Генеральной Ассамблеи ЮНЕСКО, подводя своего рода промежуточный итог укреплению независимости и плюралистичности СМИ, закрепила за самими журналистами право выбирать правильные методы профессиональной деятельности.

Притом, что за минувшие пять лет в сфере профессиональной этики журналиста в России имело место достаточно много обнадеживающего, территория межэтнического и межконфессионального взаимодействия в духе и логике ключевой позиции Софийской декларации журналистами фактически не осваивается. И это притом, что в этой этапной для профессии декларации есть специальный пункт, посвященный ксенофобии и столкновениям между различными этническими и религиозными группами как угрозе миру и демократии – и тому, что могли бы предпринять в этой ситуации журналисты.

Основываясь на конкретных рекомендациях Софийской декларации (обращать внимание журналистов, в рамках программ подготовки по журналистской этике, на опасности, связанные с предрассудками и дискриминацией; проводить более правильную политику подбора кадров, способствующую привлечению журналистов и журналистики, представляющих этнические и другие меньшинства), сделаем вот какое предположение. Заметным продвижением вперед – в духе этого документа, а равно и в логике связки принципов «легитимность – законность – демократическая необходимость» – было бы признание российскими журналистами, по крайней мере, действительно озабоченной частью профессиональной среды, самой необходимости договариваться о противодействии *Языку Вражды* и формализация в какой-то форме самой общей установки на такое противодействие: возможно с принятием для начала каких-то очень простых самообязательств (на уровне как ассоциаций, так и редакций).

Не считая возможным рекомендовать какой-то конкретный набор пунктов, сформулирую только идеологию такого шага:

Отказ от установки на оскорбление, унижение, угрозу, а также подстрекательство к насилию, ненависти или дискриминации в отношении отдельных этносов, их частей или отдельных категорий или групп граждан не требует принятия каких-то кодексов или специальных норм, он может формироваться как редакционное «честное слово», не обязательно письменно фиксируемое. Вместе с тем, зафиксированный самообязательством, известным читателю, этот отказ становится сильным, эффективным инструментом связи СМИ с общественностью, элементом восстановления и укрепления уважения граждан к журналистам и журналистике. Этот отказ легко проверяется – и самими журналистами, и их читателями. Этот отказ, что принципиально важно, не будучи ни самоцензурой, ни переходом на принцип «дозирования» информации, способен заметно повлиять на атмосферу в обществе, снизить градус насилия, укрепить иммунитет российской демократии: в том числе и за счет роста доверия к слову.

Этот пункт я бы так и зафиксировал в списке практических рекомендаций, в разделе «Что делать?», **первым**. С ним вроде бы все ясно.

Пункт второй – также понятный. Не знающий или не желающий знать какие-то очень важные вещи о собственной профессии журналист не просто профессионально неполноценен, он еще и ходячая угроза, фактор повышенного риска. Вывод? Журналистам нужно позволять получать профессиональные знания, и прежде всего – системати-

ческие знания о профессиональной этике, в том числе и в ее сравнительном виде (информационный мир един, партнеры, перегоняющие ежедневно тонны новостей через границы, должны понимать друг друга как профессионалы, а не просто как элементы информационных бизнес-структур); журналистов нужно стимулировать к этому. Последнее относится и к работодателям, и к гражданам, имеющим дело с готовым профессиональным продуктом.

Пункт третий. Журналист, работающий с межэтнической и межконфессиональной проблематикой, обязательно должен быть журналистом-направленцем. Специфика этой тематики и реакции на публикации по ней заставляют убеждать редакторов и работодателей: не передоверяйте подготовку материалов по этой тематике специализирующимся в других областях – и используйте все возможности, чтобы ваш «профильный» специалист имел возможность все время пополнять знания. Поощряйте его поездки на специальные семинары, в том числе и не журналистские, поощряйте его стремление быть в газете или журнале не ретранслятором сказанного специалистами, а партнером специалистов, организатором «круглых столов», например. Но – внимание:

Четвертый пункт. И журналист, и редактор, и издатель газеты, заинтересованные в ее репутации, не должны пускать на самотек вопрос о качестве и идеологии эксперта, который приглашается для ведения «этнического» направления или, в силу достаточно частого появления в роли консультанта передач или эксперта, отвечающего на вопросы автора и аудитории, начинает восприниматься как выразитель позиции редакции. К сожалению, ситуация, когда журналист приглашает ненадлежащего эксперта (как по качеству знаний, так и по подходам, не соответствующим нормам толерантного сознания, «загруженного» набором собственных идей, определенная часть которых может просто не вписаться в демократическую систему ценностей и представлений о правах человека) – явление не такое уж редкое. Ненадлежащий эксперт не только создает репутационный риск для самого СМИ, но и отягчает ответственность журналистов за «картину мира» в головах пользователей продукции СМИ.

Означает ли сказанное, что приглашаться должны только «правильные» эксперты? Нет, конечно. Но дело чести газеты, чтобы «ее» эксперт был экспертом именно «надлежащим», адекватно представляющим редакционную политику и помогающим ее формированию на сложнейшем направлении.

Пункт пятый. Журналистов нужно специально готовить к функции партнеров граждан. Поэтому я на своих семинарах рекомендую журналистам, серьезно обсуждающим этническую проблематику, попробовать себя в роли исследователя. Раздавая в пакете документов Общеполитическую рекомендацию ECRI (Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью) № 4 «Национальные исследования по вопросам восприятия проблем расизма и дискриминации их потенциальными жертвами», я обычно объясняю: государство, для которого этот документ подготовлен, ничего не успевает, и до этого у него руки еще неизвестно когда дойдут. Но вот вы живете на территории, где проблема эта есть, и потенциальные жертвы есть тоже. Превратите «казенное» исследование в журналистское, а если получится – общественно-профессиональное. Приложение «Основные принципы организации исследований по вопросам восприятия проблем расизма и нетерпимости их потенциальными жертвами» – это, по сути, квалифицированная подсказка по всему циклу работ. Сходите к правозащитникам, к социологам в университет, к студентам – вам удастся собрать богатейший материал. Если с ним грамотно обойтись, представить в исследовании картину своего региона, не подставляя при этом конкретных людей, защитив их профессиональными журналистскими средствами, когда в этом есть нужда (от идентификации, например) – изданию цены не будет. А доверие? А репутация? А самоощущение?

У меня нет информации, что такое исследование хоть где-то было однажды проведено и доведено до конца: региональному журналисту такое дело в одиночку не поднять, да и времени ему никто на это не даст. Но, во-первых, идея такого исследования непременно будет реализована: об этом говорит интерес к ней на этапе знакомства с документами. Во-вторых, сам журналист, подержавший однажды в руках этот и другие документы той же ECRI, перестает быть просто ретранслятором, «говорящей ручкой», в нем запускается процесс систематизации и углубления знаний и представлений о предмете на европейском уровне, что само по себе драгоценно.

Пункт шестой. Еще одна рекомендация, не оригинальная, если говорить об идее. В начале 90-х в Германии мне попался сборник небольшого объема (с полсотни машинописных страниц), выпущенный социал-демократами. Одна из его частей, за подписью авторитетного члена бундестага, состояла из 18 небольших блоков: каждый блок состоял из формулы, отражающей негативный этнический стереотип по отношению к иностранцам (мигрантам), и аргументации,

опрокидывающей этот стереотип. Стереотипы были такие: «Иностранцы лишают нас рабочих мест!», «Иностранцы – плохие коллеги!», «Иностранцы разваливают нашу социальную систему!», «Иностранцы должны работать у себя на родине!», «Иностранцам слишком хорошо живется!», «У иностранцев слишком много детей!», «Иностранцы не желают интегрироваться!», «С иностранцами невозможно жить рядом!», «Иностранцы агрессивны и криминальны!». Согласитесь, где-то мы это слышали, может быть, и не в такой демонстративно спокойной форме? В данном разделе на короткое и отвечалось коротко: 10–15 строчек реплики-возражения. А вот дальше ключевые вопросы получали уже развернутые ответы: на 4–5 страниц, с цифрами, фактами, аргументами.

Полагаю, нам сегодня практически повсюду не хватает такого рода материалов, помогающих преодолеть стереотипы, предубеждения, предрассудки. Нужны они позарез, особенно в регионах, где межэтническая ситуация напряжена – на той же Кубани, к примеру. Но взяться им у нас неоткуда: государству это не нужно, неинтересно, да и не с руки. Партий в настоящем смысле, с ориентированными на граждан информационными службами, у нас тоже нет (брошюра-то немецкая была именно партийной по происхождению). Общественные организации? Да тоже – пока раскочаются...

Показывая германскую брошюрку, я обычно говорю: вот замечательный образец логики, полезной СМИ – и образец реализации этой логики. Создание такой брошюрки на местах – чем не повод для СМИ собрать фокус-группу: чтобы выделить, наконец, основные предубеждения и предрассудки в межэтнической сфере, подискутировать, услышать аргументы: да тут хорошей газете работы – на месяцы. А какие люди придут под такое дело, а какую пользу это доброе дело принесет! А какой серьезный резерв у СМИ, как у элемента гражданского общества, появляется в социальной и политической сфере для работы с политическими партиями!

Седьмой пункт. Если мы говорим о профессиональной этике, задача журналистских организаций и союзов – вносить свою лепту в поддержание профессиональной и общественной дискуссии по межэтнической тематике на уровне и в традициях, соответствующих демократическому обществу. Выше, обращаясь к теме передачи «Антидиза», я рассказал о заседании Большого жюри СЖР, – это как раз и был акт поддержания профессионального гомеостаза в режиме демократической процедуры и с действительно демократическим решением.

Возвращаясь к линии в межэтнических отношениях, характерной для наших СМИ, замечу: она скорее интуитивна, кланова или даже классовая, чем профессиональна. В самом деле, если у журналиста нет каких-то системных ориентиров на этом направлении, откуда быть именно редакционной политике? Значит, будет президентская или главы районной управы. Или никакой не будет – от греха подальше и по отсутствию интереса.

Между тем, у мировой и европейской журналистики есть, если угодно, программные документы, предполагающие современно определенное поведение СМИ по ряду вопросов: таким, как толерантность, прежде всего. Не цитируя в деталях (кому будет интересно – найдут сами), упомяну здесь о документе, принятом Международной федерацией журналистов пять лет назад в Бильбао: «Пришло время проявлять толерантность: СМИ и вызовы расизма». Принципиальную важность в этом документе представляют разделы-представления, посвященные оскорбительным формулировкам, стереотипам, принципам и правилам освещения меньшинств в СМИ, и разделы, содержащие общие профессионально-этические рекомендации. Мне кажется, что, как минимум, изучение и обсуждение этого документа в союзах и редакциях должно было бы состояться по инициативам тех же журналистских союзов на местах. Не состоялось – не убежден, что есть этот документ в регионах.

Но если нет, то почему нет? Строго говоря, деятельность (проблему бездействия, низкого КПД) профессиональных союзов нужно было бы прописывать отдельной позицией. Фиксирую проблему, ничего не прописывая: слишком деликатная тема.

Вообще, внутривидового диалога, дискуссии по основным вопросам жизни профессии, союза, редакции – за редчайшим исключением (как правило, в режиме семинара или конкурса) – в профессии нет. Она, образно говоря, не дышит и не думает. Нет сомнения, что *Язык Вражды* может и должен стать одним из поводов такой дискуссии, но пока этого не происходит. Что делать...

Восьмой пункт. Что делать? Продолжать проект, чтобы кому-то уже завтра не пришлось начинать все заново и, увы, почти с нуля.

Анна Севортьян

Действия против языка: нонсенс или шанс?

Язык – живая материя, которая не подчиняется политической воле, погоде, сопротивляется насилию и пр. Так скажет любой филолог, подчеркнув, что «предпринимать конкретные действия против языка» – абсурд не только содержательный, но и стилистический. Тем не менее, практика подобное допускает, и именно эта уязвимая в филологическом отношении строчка оказалась среди значимых компонентов проекта «Язык Вражды в российских СМИ». Такова предыстория весьма любопытных общественных действий и акций в шести городах России: Рязани, Перми, Санкт-Петербурге, Краснодаре, Новороссийске и Кермерово.

Об «антиязыковой» деятельности

Акции всегда считались эффективной формой сообщения миру плохих новостей. В проекте же мы надеялись сделать видимой для горожан проблему дискриминационных, уничижительных высказываний и лексики в публичном обороте. Прежде всего – в СМИ, поскольку появление *Языка Вражды* в прессе и на ТВ почти автоматически переносит эти стереотипы на «улицу», в обыденную жизнь, показывает, что это – норма. Отсроченным или почти немедленным результатом становятся новые конфликты и непонимание.

Понимая, что точно определить аудиторию, с которой нам придется работать, затруднительно, мы обозначили цели достаточно широко: привлечь внимание журналистов и начать общественную дискуссию о *Языке Вражды*. А дальше, собрав в кулак весь свой авантюризм, начали искать надежных и творческих партнеров в профильных регионах и устраивать краткий идейный и боевой «инструктаж», параллельно узнавая, что в некоторых городах отдельные аспекты *Языка Вражды* даже обсуждались на переговорах с силовиками. Например, пермские правозащитники еще в 2001 г. поднимали тему милитаризации современного языка (со всеми его «арсеналами», взятиями «на вооружение» и постоянной «борьбой»).

Хотя самым сложным в акционном процессе оказалось соблюдение сроков, с мая по сентябрь при координации Центра развития демократии и прав человека и консультативной поддержке МХГ, ФЗГ и «Панорамы» была организована эстафета акций под условным названием «Чистый город»/«От языка вражды к языку мира». Несмотря на то что каждая региональная команда проявила достаточно оригинальности в выборе мероприятий, отдельные элементы акций во всех городах были схожи.

Несколько технологий, отработанных за эти месяцы, можно без зазрения совести назвать перспективными и результативными. Ведь даже если забыть обо всех находках и удачах, значимых для инициаторов, или толерантную реакцию горожан (вспомните себя, когда вам пытаются всучить флаер!), мы «подарили» России несколько чистых заборов. Это, согласитесь, уже почти прорыв для страны, где каждый «уважающий себя» город может похвастаться не одной стеной с цветистым высказыванием – не просто с использованием сниженной ненормативной лексики, а еще и с националистическими призывами...

О чистоте стен и заборов

В Рязани родилась одна из таких технологий, когда группа молодых рязанских правозащитников первой устраивала акцию по проекту. Уже на начальном этапе обсуждений «оскорбительные и погромные надписи» на домах и заборах попали «под прицел». Как верно рассудили рязанцы, эффективность такого пиара велика – 20–30 надписей в разных районах создают впечатление, что национализм в Рязани – чуть ли не господствующая идеология. Правозащитники же не могут платить той же монетой и доводить до «народа» свои человеколюбивые убеждения через граффити.

Впрочем, отчасти могут, оказывается. Одной из целей молодежной акции «Чистый Город», разработанной Рязанской Школой прав человека, как раз было помешать распространению националистических идей на «поле» противника – то есть на стенах и заборах! *Язык Вражды* на них было решено попросту замазать. Этим, кстати, должны бы заниматься муниципальные службы, так что определенную услугу этой побелкой оказали и им.

Первые шаги к чистому городу рязанские антифашисты совершили в мае и июне 2002 г., в сентябре Рязанская Школа прав человека возобновила акцию. В этот раз националистические лозунги на стенах

и заборах закрашивали участники детского образовательного лагеря «Гражданин мира». Десять человек с валиками и кистями сумели очистить город от огромных изображений свастик и лозунгов вроде «России – русский порядок!».

Также в рамках проекта были проведены пикеты и создана передвижная фотовыставка «Язык вражды или язык мира?» с использованием газетных публикаций. В финале во Дворце молодежи прошел концерт с участием популярных групп и местных команд КВН, на котором несколькими рязанским СМИ и отдельным журналистам были вручены «премии толерантности». Итоги «месячника против *Языка Вражды*» правозащитники подвели на заключительной дискуссии с представителями национальных общин Рязани.

В Кемерово идея закрашивать заборы оказалась такой же популярной, как в книге о Томе Сойере. В цикле кемеровских мероприятий (этот город был последним в акционном марафоне) она обрела наиболее заметное выражение. Вместе с активистами Лиги защиты культуры и подростками участвовать в уничтожении дискриминационных надписей согласился... чемпион мира по ледолазанию, студент спортивного факультета Кемеровского университета Александр Матвеев.

Ему предстоит (поскольку статья пишется до чемпионского выхода) закрасить свастику и ругательство на верхнем пролете моста через реку Искитимка, рядом с парком Победы имени маршала Жукова. Затем десант «Чистого слова» (так называли акцию в этом городе) отправится на другие объекты.

К октябрю Кемеровский Центр независимой журналистики и его единомышленники готовят фотовыставку «В мире добрых слов» в Областной научной библиотеке им. В. Федорова и конкурс школьных сочинений «Мы говорим и пишем на языке мира!». Первым учебным учреждением, где он пройдет, станет школа № 69. Конкурс поможет начать разговор о различиях между *Языком Вражды* и нейтральным языком, позволяющим не создавать, а избегать нагнетания конфликтов в обществе.

Об импровизированных дискуссиях

Второй по популярности технологией после побелки заборов стало проведение дискуссий (с приложениями-фотовыставками). Беседы получились удивительно разными – оживленными и не очень, науч-

ными и эмоциональными, камерными и открытыми. Уже на одной из первых кто-то из участников посоветовал «вместо рассуждений о *Языке Вражды* переходить к делу». В качестве первого такого «дела» была устроена очередная дискуссия – уличная.

В Перми у центрального универмага в день закрашивания надписей – 26 июня – был развернут стенд с тематическими фотографиями. Экспозицию правозащитники создавали как наглядное подтверждение того, что Пермь не обойдена Языком Вражды – не только на уровне внешнего облика города, но и на уровне воззрений его жителей. У стенда – несколько «возмутителей спокойствия», «мемориальных» волонтеров и правозащитников раздают флаеры о *Языке Вражды* и вызывают пермяков на разговор. В итоге разговор не просто завязался – затянулся, ибо под конец акции к ЦУМу подтянулись группки националистов.

Психология толпы не так проста: неожиданно для организаторов люди реагировали на акцию с гораздо большим пониманием, чем ожидалось. Из всей массы розданных флаеров тут же полетели на асфальт и в урны всего с десяток. Более того, люди читали то, что написано в оранжевых листовках! Некоторые даже возвращались, готовы были говорить о проблеме. Противники акции вполне резонно заявляли, что в Перми им негде публично рассказать о своих взглядах, что пресса избегает острых дискуссий. Насколько мне вспоминаются похожего рода московские акции и раздачи агиток, они всегда проходили с гораздо большими «сучками и задоринками»...

А передвижная выставка «Это – язык вражды!» в июле и августе переехала в музей истории политических репрессий «Пермь-36» для проведения с молодыми волонтерами занятий по теме «Толерантность». С сентября общими усилиями выставку расширяют. Новые материалы показывают, с одной стороны, к чему приводит *Язык Вражды* и «думание» на нем, а с другой – предлагают альтернативу ему. В таком виде в течение следующего учебного года выставка будет демонстрироваться в средних школах Перми как дополнение к занятиям по теме «Толерантность».

В Новороссийске в рамках акции «Город без вражды» создавали экспонаты для будущей выставки сами горожане. 27 июня на площади Пушкина между деревьями волонтеры «Школы мира» установили перетяжку с символикой акции, трибуну и флипчарт. Проходим – молодым и не очень – предлагалось либо высказаться с трибуны, либо письменно поведать о своем отношении к вражде и миру и принять учас-

тие в мастер-классе художника Владимира Сердюка по созданию плаката мира.

Эта технология позволяет даже человеку, который до этого не чувствовал в себе художественного дара, выразить свои мысли и убеждения в плакатной форме. Несколько днями позже мастер-класс был повторен на берегу озера Абрау для 25 молодых людей, участников волонтерского лагеря, которые во время акции были заняты важным (и почти уже ставшим культовым) делом – закрашиванием «враждебных» граффити. В итоге за два дня – не только 15 очищенных от «националистической скверны» стен, но и полноценная коллекция толерантных плакатов. Их образы и символика акции «Город без вражды» будут использоваться, например, при проведении конкурса студенческих журналистских работ в номинации «Язык мира» в 2003 г.

В Краснодаре же, вышедшем по результатам мониторинга *Языка Вражды* на первое место, решили провести уже привычную дискуссию (учитывая сложность обстановки – в этот период в крае начались наводнения и одновременно обострилась ситуация с нарушениями прав турок-месхетинцев, после чего в одной из станиц была объявлена голодовка).

Вопреки опасениям, разговор пошел относительно ровно. Журналисты в меньшей степени задавали вопросы провокационные, скорее просто «на понимание». После этого мероприятия, пожалуй, в первый раз после знакомства с данными анализа публикаций в голове промелькнуло: тот, кто заказывает музыку, не обязательно лишает музыкантов способности думать...

Об экспериментах с городскими знаками

В Санкт-Петербурге акцию, заключающуюся в установке знака «Здесь запрещено употребление слова...», предварял телевизионный опрос с целью определить мнение горожан о месте установки знака. Опрос прошел в прайм-тайм 8 июля на самом популярном в городе телеканале «Петербург – 5 канал» в программе «Семь вечеров».

По ходу переговоров, познакомившись с концепцией акции и мониторингом СМИ, руководство телепрограммы согласилось целиком посвятить передачу обсуждению проблемы *Языка Вражды*. Эфир начался четырехминутным сюжетом об акции, после чего зрителям предложили высказать свое мнение о том, где следует установить такой знак и какими мерами можно справиться с межнациональной рознью.

Вторая тема вызвала больший интерес, и ответы также оказались нетривиальными: из 2100 позвонивших в студию 850 уверены, что с рознью справиться нельзя «никак», 838 полагаются на воспитание, а оставшиеся 412 – на «силу закона». Знак большинство петербуржцев считало уместным установить у Дома журналиста, что и было сделано несколькими днями позже – в присутствии представителей СМИ. Чтобы не перечислять на знаке слов, относящиеся к *Языку Вражды*, их написали на бумажном пакете, с торжественного срывания которого началась акция.

Закончить «питерский цикл» мероприятий по графику не удалось: спустя несколько дней две инициативные группы заявили о желании установить еще несколько подобных знаков в городе. Один из них сотрудники молодежной неправительственной организации «Взгляд в будущее» захотели увидеть у здания, в котором расположен их офис и Молодежный информационный центр. Другой представители азербайджанского национально-культурного общества предлагают установить у курируемого их организацией памятника Низами, сооруженного в Петербурге в 2002 г. на средства Правительства Азербайджана. Сейчас по поводу установки этих плакатов идут переговоры.

Об итогах, в том числе неожиданных

Итак, события развивались динамично и даже вселяли умеренный оптимизм, пока не приспел час подводить итоги акций по проекту. Они, как и следовало ожидать, оказались весьма неоднозначными, а некоторые даже со знаком «минус».

Прежде всего, большинство закрашенных ругательств были намаLEVаны вновь (хотя в Рязани на первых порах кто-то (вероятно, муниципальные службы) продолжал замазывать коричневой краской «заборное творчество»). Из-за восстановления этих надписей один из журналистов крупного федерального издания справедливо раскритиковал некоторые методы и заблуждения вдохновителей и организаторов акций. Дескать, декабристы разбудили Герцена, а правозащитники – «расистов»...

Несомненно, можно оценивать происходящие и так, хотя вряд ли «враждебные силы» спали крепким сном, если пробудились так стремительно. «Обратная связь» после акции в Перми показала, что настроения в городе отнюдь не только благостные. И хотя еще несколько недель после закрашивания на пейджер «Мемориала» сыпались «ад-

реса для побелки стен», но были и совсем другие сообщения («Каждому свое. Адольф Алоизевич», «*Язык Вражды* – это иврит. Посмотрите в интернете Талмуд», «У меня есть еще краска»).

Правда, правозащитники на новые надписи откликнулись очень быстро: очередным рейдом закрашиваний, намерением привлечь коммунальные службы, которым по штату положено следить за опрятностью стен и заборов. Только на уровне «краски» даже от этой пресловутой «назаборной живописи» не избавиться, и это достаточно очевидно уже сейчас.

По мнению мемориальцев, новые образцы *Языка Вражды* были сделаны тем же почерком, теми же авторами, что и предыдущие. И люди эти хотят быть или казаться не менее принципиальными, чем правозащитники. Но, естественно, проблема затрагивает не две эти небольшие группы, а подавляющее большинство пермяков – да и россиян в целом.

Даже во внешне спокойных и миролюбивых городах предостаточно острых противоречий. До поры все это скрыто, *Язык Вражды* – на уровне шепота, толерантность – «в пределах нормы». А нетерпимость, ненависть, конфликт разрастается себе... Примеров тому накопилось предостаточно даже за период реализации проекта. Так, в благополучном и по мониторингу, и по отзывам коллег Кемерово после трагического подвига Татьяны Сапуновой на одном из шоссе появился антисемитский щит. Проблему увидели...

Акции против проявлений *Языка Вражды* можно расценивать и как смелые, и как спорные, и как совершенно несерьезные и мягкотелые. Но даже будучи уязвимыми по форме и исполнению, они встретили отпор, ответную волну. Так что действия предпринимать можно. Но – и здесь словесники правы – не против языка. Нужны упреждающие действия, чтобы *Язык Вражды* не провоцировал конфликт.

P.S. Да простят меня коллеги за, возможно, неудачный выбор стиля и языка при попытке рассказать об общей работе – интересной, напряженной и продуктивной. Писать о *Языке Вражды* непросто даже тем, кому неприятно читать *Язык Вражды* в материалах других.

Роман Сапожников

Правовые механизмы противодействия разжиганию национальной вражды с использованием средств массовой информации

В этой небольшой статье мне бы хотелось не только перечислить имеющиеся в российском законодательстве механизмы, препятствующие возбуждению этнической и религиозной вражды с использованием средств массовой информации, поскольку большинству читателей эти правовые нормы, скорее всего, известны. Основной задачей было оценить возможности их использования представителями неправительственных правозащитных организаций или национальных объединений, в том случае если у них возникнет желание как-то отреагировать на возмутившую их публикацию или передачу.

Сейчас писать на эту тему довольно сложно, и сложности эти вызваны той юридической путаницей, неразберихой, которую внесло во всю обсуждаемую область права принятие закона «О противодействии экстремистской деятельности», и связанные с этим изменения в законодательстве. Уже было высказано слишком много критических замечаний в адрес упомянутого закона, чтобы останавливаться на этом подробно. Скажу лишь, что, на мой взгляд, никакой юридической необходимости в принятии подобного акта вообще не было, в существующем же виде он представляет собой лишь помеху эффективному правоприменению. Однако закон принят и действует, и понятно, что какое-то время придется работать с ним или, по крайней мере, учитывать факт его существования. Не хотелось бы обращаться к заложенным в этот пакет нормам, как совершенно справедливо указано, «не следует его легитимизировать в общественном сознании»³³,

³³ Верховский А. Государство против радикального национализма. Что делать и чего не делать? М.: Панорама. 2002. С.134.

но и игнорировать их невозможно, особенно в тех случаях, когда в законодательство внесены не просто добавления, а изменения, и старые, более или менее понятные формулировки заменены новыми, еще более нечеткими.

В соответствии с ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, не допускаются. Конкретизируя конституционную норму, законодательство РФ предусматривает достаточно разнообразные способы борьбы с разжиганием этнической и религиозной вражды в средствах массовой информации.

Традиционно на первое место ставится уголовная ответственность, хотя круг деяний в рассматриваемой области, наказуемых в уголовно-правовом порядке, должен, по моему мнению, быть не слишком широким и охватывать лишь наиболее «тяжелые» случаи, представляющие наибольшую общественную опасность. К счастью, ст. 282 Уголовного Кодекса, устанавливающая ответственность за возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, не «пострадала» от нововведений и осталась в прежнем виде. Эта ранее столь часто критикованная норма на фоне вновь внесенных в законы изменений выглядит достаточно понятно, по ней существует некая (хотя и не столь богатая) судебная практика, поэтому именно к этой статье и стоит апеллировать, во всех случаях разжигания национальной вражды отдавая ей предпочтение перед нормой ст. 280, которая теперь стала настолько широкой и всеобъемлющей, что «поглотила» и состав преступления, предусмотренный ст. 282, поскольку он теперь также относится к «экстремистской деятельности». Эта необъятность новой редакции ст. 280 будет, как мне кажется, только мешать ее применению, именно потому ст. 282 представляется в данном случае предпочтительнее.

Поскольку активность прокуратуры в выявлении и расследовании преступлений данной категории была и остается минимальной³⁴, антифашистские общественные организации, если они ставят перед собой задачу борьбы с разжиганием этнической вражды именно средствами уголовного правосудия, должны использовать предоставленное им уголовно-процессуальным законодательством право обратиться

³⁴ Ответ Главного информационного центра Министерства внутренних дел Российской Федерации от 25.06.2001 г. № 34/4-220 на запрос депутата В.В. Игрунова, статистическая справка.

в прокуратуру с сообщением о совершении преступления – и требовать ответа на свое обращение. Отметим, что закон о прокуратуре дает достаточно возможностей для реагирования, даже в тех случаях, когда оснований для возбуждения уголовного дела нет (вследствие его небольшой общественной опасности, например). В частности, прокурор может вынести представление об устранении нарушений закона и предостережение о недопустимости нарушений закона (ст.ст. 24 и 25¹ Закона «О прокуратуре»). Если раньше предостережение могло быть сделано только должностному лицу, то теперь его можно вынести «руководителям общественных (религиозных) объединений и иным лицам», но только в тех случаях, когда готовящиеся противоправные деяния содержат признаки экстремистской деятельности. Не снимая замечаний к излишне широкому определению «экстремистской деятельности», отмечу, что само по себе такое добавление может оказаться полезным.

Несмотря на то что добиться от прокуратуры каких-либо действий по пресечению разжигания национальной розни весьма непросто, дело это не совсем безнадежное: «практически все уголовные дела, закончившиеся обвинительным приговором (дела праворадикальных лидеров Ильи Лазаренко, Константина Касимовского и др.) или закрытием газет («Штурмовик» и др.), были инициированы антифашистами»³⁵. Из относительно недавних событий – это уголовное дело против издателей газеты «Русская община Екатеринбурга» по ст. 282 ч. 1 было возбуждено в середине декабря 2001 г. по заявлению членов свердловского отделения Конгресса национальных объединений России³⁶.

При обращении в прокуратуру представляется целесообразным просить не просто «принять предусмотренные законом меры», как иногда пишут. Желательно конкретно указать, какую именно меру прокурорского реагирования хотел бы видеть примененной автор обращения: возбуждение уголовного дела, вынесение представления об устранении нарушений закона или предостережения о недопустимости его нарушения. Во всех случаях важно, на мой взгляд, указать, какие факты свидетельствуют о разжигании национальной розни, пропаганде превосходства и исключительности по национальному признаку, унижают честь и достоинство представителей какой-либо национальности.

³⁵ Антисемитизм и ксенофобия в Российской Федерации. Выпуск 10. 2001. Январь-февраль. С.4.

³⁶ Голос крови с уголовной тональностью//Rambler-медиа. 2001. 19 декабря. Примеч. составителя: дело, правда, было в дальнейшем закрыто.

В некоторых случаях органы прокуратуры отказывают в возбуждении уголовного дела или принятии иных мер прокурорского реагирования, ссылаясь на то, что приведенные в публикации или телепередаче факты, например, совершения конкретных противоправных действия представителями той или иной национальности действительно имеют место, что подтверждается в ходе проверки³⁷. Из этого делается вывод, что информационное сообщение в целом соответствует действительности и поэтому не может расцениваться как возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Однако сама по себе достоверность или недостоверность приведенных фактов является второстепенной для определения того, направлен ли текст в целом на разжигание межнациональной розни. В методических рекомендациях Генеральной прокуратуры³⁸ указано: «Определяющим являются смысловая функция таких сообщений, то, ради чего, в подтверждение каких взглядов и идей они используются, какие представления и установки и какими средствами пропагандируются, навязываются читателям (слушателям, зрителям)». Если истинные факты подобраны тенденциозно и в совокупности служат созданию негативного образа представителей той или иной национальности, потенциально провоцирующего межнациональные конфликты – в соответствии с диспозицией ст. 282 УК этого вполне достаточно для возбуждения уголовного дела, сообщаемые сведения совсем не обязательно должны быть заведомо ложными, как в случае с клеветой.

Вышеизложенное относится и к тем случаям, когда автор сообщения в СМИ опирается на специально подобранные высказывания «представителей местного населения» или даже на суждения представителей власти, а прокуратура считает, «что субъективные мнения указанных лиц не могут расцениваться как разжигание межнациональной розни»³⁹. Во-первых, выступление представителя администрации с участием прессы имеет признак публичности и таким образом пол-

³⁷ Ответ Прокуратуры Краснодарского края от 08.08.2002 № 27-27-7-2002 на обращение исполнительного директора АНО «Новороссийский комитет по правам человека» по поводу документального фильма М. Ткачук «Турецкий марш».

³⁸ Методические рекомендации «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды»//http://www.panorama.ru/works/patr/govpol/genproc_instr.html

³⁹ Ответ Прокуратуры Краснодарского края от 27.04.2002 № 27-15-2-2000 на коллективное обращение турок-месхетинцев.

ностью подпадает под действие ст. 282. Вина же автора материала может заключаться в тенденциозном, необъективном освещении проблемы, когда опрашиваются только выразители одной точки зрения, а альтернативные мнения не приводятся.

Помимо прокуратуры, возможно также обращение в Министерство РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций и его территориальные органы. Ст. 4 Закона «О средствах массовой информации» также не избежала переработки, и достаточно конкретный перечень целей, в которых использование СМИ запрещено, в том числе «разжигание национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни» был заменен все той же «экстремистской деятельностью». Указанные изменения не пошли, на мой взгляд, закону на пользу, однако это тот случай, когда не остается ничего другого, как ссылаться на статью закона в ее новой редакции, подразумевая то, о чем говорилось в редакции прежней.

Количество инструментов, предоставленных законом Министерству по делам печати и его территориальным органам для реагирования на случай разжигания национальной вражды с использованием СМИ, было расширено. В их компетенции осталось вынесение предупреждений и обращение в суд с требованием ликвидации средства массовой информации. Однако если ранее обращение в суд могло быть подано только после неоднократных предупреждений, то теперь (в соответствии со ст. 11 Закона «О противодействии экстремистской деятельности») это возможно также при наличии некоторых весьма расплывчато сформулированных условий: «осуществления средством массовой информации экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан... обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда...».

Некоторыми экспертами высказывались мнения, что некоторое «дублирование» составов уголовного законодательства и ст. 4 Закона о СМИ препятствует эффективному функционированию обоих этих положений, поскольку вынесение административного предупреждения якобы является безусловным основанием для привлечения издателя к уголовной ответственности. На самом деле одно совершенно не влечет за собой другого, хотя бы уже потому, что преступление отличается от административного нарушения еще и повышенной общественной опасностью. Деяние, формально подпадающее под признаки од-

ной из статей Особой части Уголовного кодекса, но не являющееся общественно опасным, не влечет уголовной ответственности, поэтому эти опасения представляются безосновательными.

Нельзя согласиться и с тем мнением, что целью прекращения деятельности средства массовой информации является наказание. Одновременное прекращение деятельности СМИ и уголовное преследование его издателя недопустимо, так как противоречит принципу недопустимости двух наказаний за одно правонарушение⁴⁰. Во-первых, прекращение деятельности средства массовой информации осуществляется в отношении редакции, а уголовную ответственность может нести только физическое лицо. Таким образом, это разные меры воздействия, применяемые в отношении разных субъектов. Лишение СМИ регистрации не может расцениваться как наказание уже в силу того, что выносится не в отношении физического лица. Кроме того, прекращение деятельности СМИ лишено карательной функции наказания и является лишь мерой, пресекающей злоупотребление правом, в данном случае – правом на свободное выражение своих взглядов.

Ранее высказывались соображения, что процедура ликвидации средства массовой информации, предусмотренная законом, слишком сложна и в сегодняшних условиях (сроки рассмотрения гражданских дел и пр.) не позволяет Минпечати противодействовать нарушениям. Теперь (с принятием нового законодательства) процедура упрощена чрезмерно. По моему личному мнению, корень проблемы всегда был не в сложности процедуры, а в отсутствии у руководства Министерства печати намерения и желания систематически, а не от случая к случаю, бороться с разжиганием национальной вражды в СМИ. В вынесении предупреждений у Минпечати нет и не было никаких препятствий, это зависит только и исключительно от них самих, и это хорошее профилактическое средство. Тем не менее, применяется оно совершенно недостаточно – два-три десятка в год по всей России⁴¹. При нынешнем масштабе весьма жестокого *Языка Вражды* в прессе – это очень мало.

⁴⁰ Центрально-Черноземное межрегиональное управление Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Руководитель Лариса Александровна Макеева. Правовой анализ нормативной базы по разжиганию национальной, социальной, религиозной нетерпимости и розни. Б.м., 2001. С. 10.

⁴¹ Справка Госкомпечати России «О мерах, предпринимаемых Госкомпечатью России к организациям, издающим литературу экстремистского содержания». 1998 – первый квартал 1999.

Еще меньшим было количество обращений с исками о прекращении деятельности средств массовой информации. Это нельзя объяснить лишь тем, что предупреждения оспариваются в суде – это случилось не так часто, как может показаться: например, за 1998 г. из 33 предупреждений, вынесенных редакциям, не было оспорено ни одного⁴². Посмотрим, изменится ли количество возбуждаемых по обращениям Министерства печати дел в нынешней ситуации и против кого будут направлены эти иски – неужели действительно против тех изданий, закрытия которых так долго добивались антифашисты?

Существует и возможность обращения напрямую в суд с требованием о возмещении морального вреда, причиненного публикацией, унижающей национальное достоинство. В этой области наиболее острой является проблема отказов в принятии исковых заявлений у «ненадлежащего истца», которым в ряде случаев судьи признают человека или общественную организацию, выступающих в защиту чести и достоинства неопределенного круга лиц (этнической или религиозной группы). Неясность толкования ст.ст. 151 и 152 ГК и положений Гражданско-процессуального кодекса приводит к тому, что общей позиции у судей в этом вопросе нет, и в ряде случаев добиться приема искового заявления удается.

Изменить ситуацию в этой сфере позволило бы совершенствование законодательства (в рамках принятия нового ГПК) или принятие разъяснений по этому вопросу Верховным Судом (возможно, как внесение изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 августа 1992 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»). Конечно, решение этих задач лежит в основном вне рамок возможностей неправительственных организации, однако это не значит, что мы не можем сделать ничего, что позволило бы положительно повлиять на ситуацию в этой области. Речь идет о формировании судебной практики. Каждое аналогичное дело, в котором неправительственной организации удалось добиться принятия искового заявления, должно быть по возможности доведено до общего сведения, чтобы при аналогичных делах можно было ссылаться на подобные примеры. В России прецедентное право,

⁴² Там же.

как таковое, конечно, не действует, но известно, что большинство судей в неоднозначных ситуациях внимательно рассматривает другие решения по аналогичным делам, если такие решения им предоставить, и это оказывает влияние на их позицию, особенно в тех случаях, когда решение принято вышестоящей судебной инстанцией или, по крайней мере, оставлено ею в силе.

Напомним также, что Закон «О средствах массовой информации» предоставляет гражданину право потребовать публикации ответа и опровержения (ст.ст. 43, 44, 46 Закона). Отказ в выполнение таких требований сам по себе образует нарушение, могущее повлечь вынесение предупреждения органами Министерства печати. На мой взгляд, именно это создает основу для противодействия *Языку Вражды* со стороны общественных организаций. Конечно, направлять такие заявления в националистические, маргинальные СМИ представляется не слишком эффективным, но если речь идет о более серьезных изданиях, сам факт получения такого обращения, даже если в публикации и будет отказано, на мой взгляд, заставит журналистов более ответственно относиться к освещению национальной проблематики. Наибольший эффект это должно, как мне кажется, иметь в случае *Языка Вражды*, условно говоря, «средней степени тяжести», т.е. еще не подпадающего под положения УК, но уже не столь безобидного, чтобы оставлять его без внимания.

В целом, нельзя не признать, что положение с разжиганием этнической вражды средствами массовой информации сильно усугубляется отсутствием у руководства Министерства печати, Генеральной прокуратуры четко выраженной и общеизвестной позиции по вопросу, что именно, с их точки зрения, является нарушением законодательства. Ситуация, когда одинаковые по характеру националистические высказывания в одном случае оставляются без реагирования, а в другом – влекут серьезные меры вплоть до ликвидации издания, свидетельствует о субъективном подходе и дает основания издателям говорить о «политическом заказе» даже в тех случаях, когда это на самом-то деле и не так. Все это – часть общей проблемы отсутствия у государственных органов понятной идеологии контроля в области предотвращения дискриминации. Главное в предотвращении любых преступлений, в том числе и в этой области – не количество возбужденных уголовных дел и не строгость приговоров, а наличие четкой и

понятной грани, за которой реакция государственных органов должна следовать обязательно.

К сожалению, принятие нового законодательства не служит более четкому установлению этой границы, напротив, размывает ее до предела. Остается только надеяться, что насущная необходимость принятия разъяснений и методических рекомендации на уровне Верховного суда, Генеральной прокуратуры, министерств юстиции и печати станет теперь очевидной и руководителям этих ведомств.

Лев Левинсон

Баланс или несоразмерность?

Дела писателей (процесс «Российская Федерация против Лимонова», уголовное преследование прокуратурой, т.е. опять-таки Российской Федерацией, Сорокина). Вступление в силу новых избирательных законов, приближающих к нулю свободу журналистских комментариев во время избирательных кампаний. Антиэкстремистское законодательство с утрированными запретами (вплоть до подпадающих под «экстремистские материалы» Илиады и Корана), с понуждением общественных организаций отречься от своих собратьев и тому подобными прелестями полицейской идеологии. Попытки перекрыть шлюзами Интернет. Законопроект о защите нравственности (путем уголовных наказаний, конечно), получивший поддержку Правительства. Наконец, антитеррористическая милитаристская истерия, порождающая не только «боевиков в Панкисском ущелье», но и идейных супостатов: поименованных ваххабитов и непоименованных пока «лиц, поддерживающих террористическую деятельность».

Вот наша повестка дня. И оттого рука тянется к общепризнанным принципам, к международному праву, надеясь найти хоть там библейский «камень прибежище зайцам», коли здесь привкус кляпа становится все ощутимей.

Но что такое международное право?

Есть некая область, именуемая «международное право прав человека». Основные документы, относимые к ней, известны. Но вот, например, конвенции ООН против наркотиков 1961 и 1988 годов, другие соглашения о сотрудничестве в борьбе с преступностью составляют ли единый ряд, производный от Всеобщей Декларации Прав Человека либо это иная отрасль, а, следовательно, согласно декларируемым общемировым приоритетам, подчиненная, служебная? Вопрос не случаен. Интересующая нас в этой статье, посвященной свободе слова, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 года помещается, конечно, в «праве прав человека», как основанная на *jus cogens generalis* (абсолютно императивных нормах). Но ее статья 4, содержащая не ограничения (что уместно в новеллах о правах), а императивные требования ответственности и характера наказаний за определенные деяния и высказывания, не относима к праву прав

человека, представляя собой некий аппендикс производной, вторичной, вспомогательной отрасли «права борьбы с преступностью».

Считают так, естественно, далеко не все.

В дни, когда пишется эта статья, Парламентская Ассамблея Совета Европы на очередной 53-й сессии (23 – 27 сентября 2002 года) планирует рассмотреть проект дополнительного протокола к Конвенции о киберпреступности. Протокол называется «О признании уголовным преступлением актов расистского и ксенофобского характера, совершаемых с использованием компьютерных систем». Текст протокола доступен нам в изложении, подготовленном Комиссией ПАСЕ по юридическим вопросам и правам человека. По мнению Комиссии, в документе наличествует, с одной стороны, «удовлетворительный баланс между борьбой с расизмом и свободой выражения». С другой стороны, с таким же удовлетворением отмечается, что «данный протокол в случае его принятия в нынешнем виде станет первым международным документом, предусматривающим наказание за нигилизм».

Как ни замечательна готовность официальных европейских правозащитников объявить нигилизм (что бы под этим ни подразумевалось) уголовным преступлением, МИД России в рекомендациях для отечественной делегации идет еще дальше. Обнаружив в проекте протокола право государств-участников «не привлекать к уголовной ответственности за распространение в компьютерных сетях материалов расистского и ксенофобского содержания, если такие материалы пропагандируют, поощряют или стимулируют дискриминацию, не связанную с проявлениями ненависти или насилия (пункты 2 и 3 статьи 3 протокола)», МИД указывает, что «подобный подход ослабляет положения ст.4 (а) принятой ООН Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., согласно которой государства-участники «объявляют караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти».

Уже из этого конфликта подходов видно существование двух тенденций: и в международном праве, и в международной (в данном случае – европейской) политике. Надо сказать, что заявленная выше позиция об иерархии норм разделяется многими теоретиками, в том числе в Европе. Так, по мнению А.Ржеплински, «в любом пограничном случае предпочтение должно отдаваться свободе индивида, а не утверждению со стороны государства о защите более важных интересов» (Монитор Совета Европы, 1997, № 3; цит. по кн. Моника Маковой, Е.А.Чефранова, «Статья 10. Право на свободу выражения своего мнения». М, 2001).

Ту же позицию провозгласил Европейский Суд в деле «Санди Таймс против Соединенного Королевства» от 26 апреля 1979 года, указавший, что при оценке конкретного ограничения «он стоит не перед лицом выбора между двумя конфликтующими принципами, а перед лицом принципа свободы выражения мнения, который является объектом ряда исключений, требующих, в свою очередь, ограничительного толкования».

Так – в теории. На поверку же международное право, и уж тем паче – международное правосудие оказываются не столь стройно последовательны. Напротив – двулики и двуязычны.

На всякую норму находится своя оговорка. Речи же о том, что гарантированное право ставит государства перед обязанностью его соблюдать, установленные же ограничения права порождают лишь возможность, но не обязанность государственного вмешательства, на практике зачастую игнорируются.

Известно, что и борцы за самоопределение народов, и защитники нерушимости границ потрясают международными документами. Каждый, как у оракула, находит там свое. Все вооружены резолюциями, конвенциями, протоколами, итоговыми документами и руководящими принципами: и стремящиеся к свободе, и жаждущие ее ограничить; выступающие за главенство личности, и выступающие, напротив, за приоритет коллективных прав. Свободу выражения мнения, безусловно, можно, задавшись целью, укутать в красивейшие правовые нормы, изящные гарантии, и это будет справедливо, подтверждаться ссылками. Справедливо – но лишь наполовину. С черного хода, каковым можно считать, к примеру, парадный подъезд Дворца правосудия в Страсбурге, веет, несмотря на европейскую просвещенность, скаредным политиканством стряпчих, по-аптекарьски уравнивающих права и ограничения, свободу и ответственность. (Дворец справедливости, заметим в скобках. Но почему в нем английскому журналисту присуждается за нарушение свободы слова компенсация около 40 тысяч фунтов стерлингов, а российскому чернобыльцу Бурдову за десятилетнее лишение законных выплат, т.е. за медленное убийство – лишь 3 тысячи евро? И почему уважаемый Анатолий Ковлер, судья от России в Страсбурге, возмущается, зная все эти цифры, жадностью недовольного решением россиянина?)

Свобода слова (вернемся к ней) – этот покрытый мхом краеугольный камень права прав человека – колеблется в Европе (остановимся на Европе), и чем дальше, тем сильнее (хотя теперь, того гляди, колеблется она, невзирая на Первую поправку, и в Штатах). То, что на-

чиналось евангельской свободой от закона (Послание к Римлянам, глава 7), что в 1789 году считалось возможным ограничить лишь там, где начинается свобода другого, в наше время – время Европейской конвенции и Европейского Суда – кажется уже не столь несомненным, обставляется столькими «формальностями» – аж жуть.

В XVI веке еще не было Европейского Суда. Извлекатель квинтэссенции аббат Рабле печатал тогда свои богохульные книги и не отправлялся на костер (не попали туда и книги). Несколько столетий спустя суды над Флобером и Бодлером, обвиненными в безнравственности, привели, в конце концов, к их оправданию – еще до появления на свет статьи 10 Европейской конвенции. Столетиями складывался, казалось, принцип права, защищающий каждого мыслящего, говорящего, творящего.

И вот 24 мая 1988 года, когда все права, наконец, провозглашены, Страсбургский суд согласился, что государство вправе ограничивать свободу художника там, где его картины «могут грубо оскорбить представление о правильном ведении половой жизни у людей с обычной чувствительностью». Суд отказал в жалобе слишком свободному художнику Мюллеру, чьи работы были конфискованы властями Швейцарии. А 20 сентября 1997 года Суд, по делу «Институт Отто-Премингер против Австрии», где речь также шла о конфискации, на сей раз фильма Вернера Шрётера «Храм любви», признал достойным уважения не свободу творчества, а обращение Инсбрукской епархии Римско-католической церкви. Строго следуя части второй статьи 10 Конвенции о возможности ограничения свободы выражения мнения в целях защиты прав других лиц, Суд защитил большинство, так как не мог «игнорировать тот факт, что римско-католическая вера является религией подавляющего большинства тирольцев». По мнению суда, «наложив арест на фильм, австрийские власти действовали в интересах обеспечения религиозного мира в этом регионе и для того, чтобы у отдельных людей не сложилось ощущение, что их религиозные представления стали объектом необоснованных и оскорбительных нападок». Нападок меньшинства.

Чего добился бы российский иконоборец Авдей Тер-Оганьян, которому за богохульство вменялось «возбуждение религиозной вражды» по статье 282 УК РФ, приди он с жалобой в Страсбург?

25 ноября 1996 года, после почти семилетнего разбирательства по делу «Уингроу против Соединенного Королевства», Европейский Суд не нашел нарушений статьи 10. Найджел Уингроу, писатель и режиссер, обжаловал запрет британских властей на сертификацию и демон-

страцию своего видеофильма «Видения экстаза», «богохульно» интерпретирующего мистические озарения святой Терезы Авильской. Сам факт преследований за «богохульство» суд не смутил. Бывший в то время председателем Суда Рудольф Бернхардт счел даже нужным добавить к решению собственное «совпадающее мнение», где смело расписался в приверженности цензуре: «Предварительный контроль и классификация видеофильмов полезны в этой чувствительной области, где возникают многочисленные опасности, в особенности для молодых людей и прав других лиц». Другой судья, Луи Эдмон Петтити сослался на свидетеля: «Директор Управления классификации фильмов сказал, что управление заняло бы точно такую же позицию в отношении фильма, выказывающего неуважение к Магомету или Будде.» И далее, уже не от лица г-на директора, а от себя, добавил: «Точно так же отказ был бы оправдан, если бы вместо экстаза Святой Терезы фильм показал, например, антиклерикала Вольтера, вступающего в интимную связь с каким-нибудь принцем или королем. В подобном деле решение Европейского Суда было бы аналогично решению по делу Уингроу.»

С этими рассуждениями полезно было бы познакомиться адвокатам Владимира Сорокина, мечтающим, в случае чего, о разбирательстве в Европе. Если дело «Голубого сала» не рассосется, вводить автора в заблуждение юристам не стоит. Сцена интимной связи Сталина и Хрущева судьям наверняка не понравится.

В решении Европейского суда по правам человека по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» от 7 декабря 1976 года впервые прозвучали слова, ставшие уже хрестоматийными, не раз затем повторенные. Статья 10 Конвенции, признал тогда Суд, защищает не только «информацию или идеи, которые получают положительный отклик или рассматриваются как безвредные или нейтральные, но и те, которые для государства или любой части его населения являются оскорбительными, шокирующими или нарушающими спокойствие. Таковы требования плюрализма, толерантности и терпимости, без которых не может существовать демократическое общество.» Полезно помнить, цитируя, что, произнеся это, суд не нашел в деле Хэндисайда нарушения свободы слова, т.е. отказал заявителю в восстановлении права, нарушенного во имя нетолерантного большинства. Дело касалось книги, которую британские власти сочли непристойной. И хотя не читая этой книги, трудно утверждать, что ее хождение среди детей вряд ли привело бы к их необратимому растлению, предположим все-таки, что и на сей раз не насущная необходимость, а завораживающая сила «нрав-

ственности», т.е. сила оговорки, оказалась сильнее свободы распространения информации и идей. Возобладал не правовой, а ценностный подход: стоит ли, дескать Высокому Суду рисковать своей репутацией ради сомнительной книжки? Это обстоятельство, заметим, несколько не снижает ценности необычайно притягательной правовой формулы, выведенной при рассмотрении этого дела и процитированной нами выше.

Обратимся к Европейской конвенции. Гарантируя не столь широкий круг прав, как Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 года, она располагает более действенным механизмом их защиты – Судом по правам человека. Этим объясняются оговорки, без которых государства вряд ли согласились бы ратифицировать Конвенцию. Машина не заработала бы без определенных, и весьма жестких условий – решения ведь принимались не гражданами, а государствами. Но если абстрагироваться от этой политической обусловленности, и просто сравнить тексты Пакта и Конвенции, посвященные свободе слова (статьи 19 и 10 соответственно), трудно освободиться от мысли: а остается ли в результате что-нибудь, надежно, безоговорочно закрепленное в части первой статьи 10?

Во-первых, позитивная, правоустанавливающая часть статьи сформулирована в Пакте с большей скрупулезностью. В статье 10 более краткого конвенционального текста не отражено, в отличие от статьи 19 Пакта, право не только получать и распространять, но и искать информацию, что, при толковании, может сказаться на защищенности активного доступа к информации и информационным сетям. В Конвенции не раскрыты формы информационного обмена, как это сделано в Пакте («устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору»). Даже при том, что Пакт принимался спустя 15 лет после составления Конвенции, более развернутые положения (в частности, право «искать») уже были закреплены Всеобщей Декларацией Прав Человека.

Не в том, конечно, беда. Исключения, позволяющие ограничивать свободу слова, захватывают, по Конвенции, гораздо большую жизненную территорию.

В отличие от статьи 29 Всеобщей Декларации, содержащей общие основания ограничения всех декларируемых прав и свобод («с целью признания и уважения прав и свобод других, удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостоя-

ния в демократическом обществе»), часть третья статьи 19 Пакта конкретизирует этот перечень применительно к информационной свободе. Ограничения, по статье 19, должны быть «установлены законом и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения». Часть вторая статьи 10 Конвенции дополняет эти основания интересами «территориальной целостности», целями «предотвращения беспорядков или преступлений», «предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Таким образом, в отличие от Пакта, Конвенция не исключает возможности превентивного нарушения свободы слова. По принципу – «кабы чего не вышло», что с особой яркостью выражено позицией «предотвращение беспорядков».

Столь резиновое допущение, в сочетании со статьей 17 Конвенции, запрещающей «злоупотребление правами», переводит естественную и неотъемлемую свободу слова, в «право по усмотрению», право регулируемое, формализованное, обусловленное административно-властными либо судебными решениями.

В статье 17 говорится: «Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой-либо деятельностью или совершать какие-либо действия, направленные на уничтожение любых прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции.»

Человек, группа лиц и государство поставлены здесь перед равным запретом. И если государство в любом случае не вправе истолковывать в своих законах и правоприменении нормы Конвенции таким образом, чтобы это приводило к упразднению права, то и для группы лиц, т.е. некоего сообщества, и тем более для отдельного лица это ограничение не может быть императивным. В противном случае будут возникать (а на практике – и возникают) ситуации, когда, апеллируя к Конвенции, некто будет признаваться недостойным ее защиты, поскольку сам, дескать, повинен в поведении, «направленном на уничтожение прав и свобод».

Так, государству не дано, манипулируя многочисленными частями вторыми, т.е. предусмотренными Конвенцией основаниями ограничения прав, вести себя так, чтобы защищенная статьей 9 свобода мысли, совести и религии была сведена к нулю. Оно не может взять и запретить так называемые «секты», ссылаясь на общественное спо-

койствие, общественный порядок, нравственность, права других лиц. Однако «какая-либо группа», например, общественное объединение верующих – церковь, может вести себя иначе. Конвенция может не быть догматом веры и объектом поклонения. Церковь вправе не признавать права человека и самого человека высшей ценностью. Да, мирские суды, включая страсбургский, должны будут наказать тех, кто под неким религиозным знаменем, и даже ссылаясь на поступившее свыше указание, занялся бы резней, как это сделал Божий пророк Илия, собственноручно пустивший под нож четырехста «студных» пророков, пригретых царицей Иезавелью. Но тот, кто считает блаженством взять и разбить о камень всех вавилонских младенцев, но не был пока, однако, замечен в этом кровавом деле, вполне может претендовать на защиту со стороны и девятой, и десятой статей.

Тем паче гражданин, взятый в отдельности, не обязан разделять ценности Конвенции, ценности Европы, демократии. Это не лишает его свободы выражения мнения, а Европейский Суд – обязанности эту свободу защищать.

Что позволено человеку, не позволено государству. Государству нельзя призывать большинство своих граждан объединиться против меньшинства – это будет тогда государственным фашизмом. Но Социалистическая партия Турции и ее лидеры имели и имеют полное право призывать курдов «вращивать мужество, а не арбузы» и грозить правительству: «курдский народ поднимается». В решении Европейского Суда от 25 мая 1998 года по делу «Социалистическая партия и другие против Турции» заявлен именно такой подход. Партия была запрещена Конституционным Судом Турции на основании признанных экстремистскими выступлений ее председателя Догу Перинчека. Власти выявили в его призывах «покушение на разрушение общественного строя», – серьезное обвинение. Позиция Страсбурга не совпала с мнением правительства Турции. Суд указал: «Тот факт, что такая политическая программа оценивается как несовместимая с существующими принципами и структурами турецкого государства, не делает ее несовместимой с принципами демократии. Сущность демократии в том, чтобы позволить выдвигать и обсуждать разнообразные политические программы, даже те, которые подвергают сомнению тот порядок, согласно которому организовано в настоящее время государство, при условии, что они не наносят ущерба самой демократии. Не исключено <...> что за данными заявлениями могли скрываться цели и намерения, отличные от тех, которые провозглашались публично. Однако в отсутствие конкретных действий,

ставящих под сомнение то, что заявлял г-н Перинчек, не следует подвергать сомнению искренность его слов. Социалистическая партия была, таким образом, наказана за поведение, относящееся исключительно к осуществлению права на свободу выражения своего мнения». Турция была признана Европейским судом виновной в нарушении статьи 11 Конвенции, гарантирующей свободу ассоциации.

Сечь Турцию (какая, к черту, Европа?) стало в Страсбурге модой. Но ход мысли, явленный в данном и подобных ему случаях (см., в частности, решение по делу «Объединенная Коммунистическая партия Турции против Турции» от 30 января 1998 года), выдерживается Судом далеко не всегда.

Логика, в одной ситуации работающая («отсутствие конкретных действий» исключает ответственность за высказывания), в другой – дает сбой. В деле Кюхнен против Германии (1998 год) в аналогичных высказанным г-ном Перинчком призывах немецкого партийного лидера к борьбе «за социалистическую и независимую Великую Германию» Европейская Комиссия усмотрела «элементы расовой и религиозной дискриминации». Г-н Кюхнен писал, что его организация выступает за «единство Германии, социальную справедливость, расовую гордость, общность людей и товарищество» и против «капитализма, коммунизма, сионизма, отчуждения в результате притока большого количества иностранных рабочих, разрушения окружающей среды». Немецкий суд приговорил Кюхнена к тюремному заключению: УК Германии карает за распространение пропагандистских материалов неконституционными партиями. Очевидно, что случай «Кюхнен» принципиально ничем не отличается от случая «Перинчек». Но иное политическое положение Германии в Совете Европы порождает и двойные стандарты, и уверенность Турции в праве не исполнять «несправедливые» (ибо предвзятые) решения. Непосредственно после оглашения в Страсбурге решения по Социалистической партии, официальная Анкара подтвердила неизменность ранее занятой позиции: 8 июля 1998 года Кассационный Суд Турции утвердил меру пресечения в отношении Перинчека и оставил в силе решение о роспуске возглавляемой им партии. Комитет Министров СЕ разразился очередной Временной резолюцией по Турции, каковые принимаются ПАСЕ и Комитетом Министров регулярно и почти безрезультатно.

Та же проверка свободы слова целесообразностью обусловила отменные решения Европейской Комиссии по делам «D.I. против Германии» (1996 год), «Охенсбергер против Австрии» (1994 год), «Хонсик

против Австрии» (1995 год). Во всех них обжаловались судебные решения по наложению санкций на историков, публицистов, отрицавших, в той или иной степени, существование Холокоста. Мнение заявителя по делу «D.I.» было лишь позицией историка, доказывавшего (уровень доказательности – другой вопрос), что в Аушвице не было газовых камер, что имевшиеся были поддельными, построенными сразу после окончания войны за счет немецких налогоплательщиков. Ни к погромам, ни к дискриминации евреев D.I. не призывал. Отказывая ему в жалобе, Комиссия указала, с одной стороны, на необходимость превентивного сдерживания, сославшись на «общественную значимость предотвращения преступлений и беспорядков среди населения Германии», с другой – на то, что репутация евреев является «более весомым фактором, чем свобода заявителя распространять публикации».

Показательно, что, уступая, как правило, большинству там, где ему противостоит индивидуальное либо художественное самовыражение, европейские органы, прежде всего – Страсбургский суд, существенно повысили (и продолжают поднимать) планку дозволенного для средств массовой информации, именуемых в европейских решениях (Комиссии и Суда) «стражами интересов общества». Не вдаваясь здесь в подробный анализ решений Европейского Суда, направленных на защиту свободы журналистов, отметим лишь куда большую терпимость даже в случаях допущения ими очевидной диффамации. Такой неосторожности журналистов со словом Суд находил весьма изящные оправдывающие основания. Так, по делу «Швабе против Австрии» от 28 августа 1992 года Судом было снисходительно отмечено, что «в короткой заметке или статье, являющейся частью общей дискуссии о действиях политиков или политической этике, не каждое слово может быть взвешено с тем, чтобы исключить возможность его превратного толкования». Смягчающим же обстоятельством по упоминавшемуся делу «Санди Таймс против Соединенного Королевства» было признано следующее: «Актуальность новостей преходяща, и любая отсрочка с их публикацией, даже на короткий период, создает риск того, что они потеряют свою ценность, а публика, в свою очередь, утратит к ним интерес».

Напрашивается вывод, который, безусловно, не может претендовать на полноту интерпретации судебной практики Страсбурга по жалобам журналистов. Как бы то ни было, сколь бы ни были ценны для укрепления демократии эти решения, повышенная благосклонность к прессе, укрепление ее тем самым как «четвертой власти» означает не защиту свободы выражения личного мнения, а защиту независимости

и неподконтрольности пропагандистского института СМИ. По большому счету, дело касается не прав человека, а интересов корпораций.

Поставив на одну доску недопустимость злоупотребления правами государством и гражданами, международное право обрело себя на такие политически мотивированные перекосы. Особо выпукло и двусмысленно выглядит такое правосознание применительно к свободе выражения мнения. Представляется нечестным уравнивание неравных субъектов, основанное на идеалистическом представлении об общественном договоре, якобы существующем между гражданином и государством, там, где противостоят другие сущности: личность и власть. Конвенция, равно как иные международные соглашения, игнорируя этот конфликт, переводя его в гражданско-правовые отношения, лишает личность надлежащей защиты.

Свежий юрист, попавший в Страсбург, вплотную сталкивается с этой двойственностью. Судья Уно Ломус, несколько лет представлявший в Европейском Суде Эстонию, в своем особом мнении по делу «Уинг-роу против Соединенного Королевства», не мудрствуя лукаво, выразил охватившее его недоумение: «Суд, говоря о сфере усмотрения, по разному трактует статью 10. В одних случаях пределы усмотрения широки, а в других они узкие. Трудно понять, на основе каких принципов определяются эти пределы.»

Противодействие дискриминации: европейские национальные корпоративные ориентиры для профессионального журналиста

Австрия. Основные принципы журналистской деятельности. Кодекс чести австрийской прессы:

(...) Недопустима дискриминация на основе различий в языке, религии, национальности либо по иной причине. (...)

Армения. Этический кодекс:

(...) Журналист должен противодействовать проявлениям экстремизма и ограничению гражданских прав. (...)

Беларусь. Кодекс профессиональной этики журналиста:

(...) Признавая приоритет общечеловеческих ценностей перед всеми остальными, журналист выступает за гуманизм, мир, демократию, социальный прогресс, права человека. Он воздерживается от любой формы оправдания агрессии, других форм насилия, ненависти и дискриминации, тоталитаризма и тирании. Журналист с уважением относится к особенностям, ценностям и достоинству каждой национальной культуры и праву народов на самоопределение, к свободе выбора своей политической и социально-экономической системы. Своей деятельностью он помогает избежать неосведомленности, недостаточного понимания и настороженности в отношениях между народами, содействует воспитанию культуры межнациональных отношений, пробуждает в своих читателях, зрителях, слушателях восприимчивость к нуждам иных народов, уважение прав и достоинства всех наций и всех людей независимо от пола, расы, языка, национальной принадлежности, религиозных взглядов и идейных убеждений. (...)

Бельгия. Свод принципов журналистской деятельности:

(...) Пресса... противостоит попыткам дискриминации на основе различий в языке, поле, расе, религии, идеологии, культуре, классовой принадлежности, убеждениях, если эти убеждения не вступают в противоречие с уважением основных прав человека. (...)

Болгария. Этические нормы журналистики:

(...) Журналист не допускает публикации материалов, способствующих разжиганию расовой, национальной или религиозной вражды; не использует слов и выражений, унижающих человеческое достоинство. (...)

Великобритания. Кодекс поведения:

(...) Журналист указывает пол, возраст, социальный и семейный статус лица, его сексуальную ориентацию только в том случае, если это имеет самостоятельное значение в рамках подготовленной им информации. Журналист обязан избегать материалов дискриминационного характера, а также насмешек и иронического отношения к людям по вышеперечисленным признакам. (...)

Великобритания. Кодекс практики:

(...) **13. Дискриминация**

а) Пресса не должна допускать пренебрежительного или уничижительного отношения к гражданам по признаку пола, возраста, национальности, религии или сексуальной ориентации, а также физических или умственных недостатков.

б) Пресса вправе упоминать расовую, национальную, половую принадлежность лица, а также его сексуальную ориентацию, физические и умственные недостатки только в случае самостоятельной значимости этой информации. (...)

Венгрия. Этический кодекс журналистов:

(... Журналисты) не должны нарушать права человека, разжигать вражду и подстрекать к противоправным действиям в отношении отдельных людей, наций, национальностей, рас, религиозных объединений, распространять в этой связи клевету и унижать людей из-за их принадлежности к перечисленным выше группам. (...)

Германия. Принципы публицистики (Кодекс печати):

(...) 10. Публикация текстов и фотографий, которые в силу своей формы и содержания могут оскорбить нравственные или религиозные чувства группы лиц, несовместимы с ответственностью, лежащей на печати. (...)

12. Никто не должен подвергаться дискриминации в силу своего пола или принадлежности к какой-либо расовой, этнической, религиозной, социальной или национальной группе.

Директива 12.1. Материалы о преступлениях

При публикации материалов о преступлениях принадлежность подозреваемого или преступника к какому-либо религиозному, этническому или другому меньшинству упоминается лишь в том случае, если есть основания считать, что это содействует лучшему пониманию описываемых обстоятельств дела.

Особенно следует помнить о том, что упоминание такого рода принадлежности может вызвать волну предубеждений в отношении этих групп, нуждающихся в защите. (...)

Греция. Принципы деонтологии:

(...) 4. Религиозные убеждения, институты, обычаи и традиции народов, наций и рас, а также частная жизнь граждан должны быть уважаемы и не должны нарушаться. (...)

Ирландия. Кодекс поведения:

(...) 10. Пол, возраст, социальный и семейный статус лица, его сексуальную ориентацию журналисту допустимо указывать только в том случае, если это имеет самостоятельное значение в рамках подготовленной им информации. Журналист обязан избегать материалов дискриминационного характера, а также насмешек и иронического отношения к людям по вышеперечисленным признакам. (...)

Испания. Деонтологический кодекс журналистской профессии:

(...) Журналист обязан уважать принцип презумпции невиновности человека, пока его вина не доказана судом, и не совершать поступков, наносящих ущерб тому или иному лицу. Это особенно важно при освещении вопросов судебной тематики.

а) Журналист должен избегать упоминания имен близких и друзей граждан, совершивших преступление. Такое упоминание возможно лишь при необходимости подготовки полной и достоверной информации.

b) Следует также избегать упоминания имен жертв преступлений и насилия и распространения материала, который содержит достаточное количество признаков для их идентификации. Особую осторожность следует проявлять, когда речь идет о жертвах сексуального насилия.

6. Вышеуказанные критерии в полной мере относятся и к распространению информации о жизни представителей меньшинств. Журналисту следует воздержаться от фотографирования и интервьюирования представителей меньшинств при подготовке материалов о частной жизни или вопросах криминального характера.

7. Журналист обязан быть тактичным и уважать права слабых и дискриминированных. Поэтому от журналиста требуется максимум внимания при подготовке информации, касающейся тем насилия или бесчеловечного обращения.

a) Журналист обязан не допускать пренебрежительного или предвзятого отношения к человеку или группе лиц по признаку пола, возраста, расы, религии и социального статуса, а также к людям, имеющим физические недостатки или умственные отклонения.

b) Следует публиковать подобные материалы лишь в случаях, когда эта информация непосредственно связана с сюжетом.

c) Следует также воздерживаться от выражений, могущих нанести моральную травму людям с физическими и умственными недостатками. (...)

Испания (Каталония). Деонтологический кодекс. Провозглашение принципов журналиста Каталонии:

(...) 12. Необходимо проявлять крайнюю осторожность в вопросах освещения тем социального, расового, национального, полового и культурного равенства; избегать проявлений дискриминации, призывов к насилию, а также выражений и оборотов, которые могут больно ранить лиц с физическими и умственными недостатками. (...)

Италия. Хартия обязанностей журналистов:

(...) Журналист должен уважать людей, их достоинство, право на личные тайны и никогда не допускать дискриминации кого-либо по признакам расы, пола, а также из-за умственных и физических недостатков или политических взглядов. (...)

Латвия. Этический кодекс:

(...) 5.2. В своих публикациях журналист должен уважать право граждан на частную жизнь, их национальность, расовую принадлежность и религиозные чувства. (...)

Литва. Этический кодекс литовских журналистов:

(...) 20. Журналист и издатель не должны нарушать права человека и его достоинство.

21. Не могут быть предметом шуток или насмешек со стороны журналиста: имя человека, его расовая принадлежность и национальность, религиозные убеждения, возраст, пол, физические недостатки. Это относится и к людям, совершившим преступление. (...)

Мальта. Этический кодекс:

(...) Журналист должен быть защитником основных прав человека. Он не должен способствовать развитию в обществе дискриминации, основанной на различии пола, расы, религии или политических убеждений. Он должен отстаивать свободу слова и право на свободный обмен мнениями. (...)

Норвегия. Этический кодекс норвежской прессы:

(...) 4.3. Необходимо всегда уважать характер и личность человека, его личную жизнь, расу, национальность и религиозные убеждения. Никогда не следует привлекать внимание к личным аспектам, если они не имеют существенного значения. (...)

Португалия. Деонтологический кодекс журналистов:

(...) 8. Журналист не должен иметь отношений к каким-либо действиям, цель которых – дискриминация по расовому, национальному или половому признаку. (...)

Сербия. Этический кодекс:

(...) 9. Журналист должен избегать невольного участия в развитии дискриминации в обществе. Только в случае крайней необходимости журналист указывает расовую и национальную принадлежность лица, его религиозные убеждения, физические недостатки, сексуальную ориентацию, семейный статус. (...)

Словакия. Этический кодекс Профессионального Союза журналистов Словакии:

(...) Журналист ни в какой форме не должен способствовать разжиганию агрессивной войны, проявлению насилия и агрессии в международных отношениях, а также содействовать политической, религиозной, расовой, гражданской нетерпимости. Журналист демонстрирует

должное уважение в отношении других государств, наций, их демократических традиций и институтов, культуры и морали. (...)

Словения. Кодекс журналистов Республики Словения:

(...) Дискриминация по признаку пола, принадлежности к этническим общностям, религиозным и общественным объединениям, оскорбление религиозных чувств и традиций, любая деятельность, направленная на разжигание войны или межнациональных конфликтов, несовместима с кодексом. (...)

Турция. Кодекс профессиональных принципов прессы:

(...) 2. Не допускается публикация материалов, направленных на ограничение свободы слова и вероисповедания, а также наносящих ущерб общественной морали, религиозным чувствам или семейным устоям. (...)

Швеция. Этический кодекс работников прессы, радио и телевидения:

(...) Уважайте личность

10. Не акцентируйте внимание на поле, расовой и национальной принадлежности человека, его профессии, политических и религиозных убеждениях. Исключение могут составлять случаи, когда это контекстуально или содержательно необходимо. (...)

Россия. Кодекс профессиональной этики российского журналиста (Союз журналистов России):

(...) 5. Журналист полностью осознает опасность ограничения, преследования и насилия, которые могут быть спровоцированы его деятельностью. Выполняя свои профессиональные обязанности, он противодействует экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии политических или иных взглядов, равно как социальной и национального происхождения.

Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания. Он воздерживается от любых пренебрежительных намеков или комментариев в отношении расы, национальности, цвета кожи, религии, социального происхождения или пола, а также в отношении физического недостатка или болезни человека. Он воздерживается от публикации таких сведений, за исключением случаев, когда эти обстоятельства напрямую связаны с содержанием публикуемого сообщения. (...)

Россия. Декларация Московской хартии журналистов:

(...) 4. Журналист полностью осознает опасность ограничений, преследований и насилия, которые могут быть спровоцированы его деятельностью. Выполняя свои профессиональные обязанности, он противодействует экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как социального или национального происхождения. (...)

Россия. Хартия телерадиовещателей:

(...) Неразглашение сведений о служебном положении, национальной, религиозной принадлежности и родственных отношениях подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, если такая информация не имеет прямого отношения к делу. (...)

Россия. Минимальный профессиональный стандарт (Тюменский Союз журналистов):

(...) Журналист (...)

– Избегает любого, в том числе невольного поощрения *жестокости, нетерпимости* или *дискриминации*, основанной на различиях в расе, поле, языке, вероисповедании, политической и иной ориентации, национальном, региональном или социальном происхождении. (...)

В качестве дополнения:

Декларация основных принципов работы журналистов в полиэтнических обществах

1. *Признавая важную роль СМИ в предотвращении межэтнической напряженности, восстановлении и поддержании доверия между различными этническими группами;*

2. *осознавая всю меру своей профессиональной и моральной ответственности при освещении напряженных и конфликтных ситуаций в этнической сфере, дискриминации меньшинств и конфессиональной нетерпимости;*

3. *желая противостоять проявлениям насилия, ненависти, конфронтации и отрицать все виды дискриминации: этнической, расовой, религиозной, культурной;*

4. осуществляя свои профессиональные обязанности по информированию общества о многообразии его жизни и процессах, происходящих в нем,

мы договариваемся в своей деятельности придерживаться следующих принципов:

1. СМИ должны придерживаться принципов свободы слова, которые включают в себя право получать и распространять информацию, при этом не нарушая другие основополагающие права, свободы и интересы, защищаемые Всеобщей Декларацией прав человека и Европейской конвенцией по правам человека.

2. Журналист должен уважать право общества на получение точной, достоверной информации. Представление, описание и изложение фактов и событий должно быть сбалансированным и беспристрастным. Слухи не должны смешиваться с новостями, так как это может стать причиной применения насилия и дискриминации. Недопустимо в своих комментариях, оценках, подборе фактов, анализе исторических предпосылок и т.д. становиться на позицию той или иной стороны.

3. Журналист должен отдавать себе отчет о той опасности, которую таит в себе призыв к дискриминации, распространенный через СМИ, и должен сделать все возможное для того, чтобы избежать даже невольного провоцирования ограничения прав на основе расы, языка, религии, политических или иных взглядов, этнического происхождения и социального статуса.

4. Недопустимой является публикация материалов, содержащих пропаганду войны, насилия, оскорбляющих чувства лиц, исповедующих или не исповедующих религию, ущемляющих права человека и его этнокультурную идентичность.

5. Журналист не вправе акцентировать внимание на расовой, этнической принадлежности, политических и религиозных убеждениях субъекта информации. Исключение могут составлять только те случаи, когда это имеет самостоятельное значение в рамках подготовленной информации. Особенно этот принцип относится к материалам о преступлениях, когда упоминание принадлежности подозреваемого или преступника к какому-либо религиозному, этническому или другому меньшинству может вызвать негативное отношение к этим группам.

6. Нельзя связывать этническую принадлежность человека с его политическими убеждениями и моральными качествами.

7. Журналист должен в своих материалах демонстрировать, что этническое многообразие – это ценность любого общества.

8. Недопустимо участие журналиста в распространении и формировании негативных стереотипов по отношению к этнокультурной либо другой группе и конфессии. Необходимо избегать обобщающих определений, бытующих в разговорной лексике выражений, негативно характеризующих всю такую группу.

9. Журналист должен осознавать, что его непрофессионализм, предвзятость, дезинформация могут стать причиной дискриминации, нетерпимости, насилия, страданий и даже гибели людей.

*Проект подготовлен Ассоциацией свободных журналистов
Крыма.*

Декларация принята 23 апреля 2001 г. в Ялте

Приложение 2

Прецеденты саморегулирования в журналистском сообществе

Понятно, что автора от ксенофобии в первую очередь должны уберегать он сам и его редактор. Но если этого не произошло, а государство еще не вмешалось в данный случай, остается еще одна инстанция – коллективное саморегулирование журналистского сообщества.

В новейшей российской истории существовало два органа, специально для этого предназначенные: Судебная палата по информационным спорам при Президенте (существовала в 1993–2000 гг.) и Большое Жюри Союза Журналистов (действует с 1999 г.). Решения обеих инстанций носили и носят рекомендательный характер, но благодаря авторитету членов этих коллегий относительно широко известны в журналистской среде и уже хотя бы этим значимы. Хотя и переоценивать это значение, наверное, не стоит.

Мы приводим решения по ряду дел, относящихся к теме *Языка Вражды*. Решения эти не должны рассматриваться (да и не рассматриваются никем) как истина в последней инстанции. Скорее можно сказать, что они отражают процесс противодействия *Языку Вражды*, как он (процесс) есть. И этим особенно интересны.

Тексты публикуются по сайту Союза Журналистов России (www.ruj.ru). Мы расположили их в хронологическом порядке, позволив себе только разделить на «религиозные» и «этнические» темы.

Судебная палата по информационным спорам

Религиозная ксенофобия

Об обращении депутата Государственной Думы РФ В.В. Борщева в связи с публикацией «Берегись лжепророков!» в газете «Российские вести» (17 декабря 1996 г.)

Решение № 10 (121) от 10 апреля 1997 г.

В Судебную палату обратился депутат Госдумы В.В. Борщев. Его обращение основывается на рекомендациях, принятых Палатой по правам человека Политического консультативного совета при Президенте РФ. 27 декабря 1996 г. по инициативе Палаты по правам человека состоялся круглый стол «О соблюдении конституционного принципа свободы совести», на котором высказывалась озабоченность появлением в последнее время в средствах массовой информации большого количества публикаций, разжигающих религиозную нетерпимость. В.В. Борщев, опираясь на материалы круглого стола, утверждает, что в средствах массовой информации регулярно публикуются материалы о целом ряде религиозных объединений, безосновательно причисляемых авторами к «деструктивным культам» и «тоталитарным сектам». Такие публикации оскорбляют, по мнению заявителя, религиозные чувства тысяч верующих россиян, которых таким образом причисляют за их религиозные убеждения к «людям второго сорта».

В.В. Борщев, в частности, обращает внимание Судебной палаты на материал М. Севастьянова «Берегись лжепророков!» в «Российских вестях» от 17 декабря 1996 г. По мнению Палаты по правам человека, выводы, содержащиеся в этом материале, являются подстрекательством к насильственным действиям в отношении верующих различных конфессий.

Судебная палата, изучив представленные материалы и заслушав В.В. Борщева, И.Н. Карпенко, А.В. Пчелинцева, С.В. Зуева, **установила:**

Публикация «Берегись лжепророков!» М. Севастьянова посвящена актуальной и сложной проблеме – возникновению в России новых религиозных движений, активизации деятельности зарубежных миссионеров. Действительно, существует проблема укрепления межрелигиозного мира, а не противопоставления одних верующих другим, соблюдение законодательства о свободе совести. Поэтому публикации на эту тему должны быть очень взвешенными.

Судебная палата считает, что принцип свободы слова дает право и возможность гражданам высказывать любые суждения, давать свои оценки происходящему. И М. Севастьянов имел право высказывать свои предложения о совершенствовании законодательства по вопросам свободы вероисповедания. С этой точки зрения публикация не содержит нарушений российского законодательства.

Вместе с тем отдельные высказывания в этой публикации могут быть по-разному восприняты читателями и верующими. Судебная палата считает, что средства массовой информации должны учитывать последствия от некорректного и невежественного вторжения в сферу религиозных взаимоотношений.

Учитывая вышеизложенное, Судебная палата **решила**:

1. Не согласиться с обращением Борщева В.В. по поводу нарушения газетой «Российские вести» Закона РФ «О средствах массовой информации».

2. Рекомендовать редакциям средств массовой информации взвешенно и деликатно освещать проблемы, связанные с религией и вероисповеданием людей.

О заявлении Центра обществ сознания Кришны в России о нарушении прав верующих и разжигании межрелигиозной вражды в публикациях газеты «Мегаполис-Экспресс»

Решение № 26 (109) от 19 декабря 1996 г.

В Судебную палату по информационным спорам при Президенте РФ обратился президент Центра обществ сознания Кришны в России В. Тунеев по поводу публикаций в газете «Мегаполис-Экспресс»: «Мракобесы» (от 31 января 1996 г.), «Отдай дочурку в рабство» (от 9 октября 1996 г.), «Крестный поход изуверов» (от 1 ноября 1995 г.). В них, по мнению В. Тунеева, содержатся необоснованные нападки на кришнаитов, приверженцев индуизма, одной из мировых религий.

Заявитель возражает против обвинения кришнаитов, как якобы членов «тоталитарной секты», проповедующей насилие, калечащей жизнь людей. В частности, В. Тунеев особое внимание обращает на материал «Отдай дочурку в рабство» («М-Э» от 9 октября 1996 г.), где цитируется выступление сотрудника МВД А. Хввли-Олинтера на конференции «Религиозный тоталитаризм и молодежь»: «Существуют крайне агрессивные и криминальные секты. Например, сайентологи, кришнаиты, последователи Секо Асахары. Они имеют в своих документах положе-

ния о необходимости нейтрализации, уничтожении людей, не согласных с учением. Кришнаиты убивают своих взбунтовавшихся сектантов выстрелом в голову или топят их... Видимо, с этой целью и подготавливается собственная военизированная гвардия, которую имеют, например, Богородичный центр и кришнаиты».

Воспроизведенное в газете и растиражированное выступление участника конференции, по мнению В. Тунеева, приобрело качество широкого публичного обвинения кришнаитов как секты, деятельность которой опасна для общества. Судебная палата не определяет характер деятельности тех или иных религиозных объединений, а в силу своей компетенции рассматривает лишь содержание конкретной информации, в частности – в отношении Центра обществ сознания Кришны в России.

Заслушав представителей Центра обществ сознания Кришны С.В. Зуева и А.И. Дыдяка, представителей газеты «Мегаполис-Экспресс» В.П. Волина, Л.Н. Андрусенко-Малаш, С.А. Долгополову, В.И. Тихомирова, присутствовавших на заседании А.И. Хввли-Олинтера, О.В. Стеняева, изучив представленные документы, Судебная палата **установила**:

В публикациях газеты «Мегаполис-Экспресс»: «Мракобесы» (от 31 января 1996 г.), «Отдай дочурку в рабство» (от 9 октября 1996 г.), «Крестный поход изуверов» (1 ноября 1995 г.) рассказывается о деятельности так называемых «тоталитарных сект», к числу которых авторы причисляют и Центр обществ сознания Кришны. В ст. 4 Закона РФ «О свободе вероисповеданий» говорится, что деятельность религиозных объединений «не должна быть сопряжена с посягательствами на личность, права и свободы граждан, а также с иными нарушениями законодательства». Авторы публикаций С. Долгополова, Л. Малаш, А. Перфильев попытались с этой точки зрения проанализировать деятельность ряда религиозных объединений, описывая установленные в них обряды, изнуряющие людей, обычаи, по которым необходимо отказываться от собственности, отрешаться от семей и т.д. Понятна тревога авторов по поводу описанных в материалах фактов, представленных мнений и предположений. Действительно, существует большая опасность распространения деятельности различных сект.

Однако выводы, сделанные газетой «Мегаполис-Экспресс» в отношении некоторых конкретных религиозных объединений, являются не всегда обоснованными. Например, в материале «Отдай дочурку в рабство» авторы С. Долгополова и Л. Малаш, не отделяя объединение кришнаитов от других, резюмируют: «...речь идет не только о духовном разбое, но практически о физическом уничтожении нации. Ведь у

членов тоталитарных сект, которые подвергаются активному зомбированию, зачастую наблюдается полное расстройство половых функций... И если учесть, что уже сейчас смертность в России превышает рождаемость, то через 50 лет население нашей страны сократится в два раза». Далее приводится число официально зарегистрированных и, по мнению авторов, «псевдорелигиозных сект» – 6 тысяч.

Авторы не учитывают требований ст. 3 Закона «О свободе вероисповеданий», которая гарантирует право каждому гражданину свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения, исповедовать любую религию. Причисляя 6 тысяч официально зарегистрированных в России религиозных объединений к опасным для общества сектам, называя их деятельность «крестным походом изуверов», авторы неоправданно переносят вину действительно существующих сект, угрожающих здоровью и жизни людей, на многих верующих.

Судебная палата отмечает, что выводы, сделанные в материале «Отдай дочурку в рабство», являются бездоказательными и могут оскорбить религиозные чувства людей.

В публикациях газеты «Мегаполис-Экспресс» в один ряд с так называемыми «тоталитарными сектами» ставится Центр обществ сознания Кришны, представляющий в России одно из течений индуизма.

В материале «Отдай дочурку в рабство» С. Долгополова и Л. Малаш цитируют сотрудника МВД А. Хвилью-Олинтера, который на конференции «Религиозный тоталитаризм и молодежь» заявил, что «кришнаиты убивают своих взбунтовавшихся сектантов выстрелом в голову или топят». В этой же цитате сообщается, что кришнаиты имеют собственную военизированную гвардию. Однако, никакими фактически данными это цитирование не подтверждено. А. Хвилью-Олинтер в ходе заседания Судебной палаты также не привел никаких доказательств в подтверждение выводов, которые он делал на конференции.

Судебная палата отмечает, что ссылки представителей редакции газеты «Мегаполис Экспресс» на то, что они лишь воспроизвели фрагмент выступления на конференции и поэтому освобождаются от ответственности, являются несостоятельными.

Часть 4 статьи 57 Закона «О средствах массовой информации» освобождает редакцию и авторов от ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство граждан и организаций, лишь в случаях, если они являются дословным воспроизведением фрагментов выступлений делегатов конференций общественных объединений, а также официаль-

ных выступлений должностных лиц государственных органов. Конференция «Религиозный тоталитаризм и молодежь» имела статус богословской научно-практической конференции, на которую делегаты не избирались. Сотрудник МВД А. Хвилью-Олинтер не был уполномочен МВД для официального выступления на данной конференции, не являлся делегатом и выражал лишь свою собственную точку зрения. Это подтверждается официальным ответом МВД РФ на запрос Судебной палаты. В данном письме также отмечается, что МВД «оказывает содействие благотворительной работе среди осужденных и наркологических больных, которая проводится региональными организациями Общества сознания Кришны».

Таким образом цитирование в газете «Мегаполис-Экспресс» не снимает с редакции, главного редактора и авторов ответственности за распространение недостоверных сведений.

Судебная палата также отмечает, что, несмотря на предоставление по ходатайству главного редактора газеты «Мегаполис-Экспресс» дополнительного времени для обоснования своих утверждений, новые факты и доказательства не только не были приведены, но главный редактор газеты и авторы материала уклонились от участия в очередном заседании Судебной палаты.

Учитывая изложенное, Судебная палата **решила**:

1. Признать, что С. Долгополова и Л. Малаш, авторы публикации «Отдай дочурку в рабство» в газете «Мегаполис-Экспресс» от 9 октября 1996 г., злоупотребили правами журналиста, распространив недостоверную информацию, порочащую отдельные категории граждан исключительно по признакам отношения к религии, что запрещено ст. 51 Закона РФ «О средствах массовой информации».

2. Признать, что авторы материала «Отдай дочурку в рабство» нарушили ч. 2 ст. 49 Закона «О средствах массовой информации», которая обязывает журналиста проверять достоверность сообщаемой информации.

3. Объявить замечание журналистам С. Долгополовой и Л. Малаш.

4. Рекомендовать газете «Мегаполис-Экспресс» в соответствии со ст. 43 Закона «О средствах массовой информации» предоставить возможность Центру обществ сознания Кришны в России опубликовать опровержение.

4. Обратить внимание редакции газеты «Мегаполис-Экспресс» на необходимость более взвешенного и корректного отношения к чувствам верующих людей при публикации материалов на религиозные темы.

О правомерности демонстрации фильма «Последнее искушение Христа» на канале телекомпании НТВ

Экспертное заключение № 2 (35) от 5 февраля 1998 г.

В Судебную палату обратился помощник Генерального прокурора Российской Федерации И.А. Буданов с просьбой дать экспертное заключение о правомерности показа художественного фильма «Последнее искушение Христа» телекомпанией НТВ.

Как следует из письма И.А. Буданова, поводом к его обращению в Судебную палату стали запросы депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Т.А. Астраханкиной, полагающей, что демонстрация указанного фильма является нарушением требований ст. 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», поскольку разжигает национальную и религиозную нетерпимость и рознь.

Судебная палата отмечает, что содержание фильма М. Скорсезе «Последнее искушение Христа» представляет собой художественное осмысление библейской истории, которая относится к числу вечных сюжетов, и в силу этого не может ущемлять права и законные интересы российских граждан и организаций, в т.ч. религиозных объединений.

По мнению Судебной палаты, фильм не содержит фрагментов, оскорбляющих приверженцев какой-либо религии, а тем более – разжигающих национальную и религиозную нетерпимость и рознь.

Возможно, предложенная авторами фильма трактовка истории христианства не совпадает с каноническими представлениями, но это уже вопросы мировоззрения, но не права.

В соответствии со ст. 14 Конституции Российской Федерации Россия – светское государство, поэтому любые попытки использовать нормы права для разрешения теологических разногласий представляются некорректными и неприемлемыми.

Учитывая изложенное, Судебная палата считает, что демонстрация фильма «Последнее искушение Христа» на канале телекомпании НТВ не является нарушением требований ст. 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации».

Об обращении координатора руководящего комитета управленческого центра региональной религиозной организации «Свидетели Иеговы» В.М. Калина в связи с публикацией в газете «Комсомольская правда» материала «Сект-Петербург. Здесь будет город-храм»

Решение № 4 (138) от 12 февраля 1998 г.

В Судебную палату обратился координатор Руководящего комитета Управленческого центра региональной религиозной организации «Свидетели Иеговы» В.М. Калин по поводу публикации в газете «Комсомольская правда» (сменная страница «КП» в Санкт-Петербурге) материала «Сект-Петербург. Здесь будет город-храм» (от 1 августа 1997 г.). В.М. Калин считает, что в данной публикации распространены необъективные и недостоверные сообщения, основанные на слухах, непроверенных данных и ложной информации, касающейся религиозной организации «Свидетели Иеговы». Заявитель полагает, что подобные публикации «способствуют формированию социального фантома «сектанта-вредителя» в отношении «Свидетелей Иеговы», возбуждают религиозную ненависть к тем, кто исповедует данную религию, затрагивают чувства верующих. В частности, по мнению заявителя, в материале «Сект-Петербург. Здесь будет город-храм» используется уничижительная терминология («американская секта», «в сектантском городке», «сектанты оккупировали»), порочащая верующих людей исключительно по признакам их отношения к религии.

Изучив представленные материалы и заслушав представителей Управленческого центра «Свидетелей Иеговы» А.Е. Леонтьева, С.В. Васильева, депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В.В. Борщева, Судебная палата **установила:**

В публикации О. Засорина «Сект-Петербург. Здесь будет город-храм» («КП» в Санкт-Петербурге) от 1 августа 1997 г.) содержатся сведения, негативным образом характеризующие деятельность приверженцев религиозного учения Свидетелей Иеговы и, в частности, Управленческого центра региональной религиозной организации Свидетелей Иеговы с Руководящим комитетом в г. Санкт-Петербурге. Судебная палата отмечает, что в силу конституционных норм о свободе слова и свободе совести журналисты вправе излагать любые, в том числе критические, суждения относительно идеологии, целей, форм деятельности тех или иных религиозных объединений.

Однако при этом журналисты обязаны соблюдать права и законные интересы верующих граждан и их объединений, воздерживаться от распространения непроверенной информации, от распространения слухов под видом достоверных сообщений. Судебная палата считает, что публикация «Сект-Петербург. Здесь будет город-храм» не в полной мере отвечает указанным требованиям законодательства и журналистской этики.

Так, автор материала, делая вывод о социальной опасности постулатов учения Свидетелей Иеговы, сообщает о том, что: «Тысячи людей умерли в американских больницах, ...запретив врачам переливать кровь». Как считает О. Засорин, подобные смерти «для руководителей секты в каком-то смысле даже выгодны – ведь все имущество члена организации после его кончины завещается в их пользу».

Автор не приводит конкретных фактов, подтверждающих этот вывод, безосновательно устанавливая причинно-следственную связь между действительно существующими взглядами Свидетелей Иеговы на проблемы переливания крови и якобы имевшими место массовыми летальными исходами в результате отказа от применения тех или иных методов лечения. Таким образом, автор публикации распространил слухи под видом достоверного сообщения, злоупотребив правами журналиста, что запрещено ст. 51 Закона «О средствах массовой информации».

Такие же нарушения автор допустил, бездоказательно и необоснованно утверждая, что «секта категорически требует отвергнуть возлюбленных, жен, мужей, родителей, если они не понимают и не разделяют вашей веры. Число семейных драм и разводов, произошедших из-за этого, исчисляется десятками тысяч». Эти сведения, приведенные О. Засориным, опровергаются, в частности, положениями официальной книги религиозной организацией «Свидетели Иеговы» «Секрет семейного счастья», которая призывает всегда сохранять мир в доме и семье и не содержит никаких призывов к разводу или разрыву с близкими.

В заключении материала О. Засорин делает вывод о том, что Свидетели Иеговы нарушают «Конституцию России, Семейный кодекс, трудовое законодательство, законы об охране здоровья, о безопасности государства, международные акты о правах человека». Никаких фактов, подтверждающих этот вывод, автор также не приводит. По сообщению Министерства юстиции Российской Федерации, устав Управленческого центра региональной религиозной организации «Свидетели Иеговы» зарегистрирован Минюстом Российской Федерации 11 де-

кабря 1992 года. Таким образом, данное религиозное объединение действует на территории России законно. В распоряжении Судебной палаты имеются материалы из прокуратуры Санкт-Петербурга, из которых следует, что отдел дознания ГУВД трижды отказывал в возбуждении уголовного дела против религиозного объединения «Свидетели Иеговы» по обвинению в нарушении действующего законодательства, посягательства на личность и права граждан за отсутствием события преступления. Аналогичные обвинения, выдвинутые в Вологде и Москве, также не нашли своего подтверждения в ходе расследования.

Судебная палата также отмечает, что решениями Европейского суда по правам человека (1993 г.) было защищено право на религиозную свободу Свидетелей Иеговы, которая подвергалась ограничению в Греции и Австрии. Кроме того, недостоверность утверждений о том, что руководство свидетелей Иеговы присваивает имущество членов своей организации, разрушает их личность и их семьи, была установлена судебными инстанциями Италии и Франции.

Судебная палата считает, что, распространив недостоверную и порочащую информацию о Свидетелях Иеговы, журналист О. Засорин и редакция газеты «Комсомольская правда» допустили злоупотребление свободой массовой информации, поскольку приведенные автором сведения могут способствовать разжиганию религиозной нетерпимости, что противоречит требованиям ст. 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации».

Судебная палата также отмечает, что в законодательстве Российской Федерации не существует такого понятия, как «секта». В то же время данный термин в силу сложившихся в обществе представлений несет безусловно негативную смысловую нагрузку и, употребляя его, журналисты могут оскорбить чувства верующих. Судебная палата считает, что автор материала О. Засорин, неоправданно используя термин «секта» в отношении Свидетелей Иеговы, нарушил тем самым нормы журналистской этики.

Судебная палата считает, что любые публикации, касающиеся деятельности религиозных организаций, должны быть основаны на проверенной, достоверной информации, выдержаны в деликатной форме, осторожны в выражениях и характеристиках верующих людей. Журналисты не вправе игнорировать Конституцию Российской Федерации и Закон Российской Федерации «О свободе совести и религиозных объединениях», которые гарантируют человеку право исповедовать любую религию и действовать в соответствии с ней.

В связи с изложенным и руководствуясь п.п. 4,8,11,12 Положения о Судебной палате по информационным спорам при Президенте Российской Федерации, Судебная палата **решила:**

1. Признать, что публикация материала «Сект-Петербург. Здесь будет город-храм» является нарушением требований ст.ст. 4,49,51 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации».

2. Предложить Государственному Комитету Российской Федерации по печати рассмотреть вопрос о вынесении редакции газеты «Комсомольская правда» официального предупреждения.

3. Объявить замечание журналисту О. Засорину.

4. Рекомендовать редакции газеты «Комсомольская правда» принести извинения за публикацию недостоверных сведений, необоснованно порочащих религиозную организацию «Свидетели Иеговы».

Этническая ксенофобия

О противоправных выступлениях газет «Советская Россия» и «Завтра»

Заявление от 20 марта 1997 г.

В последнее время газеты «Советская Россия» и «Завтра» выступили с рядом публикаций, которые не имеют ничего общего с цивилизованной журналистикой, попирают нормы права и этики.

Так, в сообщении некоего «патриотического информбюро» за подписями главных редакторов указанных изданий В. Чикина и А. Проханова, опубликованном 18 марта 1997 г. «Советской Россией», распространены бездоказательные сведения о переходе народа России к активным формам протеста, таким как блокирование газовых и нефтяных магистралей, отключение административных объектов от электро- и теплоснабжения. Эта подстрекательская публикация сопровождается хамскими по форме и оскорбительными по содержанию призывами, с которыми, как уверяют авторы сообщения, «люди пойдут в колоннах» во время организованных профсоюзами акций 27 марта.

В другом материале тех же авторов, опубликованном 11 марта в «Советской России» и в мартовском выпуске «Завтра» за № 10, также состоящим сплошь из брани и оскорблений, заявляется, что «бесполезно говорить с этой властью на языке закона». Видимо, взамен этого в одном из опубликованных лозунгов авторы предлагают русским лю-

дям учить албанский язык. Смысл таких призывов в контексте последних событий в Албании вполне очевиден: гражданская война как универсальный способ разрешения всех социальных конфликтов.

Судебная палата считает, что содержание таких публикаций – это не что иное, как крупномасштабная политическая провокация, направленная на дестабилизацию обстановки в стране.

Разумеется, никто не ждет от оппозиционной прессы лояльности по отношению к власти. Вряд ли приходится рассчитывать хотя бы на понимание этой прессой тех объективных обстоятельств, в которых нынешнее руководство страны проводит реформы, пытается укрепить правопорядок.

Однако принадлежность даже к самой непримиримой оппозиции не дает оснований нарушать закон, выходить за рамки элементарных приличий, напрочь теряя чувство меры и гражданской ответственности.

Судебная палата считает, что опубликовав указанные материалы, редакции газет «Советская Россия» и «Завтра», их главные редакторы В.В. Чикин и А.А. Проханов нарушили требования целого ряда статей Закона РФ «О средствах массовой информации». А именно: статьи 4 – недопустимость использования СМИ для разжигания социальной розни; статьи 49 – обязанность журналиста уважать честь и достоинство граждан и организаций; статьи 51 – недопустимость использования прав журналиста в целях фальсификации общественно значимых сведений.

Судебная палата не считает нужным заниматься увещаниями и морализаторством, говорить следует исключительно на языке закона.

В этой связи Судебная палата обращается к Генеральному прокурору РФ Ю.И. Скуратову и председателю Госкомпечати России И.Д. Лаптеву с предложением в возможно короткий срок рассмотреть вопрос о юридической ответственности редакций и главных редакторов газет «Советская Россия» и «Завтра» за злоупотребление свободой массовой информации.

О правовой оценке публикаций газеты «Псковский курьер»

Экспертное заключение от 6 октября 1997 г.

В Судебную палату обратился полномочный представитель Президента Российской Федерации в Псковской области Д.К. Хритоненков с просьбой дать экспертное заключение по поводу ряда публикаций в газете «Псковский курьер».

Кроме того, в Судебную палату с просьбой дать экспертную оценку этих же публикаций обратился старший следователь прокуратуры г. Пскова С.П. Петрошенко, в производстве у которого находится уголовное дело по обвинению редактора газеты «Псковский курьер» Д.В. Беляева.

Судебная палата в октябре 1996 года уже принимала решение по поводу ряда публикаций газеты «Псковский курьер», в котором устанавливалось, что данное издание грубо нарушило ст.4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», т.к. в нем допускались высказывания, разжигающие социальную и национальную нетерпимость и рознь.

Руководствуясь п. 21 Положения о Судебной палате, утвержденного Указом Президента Российской Федерации № 228 от 31 января 1994 г., Судебная палата приняла данное обращение к рассмотрению.

Ознакомившись с представленными газетными публикациями, Судебная палата пришла к следующему заключению.

В материале «Огрызки с тумановского стола» («Псковский курьер», № 2, 1997 г.) содержатся следующие высказывания: «...совершенно незаконно выбрали меньшей частью города мэра, не имеющего никакого отношения к русскому народу»; «мэрская тусовка, верная «яблочко»-сионистскому саботажному принципу «чем хуже, тем лучше»; «все эти демократы-руссофобы с печатью ближневосточного происхождения на лицах»; «пришлые нерусские мутанты-демократы». Автор материала Д. Беляев использует признак национальной принадлежности с целью создания отрицательного отношения к лицам иного, чем русское, происхождения. Автор злоупотребляет правами журналиста, распространяя информацию с целью опорочить отдельные категории граждан исключительно по признакам национальной принадлежности, что запрещено ст. 51 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации». Такие же нарушения данного Закона содержатся в материалах «Псковичи сказали Прокофьеву: «Уходи!»». Здесь дается обобщенный образ власти в г. Пскове и России. Автор (Д. Беляев) в оценке власти вообще и ее конкретных носителей использует исключительно негативные националистические определения.

Уже в первом абзаце статьи он называет представителей власти «врагами русского народа», «агентами влияния дяди Сэма», «мутантами». Здесь же: «Эти людишки, не коренные псковичи и даже не русские, не славяне...». Поскольку далее автор пишет, что «итог один – все разрушается», то можно с уверенностью констатировать, что

именно этнический облик власти является, по мнению автора, причиной всех бед в стране.

Этнический фактор для создания негативного образа власти используется в публикации «Слуга народа», автор которой Г. Павлов, утверждает, что от власти «толку будет мало», если она пользуется услугами «советников с фигурными носами и аналогичными паспортами».

Авторы газеты формируют отрицательное, враждебное отношение читателя ко всему «нерусскому» во власти. Именно эти, заведомо негативные, с точки зрения авторов, качества присущи российской демократии.

Стереотип «нерусское, еврейское – значит плохое» повторяется в публикации «Гессенская муха». Автору не нравится журнал «Итоги» – он его называет «произраильским малотиражным похабным журнальчиком», а его корреспондента – «современной гессенской мухой». И далее по тексту: «является по национальности махровой еврейкой со всеми вытекающими последствиями».

Вот один из выводов этого материала: «Русским людям, конечно, не привыкать к провокациям местных псковских демократов, хитрых евреев и прочей городской швали».

Редакция газеты «Псковский курьер» в процитированных материалах допускает злоупотребление свободой массовой информации, используя свою газету для разжигания национальной розни. Таким образом грубо нарушается ст. 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации».

Конкретную критику, фактическую основу, рациональные мнения авторы подменяют шовинистическими выпадами и измышлениями. Но этим не ограничиваются.

В материале «Не соплями, а руками», где приводится одно из выступлений на митинге «Трудовой России», сказано без обиняков: «Наш лозунг – «Да здравствует боевая революция за национальное и социальное освобождение». В этом же номере газеты в материале «Развенчание мифа» тема продолжена: «...а если доходило до конкретных акций, то наши мужики не стрелялись с горя, как сейчас, а брались топоры и решали эти проблемы всем миром (например, так называемые «еврейские погромы...»).

По мнению Судебной палаты, в этих высказываниях содержится призыв к насильственному захвату власти. Редакция газеты «Псковский курьер» в очередной раз злоупотребила свободой массовой информации, нарушив ст. 4 Закона о СМИ.

Судебная палата констатирует: многие публикации газеты «Псковский курьер» пронизаны отрицательным отношением к конституционному строю России, что выражается в глумливых, уничижительных по отношению к российской и городской власти г. Пскова характеристиках. Природу этой власти авторы практически всех материалов газеты, вышедшей в 1997 г., трактуют как антирусскую, объясняя все плохое деятельностью сионистских сил. Таким образом названные в настоящем экспертном заключении публикации нарушают конституционные права, положения ст. 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации».

Об обращении председателя Псковского регионального отделения объединения «Яблоко» Л.М. Шлосберга в связи с публикацией «Псковское отделение «Яблока» выдвигает Михаила Гавунаса на пост мэра» в газете «Псковская правда» от 12 марта 1999 г.

Решение № 5 (168) от 15 апреля 1999 г.

ВЫДЕРЖКИ:

В Судебную палату поступило обращение Председателя Псковского регионального отделения объединения «Яблоко» Л.М. Шлосберга в связи с публикацией «Псковское отделение «Яблока» выдвигает Михаила Гавунаса на пост мэра» в газете «Псковская правда» от 12 марта 1999 г.

Заявитель считает, что в тексте данной публикации содержатся выражения, оскорбляющие его чувства как гражданина России, огульно и безосновательно унижающие его честь и достоинство, разжигающие национальную и религиозную нетерпимость и рознь.

Полагая, что данная публикация затрагивает общественные интересы, заявитель просит Судебную палату дать ей правовую и нравственную оценку.

Изучив представленные материалы, заслушав Л.М. Шлосберга, секретаря Гильдии парламентских журналистов С.Б. Дубинскую, Судебная палата установила.

<...> Вместе с тем Судебная палата обращает внимание на то, что любая, самая острая дискуссия не должна выходить за рамки политической корректности, не должна принимать форму личных оскорблений, не должна сопровождаться иными нарушениями требований за-

конодательства о средствах массовой информации. В этом смысле Судебная палата находит обоснованным ряд претензий заявителя к публикации М.С. Гавунаса.

Так, недопустимо использование в качестве полемического приёма национальности оппонента.

По мнению Судебной палаты, не отвечают требованиям ст.4 Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» и содержат признаки разжигания национальной розни следующие фрагменты публикации М.С. Гавунаса:

«Уважаемый Лев Маркович, может, Вам надо уехать в ту страну, где лица коренных псковичей не будут вас заставлять содрогаться, где солнце светит ярче и апельсины растут на деревьях, а не продаются за бешеные деньги в магазинах»; «Совсем плохо у иноверца-ученого с определением меня как человека».

<...> Учитывая изложенное и руководствуясь Положением о Судебной палате по информационным спорам при Президенте Российской Федерации, Судебная палата решила:

<...> 2. Направить материалы данного дела в Госкомпечать России с предложением рассмотреть и дать соответствующую правовую оценку указанным в настоящем Решении фрагментам статьи «Псковское отделение «Яблока» выдвигает Михаила Гавунаса на пост мэра» с точки зрения их соответствия требованиям ст. 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации».

Большое Жюри Союза Журналистов

Об обращении исполнительного директора фонда «Школа мира» В.Е. Карастелева (г. Новороссийск) по поводу публикации «В кого влюбляться патриоткам» в газете «Новороссийский рабочий» от 16 ноября 2000 г.

Решение № 11 от 30 марта 2001 г. (Москва)

Большое Жюри Союза журналистов России на заседании коллегии в составе сопредседателя Большого Жюри М.А. Федотова (председательствующий), а также членов Большого Жюри Д.С. Авраамова, А.К. Копейки, Г.В. Лазутиной, М.А. Мельникова

рассмотрело обращение исполнительного директора фонда «Школа мира» (г. Новороссийск) В.Е. Карастелева.

Заявитель сообщает, что 16 ноября 2000 г. в газете «Новороссийский рабочий» в рубрике «Другое измерение» была опубликована статья «В кого влюбляться патриоткам», в которой, наряду с лидерами комсомола, студентов и молодых представителей госструктур, открыто выступил Константин Орлов – представитель неформального фашистского движения наци-скинхэдов. Без комментариев газета опубликовала высказывания «... в России должны оставаться одни русские. Когда отсюда уберется большая часть пришлых людей – евреев, кавказцев, то для русских ... освободятся рабочие места. Борьба с «черными» можно только силой. Собрать их всех в двадцать четыре часа в вагоны и отправить в Грузию, Армению, Азербайджан, за исключением тех, кто приносит пользу России... А еще мы собираемся бороться за чистоту русской расы...».

Автор обращения утверждает, что этот факт публикации не только противозаконен, но и крайне безнравственен по отношению к жителям многонационального Новороссийска. В то время когда общественные организации и антифашисты города пытаются противостоять распространению фашистских идей, газета «Новороссийский рабочий» дает открытую трибуну молодым поклонникам Гитлера, которых на сегодня уже весьма много, и с каждым днем становится все больше.

Заявитель также сообщает, что представители общественных организаций г. Новороссийска еще 23 ноября 2000 г. распространяли в средствах массовой информации свое заявление о недопустимости пропаганды фашизма, однако редакция газеты «Новороссийский рабочий» никак не отреагировала на это.

По поводу обращения в Большое Жюри заместитель главного редактора газеты «Новороссийский рабочий», председатель городской журналистской организации «Единство» И. Кривошеина пояснила в своем письме от 16 января 2001 г., что рубрика «Другое измерение» специально создана для того, чтобы «показывать жизнь и умонастроения молодежи во всем их многообразии... Высказывания местного скинхэда Константина Орлова приведено прежде всего, как предупреждение обществу о том, какие силы формируются в молодежной среде».

Большое Жюри приняло к сведению согласие заявителя В.Е. Карастелева и согласие ответчика – главного редактора газеты «Новороссийский рабочий» В. Бурлакова признать юрисдикцию Большого Жюри в отношении как данной конфликтной ситуации, так и иных конфликтных ситуаций, предусмотренных мандатом Большого Жюри,

отклонило предложение главного редактора газеты «Новороссийский рабочий» о передаче данного информационного спора на рассмотрение в Краснодарскую краевую журналистскую организацию, поскольку в Краснодарском крае отсутствует региональная коллегия Большого Жюри Союза журналистов России,

с сожалением констатировало, что из-за финансовых причин представители редакции газеты «Новороссийский рабочий» не смогли прибыть на данное заседание,

заслушало пояснения представителя фонда «Школа мира», члена Союза журналистов России А.А. Козлова,

изучило представленные участниками заседания документы и материалы,

признало рассмотрение данной конфликтной ситуации соответствующим мандату Большого Жюри

и приняло следующее решение:

1. Констатировать, что публикация «В кого влюбляться патриоткам» представляет собой отчет с круглого стола, участниками которого были представители молодежных организаций, в том числе неформальных, молодые политики г. Новороссийска. Все участники круглого стола были представлены в публикации как «состоявшиеся молодые лидеры». Это определение коснулось и руководителя местных скинхэдов К. Орлова, заявившего о своем стремлении стать «лидером националистического движения». Всем им была предложена игровая ситуация: сбылись их карьерные мечты и они должны предложить рецепты решения актуальных проблем развития России (в чьих руках должно находиться национальное достояние России, как граждан воспитать патриотами и др.). Отвечая на предложенные вопросы, К. Орлов допускает высказывания, которые можно трактовать как дискриминационные по отношению к ряду национальностей. К. Орлов утверждает, в частности, что экономическое положение русских в России улучшится, если «большую часть пришлых людей – евреев, кавказцев» убрать из России, причем сделать это можно, по его мнению, только силой. Кроме того, К. Орлов выдвигает лозунг борьбы за чистоту «русской расы», предлагая в качестве средства моноэтнические браки. Такие высказывания содержат признаки пропаганды, возбуждающей национальную ненависть и вражду, что запрещено частью второй статьи 29 Конституции Российской Федерации.

2. Отметить, что в таком многонациональном городе, как Новороссийск, тема межнациональных отношений, естественно, должна являться одной из постоянных в СМИ. В то же время журналисты дол-

жны проявлять особую ответственность при подготовке публикаций на эту деликатную тему. Совершенно недопустимо предоставлять трибуну экстремистам, чьи высказывания или действия нарушают закон. В то же время запрещать прессе писать об экстремистских националистических организациях и их взглядах нет ни моральных, ни правовых оснований. Но при этом следует избегать рекламирования этих организаций и их идеологии. Категорически недопустимо оставлять цитируемые экстремистские высказывания без серьезного и взвешенного комментария редакции. Если редакция формально или фактически солидаризируется с подобными высказываниями, то в таком случае налицо использование СМИ для разжигания национальной нетерпимости или розни.

3. Констатировать, что высказывания К. Орлова в публикации «В кого влюбляться патриоткам» дополняются мнениями некоторых других участников круглого стола. В частности, И. Малахов предлагает, чтобы вопрос о полезности тех или иных конкретных «пришлых людей» решал «не один человек, а общественное мнение». В. Батуринов утверждает, что «националистические настроения усиливаются в любой стране по мере усиления нестабильности. Но мы ищем не причины, приводящие к нестабильности, а врагов». Нам удобно все сваливать на кавказцев...» А. Ваганов призывает не воспринимать молодых националистов всерьез. А. Сокол утверждает, что конфликты на межнациональной почве были, есть и будут, поскольку есть заинтересованные в этом люди. Он также полагает, что большую роль в разжигании национальных конфликтов играют средства массовой информации. При этом редакционная позиция по отношению к высказываниям К. Орлова в публикации отсутствует.

4. Признать, что публикация «В кого влюбляться патриоткам» в газете «Новороссийский рабочий», мотивированная стремлением редакции представить все многообразие мнений молодежных организаций города, не до конца решает поставленную задачу ввиду недостатка профессионализма при организации круглого стола и подготовке материала к печати. В частности, использованный редакцией заголовок фактически акцентирует внимание читателей на высказывании К. Орлова о чистоте «русской расы».

5. Направить публикацию «В кого влюбляться патриоткам» в прокуратуру г. Новороссийска для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении К. Орлова по признакам преступления, предусмотренного ст. 282 УК Российской Федерации.

6. Обязать редакцию газеты «Новороссийский рабочий» опубликовать настоящее решение.

7. Просить редакции журналов «Журналист» и «Профессия – журналист» опубликовать настоящее решение.

8. Предложить Правлению Краснодарской краевой организации Союза журналистов России обсудить проблему ответственности журналистов при освещении вопросов межнациональных отношений в регионе.

Об обращении президента Ассоциации национально-культурных объединений Санкт-Петербурга «Лига Наций» Х. Цокиева по поводу публикаций «Пуля в русского солдата», «Блокадный Ленинград осаждали... иудеи» в газете «Новый Петербург» (№ 3, 11, за 2001 г.) и «Ах эти «мирные» чеченцы!» в газете «Славянский вестник» (№ 5 за 2000 г.)

Решение № 13 от 29 мая 2001 г. (Санкт-Петербург)

Большое Жюри Союза журналистов России на заседании коллегии в составе сопредседателя Большого Жюри Федотова М.А. (председательствующий), а также членов Большого Жюри Аврамова Д.С., Бенца И.В., Ежелева А.С., Копейки А.К., Мельникова М.А., Моргунова А.Я., Мосеева В.А., Нечаева В.Г., Никифорова А.В., Петрова В.С., Смирновой О.Л.

рассмотрело обращение президента Ассоциации национально-культурных общественных объединений Санкт-Петербурга «Лига Наций» Х. Цокиева.

Заявитель сообщает, что члены Совета Ассоциации национально-культурных общественных объединений Санкт-Петербурга «Лига Наций» и Правления Санкт-Петербургского регионального отделения общественной организации «Ассамблея народов России» обеспечены рядом публикаций, разжигающих межнациональную рознь. Так, в газете «Новый Петербург» (№ 3 за 2001 г.) опубликована статья «Пуля в русского солдата» (автор Н. Петров), в которой утверждается следующее: «именно чеченские и дагестанские мафиозные кланы в российских городах на 90% осуществляли снабжение воюющих чеченских бандформирований». Автор публикации предупреждает: «Вполне возможно, что шашлык или лаваш, купленный вами, уважаемый читатель, у кавказцев, стал пулей, летящей в русского солдата из засады в горном ущелье».

Автор статьи указывает на деятельность фирмы «Петродаг» как на пример незаконной коммерческой деятельности «кавказских кланов в Петербурге», вытесняющих этнических русских из сферы бизнеса и подпитывающих экстремистские группировки.

В другой публикации той же газеты («Блокадный Ленинград осадили ... иудеи», «Новый Петербург» № 11, 2001 г.) по мнению заявителя, содержится ряд следующих бездоказательных утверждений: «только среди военнопленных, оказавшихся в ходе боевых действий в советских лагерях, евреев оказалось 10 тысяч!», «в осаждавшей Ленинград финской армии служило не менее трехсот не то что евреев, а верующих иудеев!», «обрезанные финские парни сражались за грядущее торжество третьего рейха и великую Финляндию до Архангельска не хуже, чем самые отборные ээсовцы».

Заявитель также предъявляет претензии к газете «Славянский вестник» (№ 5 за 2000 г.), в специальном выпуске которой опубликован материал «Ах эти «мирные» чеченцы!». В этой публикации, по мнению Х. Цокиева, содержится «клевета на чеченцев и ингушей, якобы сотрудничавших с немецко-фашистскими захватчиками в годы оккупации ими территории Чечено-Ингушской Республики».

Заявитель считает, что редакции газет «Новый Петербург» и «Славянский вестник», публикуя вышеназванные материалы, вносят раскол в единство многонационального народа России, разжигают межнациональную рознь и вражду.

Большое Жюри приняло к сведению согласие Ассоциации национально-культурных общественных объединений Санкт-Петербурга «Лига Наций» признать юрисдикцию Большого Жюри в отношении как данной конфликтной ситуации, так и иных конфликтных ситуаций, предусмотренных мандатом Большого Жюри, приняло к сведению также готовность двоих журналистов редакции газеты «Новый Петербург» Д.В. Усова и Е.А. Прудниковой к сотрудничеству с Большим жюри при рассмотрении данного спора,

с сожалением констатировало отказ редакции газеты «Славянский вестник» участвовать в рассмотрении данной конфликтной ситуации,

выразило признательность Председателю Российского Комитета адвокатов в защиту прав человека Ю. Шмидту, представившему свое экспертное заключение,

заслушало пояснения президента Ассоциации национально-культурных объединений Санкт-Петербурга «Лига Наций» Х. Цокиева, сотрудников редакции газеты «Новый Петербург», члена Союза журна-

листов России Д.В. Усова и Е.А. Прудниковой, а также автора статьи «Пуля в русского солдата» Н.Н. Бондарика (псевдоним – Н. Петров), отрекомендовавшегося профессиональным журналистом,

с благодарностью заслушало мнение эксперта, старшего научного сотрудника Музея антропологии и этнографии РАН, кандидата исторических наук Гиренко Н.М.,

изучило представленные участниками заседания документы и материалы,

признало рассмотрение данной конфликтной ситуации соответствующей мандату Большого Жюри

и приняло следующее решение:

1. Отметить, что проверка достоверности исторических и иных фактов, изложенных в упомянутых заявителем публикациях, не входит в компетенцию Большого Жюри. В то же время Большое жюри отмечает, что выступившие на заседании Н.Н. Бондарик и Д.В. Усов не представили никаких доказательств подлинности сведений, содержащихся в статьях в газете «Новый Петербург», ставших поводом к настоящему заседанию Большого жюри.

2. Констатировать, что автор статьи «Пуля в русского солдата» Н.Н. Бондарик нарушил журналистскую этику тем, что построил свою публикацию исключительно на предположениях и умозаключениях, не приведя ни одного доказательства в подтверждение вывода о связях так называемой «кавказской диаспоры» и в том числе фирмы «Петродаг» с экстремистскими группировками и международным терроризмом.

3. Констатировать, что словосочетания «кавказская диаспора», «кавказские землячества», «кавказские кланы», «кавказцы» употребляются в статье «Пуля в русского солдата» для обозначения принадлежности входящих в диаспоры лиц к этносам, населяющим Кавказ. Автор использует эти словосочетания для характеристики объективно сложившихся диаспор как источников финансовой поддержки чеченских боевиков и, одновременно, источников угроз русскому народу. Тем самым автор статьи Бондарик Н.Н. объективно, и, исходя из его выступлений на заседании Большого жюри, сознательно и целенаправленно стремился своей публикацией содействовать формированию нетерпимости к лицам, принадлежащим к кавказским этносам, подрывать их предпринимательскую деятельность.

4. Констатировать, что статья И. Пыхалова «Ах эти «мирные» чеченцы!» в газете «Славянский вестник» содержит утверждения, которые противоречат Декларации Верховного Совета СССР от 14 ноября

1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», а также Закону Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 года. В этом Законе ясно сказано, что репрессированные в годы советской власти народы «подвергались геноциду и клеветническим нападениям. Политика произвола и беззакония, практиковавшаяся на государственном уровне по отношению к этим народам, являлась противоправной, оскорбляла достоинство не только репрессированных, но и всех других народов страны. Ее трагические последствия до сих пор сказываются на состоянии межнациональных отношений и создают опасные очаги межнациональных конфликтов». Оспаривать эти положения значит провоцировать те межнациональные конфликты, о которых говорит Закон.

5. Констатировать также, что статья И. Пыхалова «Ах эти «мирные» чеченцы!» написана преимущественно ради последней фразы, в которой автор выставляет известных политиков, депутатов Государственной Думы Явлинского, Артемьева, Гайдара, Ковалева и Рыбакова как защитников чеченских боевиков. Последних, в свою очередь, автор представляет как наследников предателей, воевавших в годы Великой Отечественной войны на стороне нацистов. Такая надуманная ассоциативная связь позволяет ему заявить следующее: «Ясно, где бы оказались Явлинский с Артемьевым и Гайдар с Ковалевым и Рыбаковым, очутись они в те годы на оккупированной фашистами территории».

6. Признать, что автор И. Пыхалов нарушил правила журналистской этики, используя недобросовестные методы и, в частности, подтасовку фактов для агитации против политических деятелей.

7. Обратит внимание региональной инспекции МПТР России на то, что статьи в газетах «Новый Петербург» и «Славянский вестник», ставшие поводом к настоящему заседанию Большого жюри, содержат признаки нарушения статьи 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в форме разжигания национальной неприязни или розни.

8. Обратит внимание прокуратуры г. Санкт-Петербурга на то, что статьи в газетах «Новый Петербург» и «Славянский вестник», ставшие поводом к настоящему заседанию Большого жюри, содержат признаки уголовно-наказуемого деяния, предусмотренного статьей 282 УК Российской Федерации.

9. Предложить редакциям газет «Новый Петербург» и «Славянский вестник» опубликовать настоящее решение.

10. Просить редакции журналов «Журналист» и «Профессия – журналист» опубликовать настоящее решение.

11. Просить журналистское сообщество довести данное решение до сведения общественности.

Об обращении президента фонда «Холокост» А. Гербер в связи с передачей «Антидеза» в эфире телеканала «Московия» (от 28 июля 2002 г.)

Решение № 22 от 9 сентября 2002 г. (Москва)

Большое жюри Союза журналистов России на заседании коллегии в составе сопредседателя Большого жюри Федотова М.А. (председательствующий), а также членов Большого жюри Казакова Ю.В., Копейки А.К., Мамлеева Д.Ф., Мельникова М.А., Монахова В.Н., Рубинова А.З., Феофанова Ю.В. рассмотрело обращение президента фонда «Холокост» А. Гербер в связи с передачей «Антидеза» (автор – Александр Жилин) в эфире «3 Канала» (телекомпания «Московия») 28 июля 2002 г.

В своем обращении президент фонда «Холокост» сообщает, что «каждое слово этой передачи – повод для возбуждения уголовного дела по факту разжигания национальной ненависти». По мнению заявителя, телезритель из передачи узнает, что антисемитизм (прошлый и настоящий) является делом рук самих евреев, что еврейский капитал спровоцировал Октябрьскую революцию и вывел на политическую арену Адольфа Гитлера, а также утвердил на земле новый Третий рейх – государство Израиль. Подобные слова, считает автор обращения, не должны звучать в эфире страны, которая намерена войти в Европейское сообщество и стать частью цивилизованного мира.

Большое жюри

приняло к сведению согласие сторон признать юрисдикцию Большого жюри как в отношении данной конфликтной ситуации, так и иных конфликтных ситуаций, предусмотренных мандатом Большого жюри,

просмотрело видеозапись передачи «Антидеза» за 28 июля 2002 г.;

заслушало пояснения президента Фонда «Холокост» Гербер А.Е., автора и ведущего передачи «Антидеза» Жилина А.И., доктора юридических наук Хохрякова Г.Ф., правозащитника Пономарева Л.А., председателя Концептуальной партии «Единение» Петрова К.П.

заслушало мнения присутствующих на заседании независимых экспертов: старшего научного сотрудника Института этнологии и антро-

пологии РАН Мальковой В.К. и учредителя «Международной еврейской газеты» Голенпольского Т.Г.;

изучило представленные участниками заседания документы и материалы, в том числе копии соответствующих фрагментов Библии, толкового словаря В. Даля, энциклопедических справочников;

признало рассмотрение данной ситуации соответствующей мандату Большого жюри

и приняло следующее решение:

1. Большое жюри подчеркивает, что обсуждение подобных тем в средствах массовой информации не только возможно, но и необходимо в силу их высокой общественной значимости. В то же время, берясь за столь чувствительную тему, журналист обязан проявлять максимальный такт и профессиональную ответственность, в том числе использовать только проверенные сведения и предоставлять слово носителям разных точек зрения.

2. Большое жюри констатирует, что тележурналист Жилин А.И., автор передачи «Антидеза» от 28 июля с.г., обозначив своей целью разобраться в механизме «антисемитизма как инструмента достижения политических и экономических целей» использовал для достижения этой цели неверные средства. В передаче предлагается только одна точка зрения на антисемитизм, согласно которой существование и постоянное воспроизводство этого позорного явления организуется некоей «надгосударственной еврейской мафией». Таким образом, автор передачи фактически воспроизводит и тиражирует известные положения так называемых «Протоколов сионских мудрецов», неоднократно в разных странах признанных фальшивкой и инструментом разжигания межнациональной нетерпимости и розни.

3. Констатировать, что в телепередаче допущены неточности, подтасовки, выборочное цитирование, искажающие смысл приводимых сведений. Так, тележурналист Жилин А.И. предвзято истолковал имеющиеся разночтения в разных изданиях толкового словаря В. Даля, оторвав переносный смысл слова «жид» от его укоренившегося смысла, носящего негативную этническую окраску.

Поясняя в кадре, что цитирует Тору, автор передачи воспроизводит два совершенно самостоятельных отрывка из Библии (Второзаконие, глава 23, стихи 19 и 20; Книга пророка Исаяи, глава 60, стихи с 10 по 12). Подобный метод цитирования, рассчитанный на неподготовленного зрителя, в корне меняет восприятие не только источника, но и смысла цитируемых слов.

Называя К. Маркса сыном раввина, автор передачи вводит зрителя в заблуждение, поскольку отец К. Маркса был адвокатом и крестился вместе с сыном.

Явные подтасовки имеют место и в плане совмещения видеоряда с авторским текстом или музыкой, вследствие чего у зрителя создаются ложные представления о сути обсуждаемой проблемы (пример: как бы танцующие или поющие под музыку еврейской песни Б.А. Березовский, Л.М. Кравчук, Б.Н. Ельцин, В.В. Жириновский, В.А. Гусинский). В этой связи Большое жюри подчеркивает абсолютную недопустимость подтасовок и фальсификации в любых журналистских материалах, а особенно в посвященных такой чувствительной теме, как межнациональные, межэтнические, межконфессиональные отношения.

4. Большое жюри полагает, что телепередача «Антидеза» от 28 июля 2002 г. – вне зависимости от заявленных автором задач и намерений – как по содержанию, так и по форме может способствовать разжиганию национальной, социальной, религиозной нетерпимости, что несовместимо с принципами и нормами профессиональной журналистской этики.

5. Просить редакции журналов «Журналист» и «Профессия – журналист» опубликовать настоящее решение.